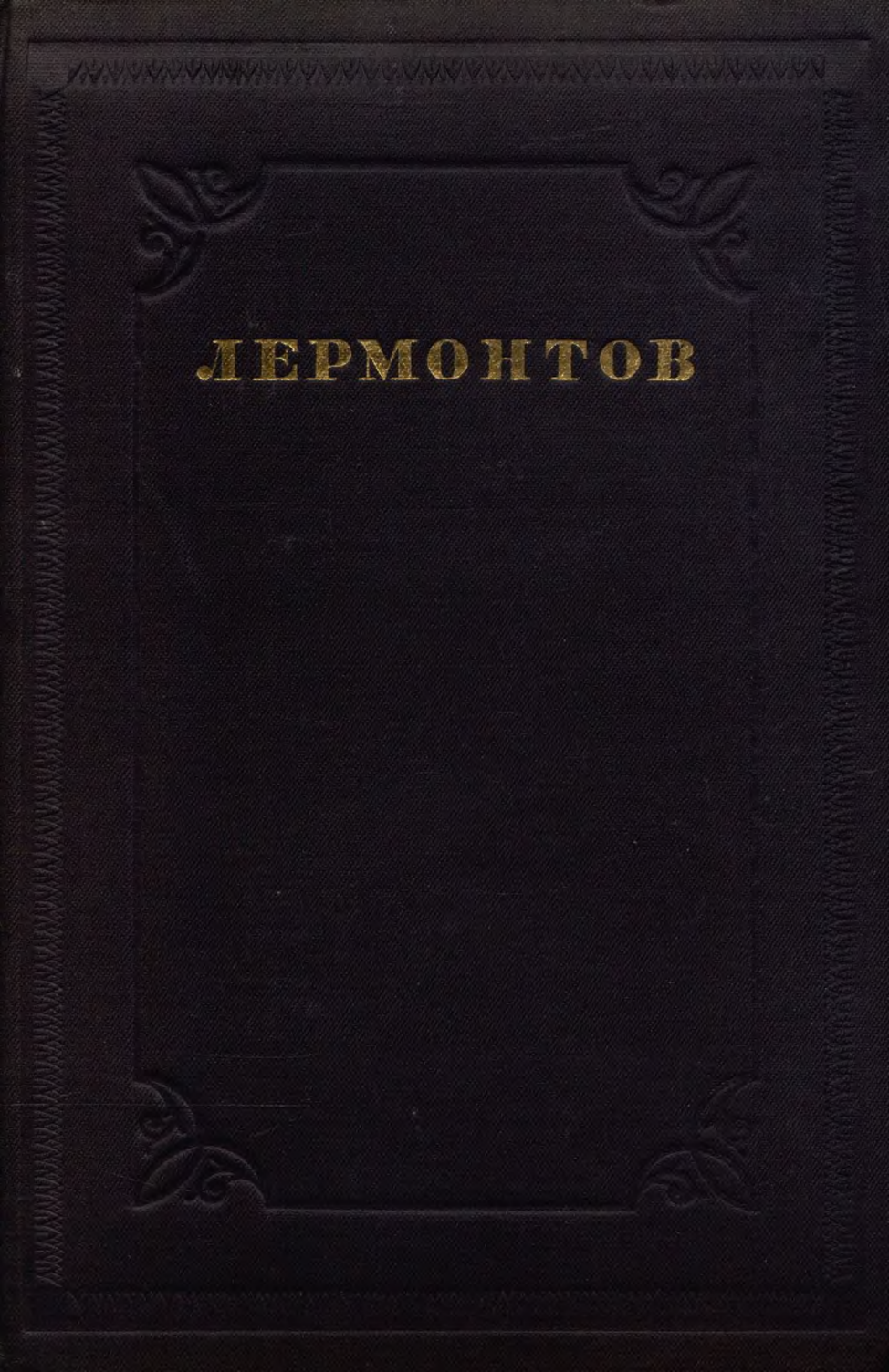

ЛЕРМОНТОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. Ю. Л Е Р М О Н Т О В

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ**

**РЕДАКЦИЯ ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ
Б. М. ЭЙХЕНБАУМА**

А С А Д Е М И А

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

Том II

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1836—1841**

**А С А Д Е М І А
1936**

Переплет И. Ф. Рерберга
Суперобложка М. В. Ушакова-Поскочина

М. Ю. Лермонтов
*С портрета маслом К. А. Горбунова 1885 г.
Институт Литературы Академии Наук СССР*

СТИХОТВОРЕНИЯ
1836—1841

Умиравший гладиатор

I see before me the gladiator lie...

Byron.

Ликует буйный Рим..... торжественно гремит
 Рукоплесканьями широкая арена:
 А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
 Во прахе и крови скользят его колена....
 И молит жалости напрасно мутный взор:
 Надменный временщик и льстец его сенатор
 Венчают похвалой победу и позор.....
 Что знатым и толпе сраженный гладиатор?
 Он презрен и забыт..... освищенный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
 Мелькают, — близок час... вот луч воображенья
 Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
 И родина цветет... свободный жизни край;
 Он видит круг семьи, оставленный для брани,
 Отца, простершего немеющие длани,
 Зовущего к себе опору дряхлых дней....
 Детей играющих — возлюбленных детей.
 Все ждут его назад с добычею и славой...
 Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,
 Бесчувственной толпы минутною забавой.....
 Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеленный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещения,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «на дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз;

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем,
Он спит, — и склонившись на перси ко мне,
Он не дышет, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над синей рекой
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь колебала река
Отраженные в ней облака.

Еврейская мелодия

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. — Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

В альбом

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Внимание путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если, после многих лет,
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

Н. И. Бухаров
С рисунка неизвестного художника
Институт Литературы Академии Наук СССР

[К Н. И. Бухарову]

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

[К портрету Н. И. Бухарова.]

Смотрите, как летит, отвагою пылая.....
Порой обманчива бывает седина!
Так мхом покрытая, бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

Р. К. Дмитриев?

1838

Смотрите какъ летитъ стволъ пылая.....
 Порою сѣмилетна бываетъ старина!
 Мать, много пирьветалъ, бѣлѣхъ въ ковыляхъ,
 Сраженья струю кипучаго вина!

Лермонтовъ

Рисунок А. Долгорукого к стихотворению Лермонтова «Смотрите, как летит...»
 с автографом поэта

Институт Литературы Академии Наук СССР

.....
Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля....
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Франдузы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этаккой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам....
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,

И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!...
Носились знамена как тени,

В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колотъ устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!...

Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый

И до конца стоять....
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Рисунок Лермонтова карандашом
Тетрадь рисунков № 22.
Институт Литературы Академии Наук СССР

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:

Богатыри — не вы.

Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля.

Когда б на то не божья воля,

Не отдали б Москвы.

[Эпиграмма на Н. Кукольника]

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: — я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль! — вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился.

Смерть поэта

Отмщение, государь, отмщение!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!....
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде.... и убит!
Убит!... к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь.. — он мучений
Последних вынести не мог:

Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?... из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смелся, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей? ..

И прежний сняв венок — они венед терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным попотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

[illegible][illegible]

со дна / во дробная сова.
 на разную / крестовина
 воина / крестовина
 глубоки / крестовина
 когда / крестовина

Гос. Архив феодально-крепостнической эпохи в Москве

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!....
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Ветка Палестины

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы...

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горячих слез?

Иль божьей рати лучший воин
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой.

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой....
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твоё посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар; —
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются ж...ей.

Борделя грязная свобода
Тебя в пророки избрала; —
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт! —

Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, —
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

Автопортрет М. Ю. Лермонтова
С акварели 1857 г.
Гос. Третьяковская галерея

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.
Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...
Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: — за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне умирая посылает;
И опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает;

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они? не знаю — но тоской
Исполнены — и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются.

**И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.**

* * *

1

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

2

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый.
Приветливо кивает головой;

3

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитсЯ он:

4

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога!....

Молитва

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью, иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню;
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

Рисунки Лермонтова на обороте автографа стихотворения «Никто моим словам не всемлет...»
Гос. Литературный музей в Москве

Никто моим словам не внимлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи и камин
Трещит передо мной. — Я полон весь мечтам,
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

Гляжу на будущность с болзнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовит,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставляю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурлях рока
Под знойным солнцем бытия.

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!...

Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто избрал мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пусть шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы....

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; — настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
 И я погибну без следа
 Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пусть толпа растопчет мой венец:
 Венец певца, венец терновый!.....
Пусть! я им не дорожил.
.....

* . *

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка [в клетке]
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поделуй звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

* * *

Она поет — и звуки тают
Как поцелуй на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
— Так полны чувства, выраженья.
Так полны дивной простоты.

[А. П. Петрову]

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с-руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Теб', Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надвездный край, в твоё владенье
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде босвом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем,

Но есть еще одно желание!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

[К М. И. Цейдлеру]

Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

Дума

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созревший,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришед оспротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеленных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли,

Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушное раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает. —

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначение,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимнам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?...

М. Ю. Лермонтов
С акварели К. А. Горбунова 1839 г.
Институт Литературы Академии Наук СССР

* . *

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим!
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредин!

Не верь себе

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,

Как язвы бойся вдохновенья...

Оно — тяжелый бред души твоей больной,

Иль пленной мысли раздраженье.

В нем признака небес напрасно не ищи:

— То кровь кипит, то сил избыток!

Скорее жизнь свою в заботах истоши,

Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг

Отрыть в душе давно-безмолвной

Еще неведомый и девственный родник,

Простых и сладких звуков полный, —

Не вслушивайся в них, не предавайся им,

Набрось на них покров забвенья:

Стихом размеренным и словом ледяным

Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,

Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —

Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты! . . .
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актёр,
Махающий мечом картонным.

Три пальмы

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Еще не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и двели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стаи худощавый к луке наклона,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копые на-скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налились водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;

И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солиде остатки сухие дожгло
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Молитва

**В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.**

**Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.**

**С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...**

Дары Терека

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погуляя я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,

И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостиниц!
То гостиниц не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косою.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой

Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Памяти А. И. Одоевского

1

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений....

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многио — без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам! твоих последних слов
Глубокое и горькое значение
Потеряно... Дела твои, и мнения,
И думы, все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит...
Куда они, зачем? — откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не верял заботам дружбы нежной!...
Что за нужда!... пускай забудет свет
Столь чуждое ему существование:

А. П. Одесвский на Кавказе
С рисунка карандашом неизвестного художника

Зачем тебе венды его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно.
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш и криков и речей
И песен праздничных и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

Он говорил: ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?...
Над вашей головой колеблется секира,
Но что ж!... из вас один ее увижу я.
.....

[Э. К. Мусиной-Пушкиной]

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно бастилии.

* * *

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают

М. Ю. Лермонтов
С рисунка Д. И. Палена 1840 г.
Институт Литературы Академии Наук СССР

Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так дарства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скушно и грустно

И скушно и грустно! — и нѣкому руку подать

В минуту душевной невзгоды...

Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?

А годы проходят — все лучшие годы!

Любить — но кого же? — на время не снит труда,

А вечно любить невозможно...

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа,

И радость, и муки, и все там ничтожно.

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недух

Исчезнет при слове рассудка,

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —

Такая пустая и глупая шутка!

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельде боевое
Шолком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

[М. А. Щербатовой]

На светские деи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых
И солида отливы
Играют в кудрях золотистых.

**И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;**

**Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.**

**От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.**

М. А. Щербатова
С литографии Шертеля
Гос. Музей изобразительных искусств в Москве

★ ★
★

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Соседка

Не дожидаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высокó над землей.
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!....
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желание одно
Да с двойною решоткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнея,
Да отцу дай вина похмельнея,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

* * *

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцырь железный.

* * *

В каменный панцырь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

* * *

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцырь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

★ ★
★

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Журналист, читатель и писатель

(Комната писателя, опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином; читатель с сигарой стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Les poètes ressemblent aux ours,
qui se nourrissent en suçante leur
patte.

Inédit.

Ж у р н а л и с т

Я очень рад, что вы больны.
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На молочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений!
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его удивенье

1861-1862 FD (1861-1862)

Семьдесят писателей, художников и поэтов. Они сидят в белых креслах перед камином: читатель с алмазными очками и камнем. Журналист пишет.

Фурмановъ

И ох как рада это весть была мне.
 Ты заблудился в жизни, во мучил себя
 Мечтанием скоро уми познать
 Свои бытисловенные свои.
 Среди разлитых вчерашних
 На миглов думу развращая,
 Они ищут, ищут твои, окаянная
 Когда ешь в пещи забавы
 Буду думать, зрелище творенье?
 Зато, какая благодать
 Как кто-то вдумавшись послать
 Емму измучен, заточен,
 Ишь да еще даемую вконец,..
 Мотается в его уединенность
 Радостная сладостная жажда!
 Порой выводится он впридачу
 Во свою кардинальную пещеру.....
 .. Ну, что вы пишете? — как-то-то
 Узнать?

Писатель.

Da niente...

Нер.

красно.

Писатель:

О чем писать? Восток и юг
Давно отсюда, восток;
Таму ругамъ вѣт востокъ,
Движимъ вѣт сѣвѣмъ кружокъ;
Вѣт во вѣсѣхъ кельяхъ Душою,
Взвивали, въ пайковъ малѣхъ
Въ Н.-В., вѣдѣмъ крадѣ,
И стужаемо какою вѣт.

Perapine May Bishop & Henry P. P.
19 May 1889 m. George A. L.

Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль.....
..Ну, что вы пишете? — нельзя ль
Узнать?

П и с а т е л ь

Да ничего...

Ж у р н а л и с т

Напрасно!

П и с а т е л ь

О чем писать? — восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Ч и т а т е л ь

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть, хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал).
— Во-первых: серая бумага!
Она быть может и чиста;
Да как-то страшно без перчаток!...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету? —
И в рифмах часто недочёт.
Возьмёмъ ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —

То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим! —
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретёт язык простой
И страсти голос благородный?

Ж у р н а л и с т

Я точно то же говорю;
Как вы открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Ч и т а т е л ь

Читал я. — Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету! —
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже пету,
А просто грязная вода.

Ж у р н а л и с т

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят?
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг;
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно! —

Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги;
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги...
И всё зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!...

Ч и т а т е л ь

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье.
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотою
Он одарен всевышним богом.

Ж у р н а л и с т

Всё это так. — Да вот беда:
Не пишут эти господа.

П и с а т е л ь

О чем писать? — бывает время,
Когда забот спадает бремя
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нисходят слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья

Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет.....

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран. —
Тогда пишу. — Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картинны хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,

Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток....
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать.....
Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увяло
В свой необузданный поток?
О нет! — преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

[М. П. Соломирской]

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.

Воздушный корабль

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,

Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршадов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

**И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.**

**И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:**

**Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.**

**Но в двете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —**

**Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,**

**Потом на корабль свой волшебный,
Глагу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.**

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Благодарность

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был — — — —
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Ребенку

О грёзах юности томим воспоминаьем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок... Не правда ль? говорят,
Ты на нее похож.... Увы! года летят:
Страдания ее до срока изменили;
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. — А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль? —
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне.... К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты все поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,

И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его. — Что имя? звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной....
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

А. О. Смирновой

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?... Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

К портрету

Как мальчик кудрявый резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее тёмно, как в море!

То истинной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

А. К. Воронцова-Дашкова
С литографии Вигнера 1845 г.
Гос. музей изобразительных искусств в Москве

Тучи

**Тучки небесные, вечные странники!
Стешью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.**

**Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?**

**Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.**

• •

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

* * *

Я к вам пишу: случайно! право
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый!
Вы это знаете давно.
И вам, конечно, все равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды
Да вряд ли есть родство души. —
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет? ..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;

Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданием и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянии бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест — несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая.
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;

Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеса нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цень стоит вдаль;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова все вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звонят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...

Рассыпались в широком поле
Как пчелы с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым,...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен! — Ничего! безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кроважадного волнения,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет....

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далской
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстился облаками;

И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов [вы]носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей; —
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки; —
И градом пуль с вершин деревьев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве. —
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп глядим: лежат рядами.
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня . . .
Ура — и смогло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,

Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть ...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна. —

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью ... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал ...
Спасите, братцы. — Тащат в горы .
Постойте — ранен генерал ...
Не слышат Долго он стонал,
Но все слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые ...
И тихо плакали ... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел [я] недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла

Струю дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем? —
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: *Валерик*,
А перевести на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми. —
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи. —
— А много горды потеряли? —
— 'Как знать? — зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить

Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвении
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробуждении?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!...

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,

Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

Оправдание

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

По я люблю — за что не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям....
Просёлочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;

**И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топанием и свистом
Под говор пьяных мужичков.**

[Эпиграмма]

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец,
!Похвалит: видно, что поляк.

Последнее новоселье

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает холодный прах
Погибшего давно среди немых страданий

В изгнаныи мрачном и дениях;

Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,

Гордится, прошлое забыв, —

Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:

Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок потому, что Вера, Слава, Гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.

Из Славы сделал ты игрушку лицемерья,

Из вольности — орудье палача,

И все заветные, отцовские поверья

Ты им рубил, рубил с плеча;

Ты погибал! — и Он явился, с строгим взором,

Отмеченный божественным перстом,

И признан за вождя всеобщим приговором,

И ваша жизнь слилася в Нём;

И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы.

Которой вас Он одевал.

Один — Он был везде, холодный, неизменный.
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях Египетских, у стен покорной Вены,

В снегах пылающей Москвы!

А вы, что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную как бремя?

Точили в темноте кинжал?

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина Ему вы изменили

И как рабы вы предали Его.

Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец Он снял и бросил сам,
И вам оставил Он в залог родного сына —

Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой Скале, за синими морями,

Забытый, Он угас один —

Один, — замучен мщением бесплодным,

Безмолвною и гордою тоской —

И как простой солдат в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой.

* * *

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
«Он наш! Его теперь, великой жатвы семя,
«Зароем мы в спасенных Им стенах!»
— И возвратился Он на родину; — безумно,
Как прежде, вокруг Него теснятся и бегут,
И в пышный гроб, среди Столицы шумной,
Остатки тленные кладут.

Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *Ним*.

* * *

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг Того, Кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если Дух Вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах Его лежит,
Какое в Нём негодование
При этом виде закипит!
Как будет Он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил Его, как Он непобедимый,
Как Он великий, Океан!

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных,
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.

Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить другова,
Нет, не должна,
Ты мертведу, святыней слова,
Обручена.
Увы, твой страх, твои моленья
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!...

И создал я тогда в моем воображенье
По легким призывам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года мипувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

[А. Г. Хомутовой]

Слепец, страданием вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнее.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить как тайной
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.

Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

Вид гор из стеней Козлова

П и л и г р и м

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль Дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет все небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

М и р з а

Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,

И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моею чамою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был

Цилиграм

А! —

Это случилось в последние годы могучего Рима.
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, — с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... — «Вот уж два дня и две ночи —
Так она говорила — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе холодном,
Золото сыплем жрецам их и плачем..... но все бесполезно!
Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира: как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее — молодели; юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою; иль, в пляске,

Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая.
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой,
Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила. При свете
Поздней лампы я видела раз, как она, на коленях,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?... неизвестно.....
Созвали мы стариков и родных для совета; решили.....
.....

[В альбом автору «Курдюковой»]

(Иб. Петр. Мятлеву)

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова!
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

[А. А. Углицкой]

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;

Меж тем же ву засюр
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour
Quand vous serez *Мадам*.

С. Н. Карамзина
С литографии Вайднера 1846 г.
Гос. музей изобразительных искусств в Москве

[В альбом С. Н. Карамзиной]

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С[мирновой] штучку, фарсу Саши
И Ишки М[ятлева] стихи...

[Графине Ростопчиной]

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять . . .

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утёса каменная грудь . . .
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заёмный,
И ласки вечные свои.

Е. П. Ростопчина, урожд. Сушкова
С картона П. А. Федотова
Гос. Третьяковская галерея

Договор

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

★ * ★

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

На Севере стоит одиноко
 На голой вершинке скалы,
 И дремлет какою-то суровой
 Одыда как разой она
 И ей снится все что в мире, ну ахнет далеко
 Из моря восток, где солнце встает
 Одна грустная, на дикой и знойной степи
 Пырейская трава растет.

Красавица
 ей снится прелесть пейзажа
 В далекой волне твоей мечты
 Восточный дым, и море, и горы
 На дикой и знойной степи
 ей снится все что в мире, ну ахнет далеко
 И снится все что в мире, ну ахнет далеко
 И снится все что в мире, ну ахнет далеко
 Из моря восток, где солнце встает
 Одна грустная, на дикой и знойной степи
 Пырейская трава растет.

Автограф стихотворения «На севере диком...» с карандашными рисунками Лермонтова
 Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой
— В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
*У Казбека с Шат-хорою**
Был великий спор.
«Берегись! сказал Казбеку
Седовласый Шат:
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да дари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,

* Шат — Елбрус. [Примечание Лермонтова.]

Берегися! многолюдеп
И могуч Восток!»
— Не боюсь я Востока,
Отвечал Казбек,
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моег желтый Нил
Раскалённые ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров,
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой цenia...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране!
Молвил старый Шат:
Вот на Севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен,

Исследуйте меня, я не
знаю, что такое любовь
и как ее любить, но я знаю
одно: любовь — это счастье. XX

Исполни мою молитву и забудь
о себе, о своем
близком, о своем доме
и своем будущем.

Никогда и в каком-либо
состоянии не забудь
про себя, про своего
друзья, про своего врага.

XXI такое было мое счастье, оно
было в мой самый
и самый, и самый
близкий к моему сердцу.

Будь же, будь же
тот же, кто был
и кто был, и кто был
и кто был, и кто был.

И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он.
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая
Двигутся полки.
Веют белые султаны
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи,
Прямо на восток.

* . *

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счесть врагов...

Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку * на брови надвинул
И навек затих.

* Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Кавказа. [Примечание Лермонтова.]

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир, в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступал,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернеза рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

★ ★
★

**Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснея как дева младая
Капгар молодой туксус**

.....

★
★ ★

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши татары
Стояли молча пред ним.

2

И, брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

.....

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались поздною порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

* *
*

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

* * *

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt' es dem andern gestehn.

Heine.

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали. —
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

X. 1. o. liebten 1. o. h. best., 2. o. h. keiner
Walt' es dem andern geschehn Flaine

[illegible]

~~Они разстанутся / в земном мире и страдают,
и мучаются друг друга в адских муках.
~~Каждый из них будет свидетелем
своего собственного страдания...
Вопрос? Друг друга они не узнают.~~~~

Автограф стихотворения «Они любили друг друга...»

L'Attente

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement....
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

Тамара

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонёк золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желание и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный Евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. — Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Свиданье

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны мучители
Над грешными людьми,
И ангелы хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старую
На сумрачной горе
Под свежесю чипарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?

И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черную
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жещ;
Вот улицей пустынную
Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!...

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады веющей
Над синею Курой
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно....
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кивжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;

Я жду с тоской бесплодную,
Мне грустно, тяжело....
Вот сыростью холодную
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Не даром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любит
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынную
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится....
А! это ты, злодей! —

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного Моря.

У Черного Моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.

На что мне тебя? отвечает молодая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

**Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солидем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе:
И корни мои умывает холодное море.**

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом....
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —

4

Но не тем холодным сном могилы....
Я б ждал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прыдет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла молодая потом голова;
В косу впелася морская трава.

Сияние очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна;
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя. . . .

«Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешую змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

**«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!**

**Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он паг и беден,
Как презирают все его!»**

DUBIA

Югельский барон

БАЛЛАДА

(Ал. М. В — ой)

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон,
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он,
И он крикнул: «мой паж!.. мой малютка!.. скорей!..
Подойди!.. что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот!.. возьми письмецо ты к невесте моей
И на почту его отнеси!
И потом пирогов, сухарей, кренделей,
Чего хочешь, в награду проси!»
— «Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачусь высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
Нет!.. уж лучше смолчать». — И поклон.
«Паж!.. хочу я узнать!..» — «Нет!.. позволь мне
смолчать!..»
— «Говори!» — «За невестой твоей

Обожателей рать кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девида ль она?.. и одна ли верна?
Нам ли думать: на Севере, там,
Все вздыхает она, одинока, бледна;
Нам ли веровать женским словам?
Иль один оболещен, изумлен, увлечен
Ты невестою милой своей?
Нет!.. высокий барон, ты порой мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон — так уверен был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. ты сам ослеплен! Знай, у северных жен
Не в размовке обеты с душой!
Там девида верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде...

[Экспромты 1841 г.]

* * *

Очарователем Кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

* * *

Когда легковерен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света не взвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.

.....

Мой раб, вечером, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту, принес самовар.

* * *

В игре, как лев, силен
Наш Пушкин Лев,

Бьет короля бубен,
Бьет даму треф.
Но пусть всех королей
И дам он бьет:
«Ва — банк!» — и туз червей
Мой — банк сорвет!

* * *

Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!

* * *

Скинъ бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшьясь, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!

* * *

Смело в пире жизни надо
Пить финал свой до конца.
Но лишь в битве смерть — награда,
Не под стулом, для бойца.

* * *

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,

Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.

* * *

Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.

* * *

Наш князь Василь-
Чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов — по дядюшке,
Идя в кадриль
Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов — по матушке.

* * *

Слишком месяц у Мерлини
Разговор велся один:
Что творится у княгини,
Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини
Перемена — речь не та,
И вокруг имени княгини
Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,
Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся... и Мерлини,
Как тигрица, взбешена,
В замке храброй героини,
Как пред штурмом, тишина.

* * *

Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!

* * *

За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикой человек.

* * *

Он метил в умники, попался в дураки,
Ну, стоило ли ехать для того с Оки!

* *

Зачем, о счастии мечтая,
Ее зовем мы: гурия?
Она, как дева, — дева рая,
Как женщина же — фурия.

* * *

Надежда Петровна,
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche.

* * *

Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...
Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
Подожвой сапога.

* * *

Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут —
Клуб ядовитых змей.

* * *

Ну, вот теперь у вас для разговоров будет
Дня на три тема,
И, верно, в вас к себе участие возбудит
Не Миллер — Эмма.

[Три стихотворения]

I

Поверю совести присяжного дьяка,
Поверю доктору, жиду и лидемеру,
Поверю наконец я чести игрока,
Но клятве женской не поверю.

II

Винтовка пулю верную послала,
Свинцовая запела и пошла.
Она на грудь несчастливца упала
И глубоко в нее вошла.

И забаякала ее, и заласкала,
Без просыпа, без мук страдальцу сон свела,
И возвратила то, что женщина отняла,
Что свадьба глупая взяла...

III

1

Приветствую тебя я, злое море,
Широкое, глубокое для дум!

Стою и слушаю: все тот же шум
И вой валов в твоём просторе,
Все та же грусть в их грустном разговоре.

2

Не изменился ни в чем ты, злое море,
Но изменился я, но я уж не такой!
С тех пор, как в первый раз твои буруны-горы
Увидел я, — припомнил север свой,
Припомнил я другое злое море,
И край другой, и край другой!...

Le blessé

**Voyez-vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul cœur ait pitié;
Mais ce qui doublement fait saigner sa blessure,
Ce qui lui fait au cœur la plus âpre morsure,
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.**

ВАРИАНТЫ И КОММЕНТАРИИ

В этот том включена вся лирика Лермонтова 1836—1841 гг. Среди этих стихотворений есть одно, до сих пор не входившее в собрания сочинений Лермонтова и ставшее известным недавно: «Никто моим словам не внемлет» (1837 г.). Кроме того, впервые введена в собрание первоначальная редакция стихотворения «Гляжу на будущность с боязнью» («Мое грядущее в тумане», 1837 г.). В текстах общеизвестных стихотворений сделаны некоторые существенные исправления, из которых наиболее интересны два. В стихотворении «Прощай, немытая Россия», автограф которого не сохранился, ст. 6 печатался так: «Укроюсь от твоих *нашей*»; в наиболее авторитетной копии, посланной П. И. Бартеневым П. А. Ефремову, вместо слова «нашей» стоит: «ц...ей», т. е. «царей». Так, очевидно, и надо печатать этот стих. В стихотворении «На светские цепи» ст. 2 печатался так: «На блеск *упоительный* бала»; недавно найденный автограф (до сих пор стихотворение печаталось по копии) устанавливает, что этот стих должен читаться иначе: «На блеск *утомительный* бала» — деталь, переосмысляющая всю первую строфу.

Кроме работы над текстами сделана новая работа по установлению датировок, в связи с чем стихотворения расположены несколько иначе, чем в прежних изданиях.

Варианты даны полностью: слова, совпадающие с текстом, заменены тире, так что печатаются только слова варьирующие.

Что касается комментария, то он дается здесь в гораздо более развернутом виде, чем в прежних изданиях. В нем не только подведены итоги биографическим и историко-литературным исследованиям о Лермонтове, но сделаны и некоторые новые указания и поставлены новые проблемы. Особенно важным следует считать установление идеологической связи между Лермонтовым и П. Я. Чаадаевым, сказывающейся в «Думе» и в стихотворении «Великий муж! здесь нет награды». Если присоединить к этому участие Лермонтова в так называемом «кружке шестнадцати», который был, повидимому, последней вспышкой декабризма, то можно сказать, что найдена почва,

на которой выросли гражданские стихотворения Лермонтова, и установлена идейная среда, окружавшая его в конце тридцатых годов.

В отделе «Dubia» помещены, во-первых, экспромты Лермонтова, записанные разными лицами на память и потому недоверенные в текстовом отношении, и, во-вторых, некоторые из приписываемых Лермонтову стихотворений.¹

В работе над комментированием этого тома особенно существенную помощь оказала мне Т. Ю. Хмельницкая. Кроме нее в этой работе принимали участие Б. Я. Бухштаб (переводы с немецкого), Т. М. Казмичева (переводы с английского), Е. Р. Малкина, В. А. Мануйлов, И. Л. Андроников и В. М. Лавров.

Умирающий гладиатор (стр. 1).

Печатается по авторизованной копии в тетр. 15, лл. 8—8 об. (на особом листе, писарским почерком). Под текстом — дата (год — рукой Лермонтова): «2 февраля 1836». Вторая половина стихотворения (от слов «Не так ли ты» до конца) перечеркнута.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» 1842 г., т. XXI, № 4, стр. 378 (без второй половины, которая опубликована впервые в газете «Русь», 1884, № 5).

Эпиграф, вписанный в копии рукой Лермонтова, взят из «Чайльд-Гарольда» Байрона (песнь IV, первая строка строфы 140): «Я вижу перед собой лежащего гладиатора».

Первая половина этого стихотворения является вольным переложением трех строф (139—141) песни IV «Чайльд-Гарольда». М. Брейтман указал на сходство строф Байрона и стихотворения Лермонтова со стихотворением французского поэта Шендолле (Charles-Julien Lioult de Chenedollé, 1769—1833) «Le gladiateur», появившимся в печати в 1806—1807 г. (до «Чайльд-Гарольда») и вошедшим в сборник «Études poétiques» 1820 г. («Лермонтов, Байрон и Шендолле» — «Вестник литературы» 1922 г., № 2—3 (38—39), стр. 9—10). Сходство, действительно, разительное — вплоть до деталей (воспоминание о родине, Дунай, дети). Приводим здесь русский перевод стихотворения Шендолле, сделанный М. Брейтманом.

Гладиатор

Игрушкой жалкою пал гладиатор пленный.

Кровавой жертвы жаждет зверский Рим.

Меч изменил ему — средь гибельной арены

Ждет смерти, горд и недвижим.

¹ Так называемое «Наводнение» («И день настал, и истощилось»), приписывавшееся прежде Лермонтову, теперь, не без основания, считается принадлежащим А. И. Одоевскому (см. статью Н. О. Лернера в журнале «Каторга и ссылка», 1923, № 8) и включено в последнее «Полное собрание» его стихотворений (под ред. Д. Д. Благого и И. А. Кубасова, «Academia», 1934, стр. 244).

Собрал в душе своей все силы он, какие
Имел: встать тшится, на руку склонен;
Согласен умереть, но даже в агонии
Шлет гордый вызов Риму он.

Слабеет он... Склонил голову глубоко;
Уж близок обморок; все медленней течет
По каплям кровь из ран; то видя, без упрека,
Без страха он исхода ждет.

Смерть на чело его покров простерла бледный...
Умрет он — слабости в великом сердце нет.
Умрет... Кругом звучит протяжный клич победный —
Тому, кем он сражен, привет.

Те крики черни слышит он без возмущенья,
Не мил в его глазах и дикий венец,
И жизни денный дар без права на отмщенье
Отверг с презреньем бы боец.

Театр чудовишный исчез пред тусклым взглядом...
Пред ним старик-отец, согбенный гнетом дней.
Он видит вновь Дунай, с ним мирный домик рядом,
В нем узнает своих детей.

То сыновья его близ матери играют,
А он меж тем, спектакля зверского актер,
На берегах реки чужой здесь умирает,
Чтоб тешить римской черни взор.

О гнусность! Брата брат подвергнуть смел бесчестью!
Рать гордых варваров! Ты с севера лети,
За смерть твоих сынов — потеху Рима — местию
Ему жестокой отплати!

М. Брейтман полагает, что «Лермонтов в ранней молодости прочел стихотворение Шендолле; затем оно изгладилось у него из памяти, и только после прочтения Байроновского Чайльд-Гарольда смутные образы прошлого снова воскресли в его душе, как ему казалось, под влиянием Байроновской поэмы, между тем как стихотворение Шендолле, несомненно, наложило, хотя, быть может, и бессознательный, отпечаток на его произведение».

Вероятнее другое объяснение этого сходства: Байрон мог воспользоваться стихотворением Шендолле, а Лермонтов знал только Байрона. Единственная деталь, сближающая Лермонтова именно с Шендолле, — это упоминание об отце, у Байрона отсутствующее; но деталь эта не так значительна, чтобы она решала вопрос. Надо полагать, что источником Лермонтовского стихотворения были все-таки строфы Байрона. В пользу такого

решения говорит явная близость строфического строения в «Чайльд-Гарольде» и «Умиравшем гладиаторе». Строфа Байрона состоит из 9 стихов; в «Умиравшем гладиаторе» нет строф в собственном смысле, но первая и последняя части («Ликует буйный Рим» и «Пред кончиною») состоят тоже из 9 стихов, представляющих собой варианты Байроновской строфы.

Вторая половина Лермонтовского стихотворения («Не так ли ты, о европейский мир») тоже ведет к Байрону. Вся IV песнь «Чайльд-Гарольда» написана на тему непрочности культуры и построена на контрастах величия и разрушения. Стихи Лермонтова звучат как резюме Байроновских размышлений, но с некоторыми дополнительными деталями, характерными для взглядов и настроений Лермонтова, сблизившегося в это время с некоторыми славянофилами (Ю. Ф. Самарин). Повторяя их суждения, Лермонтов говорит о разложении «европейского мира». Увлечение западных романтиков рыцарской стариной Лермонтов оценивает как признак окончательной гибели Европы («И пред кончиною ты взоры обрати» и т. д.). Но славянофильские взгляды, в общем, не характерны для Лермонтова и, в связи с этим, он вычеркнул всю эту публицистическую часть стихотворения.

Русалка (стр. 3).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 49—51 (с датой — «1836»). Авторизованная копия — в тетр. 15, л. 1.

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. III, № 4, стр. 131—132.

В копии в ст. 15 рукой Лермонтова написано «ревнивой» вместо «студеной». Текст копии отличается от печатного:

- 10. Не бывает ни ночи ни дня
- 14. Завернут в студеный покров
- 19. В чело
- 25. — — — и пела одна
- 26. Непонятной печали полна
- 27. И шума и крутась

В ст. 17 берем по копии «кольцы», считая печатное «кольца» за корректорскую поправку.

Датировка этого стихотворения, принадлежащая самому Лермонтову, возбуждает некоторое подозрение. В 1875 г. в Саратове была найдена тетрадь со стихотворениями Лермонтова; как видно из ее описания («Саратовский справочный листок», 1875, №№ 246 и 256, и 1876, № 1), она содержала в себе 75 листов, из которых до нас дошли только 50 (нынешняя тетр. 20-я). На остальных 25 листах был автограф «Литвинки» и автографы 9 стихотворений, относящихся к 1832—1833 гг.: «Тростник», «Русалка», «Челнок», «Посвящение» («Опять явилось вдохновенье»), «Что толку жить», «Парус», «Баллада» («Куда

так проворно»), «Он был рожден для счастья», «Гусар». Все эти стихотворения известны нам по печатным или рукописным источникам — кроме «Русалки». Вполне возможно, что в 1836 г. Лермонтов переделал эту «Русалку» и напечатал в своем сборнике 1840 г. с новой датой (ср. такое же положение со стихотворением «Как одинокая гробница», восходящим к 1830 г., и со стихотворением «Расстались мы», восходящим к 1831 г.). По теме, ритму и жанру «Русалка» стоит совершенно в стороне от стихотворений 1836 г. и примыкает к балладному циклу 1832 г., навеянному Байроном и Гейне («Тростник», «Баллада», «Гусар»).

Еврейская мелодия (стр. 5).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 61—62 (с датой — «1836»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. IV, № 6, стр. 80.

Автограф не найден.

Это вольный перевод Байроновского стихотворения «My soul is dark» («Hebrew melodies»). Подлинник состоит тоже из 16 строк, но написан четырехстопным ямбом. Некоторые стихи переведены очень точно: «I tell thee, minstrel, I must weep, or else this heavy heart will burst» («Я говорю тебе: я слез хочу, певец» и т. д.). В иных местах Лермонтов изменяет или прибавляет: у Байрона нет «звукот рая», слов «как мой венец», заключительного сравнения с кубком смерти. Интересное сравнение Лермонтовского перевода с подлинником мы находим у В. Д. Спасовича. («Байронизм Лермонтова» — «Вестник Европы», 1888, № 4, стр. 528. Отдельной книжкой — «Байронизм у Пушкина и Лермонтова», Вильна, 1911, стр. 67—68.)

Еврейские мотивы появляются в юношеских произведениях Лермонтова неоднократно и ведут свое начало не только от Байрона, но и от Лессинга, Вальтер-Скотта и др. (см. комментарий к «Испанцам» в томе IV).

В альбом. «Как одинокая гробница» (стр. 6).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 63—64 (с датой — «1836»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. IV, № 6, стр. 81.

Автограф не найден.

Это — перевод Байроновского стихотворения «Lines written in an Album, at Malta» («Occasional pieces», 1809 г.). Перевод близок к подлиннику; изменены эпитеты («одинокая» вместо «холодная», «бледная» вместо «одинокая», «милый» вместо «задумчивый»), и расширена тема напоминания, занявшая 5 стихов (у Байрона — 4).

Стихотворение переводилось и перелагалось до Лермонтова И. И. Козловым («Новости литературы», 1822, № 12, и 1823, № 11), П. А. Вяземским («Дамский журнал», 1823, № 1),

Ал. Бистром («Московский телеграф», 1825, ч. IV, № 15), Ф. И. Тютчевым («Северная лира», 1827, стр. 441), М. Сухановым («Дамский журнал», 1828, № 14), П. Шкляревским («Стихотворения», 1831 г., стр. 1).

Первоначальная редакция этого стихотворения, гораздо более далекая от английского подлинника, относится к 1830 г. (см. в томе I стихотворение «В альбом»).

[К Н. И. Бухарову] (стр. 7).

Печатается по автографу, хранящемуся в Центральном архиве (ГАФКЭ, Москва).

Впервые — украинский сборник «Молодик» на 1844 г., стр. 9 (под заглавием «К Бухарову»).

На автографе чужая пометка: «Отдано в Молодик». Судя по этой пометке, в «Молодике» опубликован именно этот автограф; считаем поэтому, что печатное разночтение в ст. 6 («смех») — чужая поправка или ошибка, и оставляем по автографу — «крик». Сверху на автографе вычеркнуто: «другого племени о» и четыре строки, перенесенные в конец. Стихотворение первоначально начиналось ст. 13—16, а вычеркнутые слова представляют собой, очевидно, черновой вариант первого стиха: «Другого племени обломок». На обороте листка — чернильный рисунок: военный курит трубку с длинным чубуком. Надо полагать, что это и есть Бухаров (ср. слова: «и трубка плоская твоя»).

Николай Иванович Бухаров в 1835—1836 гг. познакомился с Лермонтовым, будучи его сослуживцем по лейб-гвардии гусарскому полку. Бухаров славился удалством и пользовался в полку уважением как старейший офицер. (См. «Исторический вестник», 1902, № 3.)

[К портрету Н. И. Бухарова] (стр. 8).

Печатается по авторизованной копии, сделанной под рисунком А. Долгорукого, изображающим Н. И. Бухарова на коне. Подпись под стихотворением и пометка под рисунком — рукой Лермонтова.

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXXI, № 12, стр. 194.

«Великий муж! здесь нет награды» (стр. 8).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки (л. 64).

Впервые — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 58.

Лист, на котором написано это стихотворение, не целый: оторвана верхняя часть, содержащая, очевидно, первую строфу. Отсутствие этой части повлияло и на расположение строф: редакторы (за исключением П. А. Ефремова, опубликовавшего это стихотворение в «Русской старине» 1875 г.) не замечали в рукописи следов знака, указывающего на порядок строф, и печатали

Сверкнул туманный
поток воздъ надъ моремъ,
и отъ него мѣсяцъ сгорелъ,
красно и бѣло; онъ всталъ туманъ.

[illegible]

заключительную строфу («Свершит блистательную тризну» и т. д.) первой.

До сих пор не высказывалось никаких предположений о том, к кому обращено это стихотворение. Первая строфа, вероятно, заключала в себе имя «великого мужа». Без этой строфы приходится строить догадки. По тексту стихотворения видно, что речь идет о человеке, который совершил какой-то нравственный подвиг, но не получил никакой награды, а, наоборот, был обвинен современниками в нелюбви к отечеству или в измене ему. При этом стихотворение явно обращено к живому, а не к умершему.

По всем признакам, подсказываемым не только текстом стихотворения, но и фактами биографии Лермонтова, это — П. Я. Чаадаев (1793—1856). Стихотворения 1836—1838 гг. свидетельствуют о знакомстве Лермонтова с «философическим письмом» Чаадаева и большим влиянии этого письма на него (см. ниже комментарий к «Думе»). Неизвестно, был ли он знаком с Чаадаевым лично, но важно иметь в виду, что живший в это время в России И. С. Гагарин (будущий иезуит), близкий друг Чаадаева, часто виделся с Лермонтовым. В кругу друзей Чаадаев давно занимал положение учителя, мудреца, «великого мужа». Еще в 1817 г. Пушкин написал известное четверостишие к его портрету:

Он выпшней волею небес

Рожден в оковах службы дарской;

Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес,

У нас он — офицер гусарской.¹

В сентябре 1836 г. первое «Философическое письмо» Чаадаева (написанное еще в 1829 г. и давно известное друзьям) появилось в журнале «Телескоп». Оно на шумело на всю Россию и вызвало бурю негодования в высших кругах. Герцен в «Былом и думах» писал: «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли то сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, — все равно, надобно было проснуться. Что, кажется, значат два, три листа, помещенных в ежемесячном обозрении? А между тем такова сила речи сказанной, такова мощь слова в стране, молчащей и не привыкшей к независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию. Оно имело полное право на это. После «Горя от ума» не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впе-

¹ В это время Чаадаев служил в том самом лейб-гвардии гусарском полку, в котором потом служил Лермонтов. Это тоже могло влиять на отношение Лермонтова к Чаадаеву: в полку сохранялись воспоминания о Чаадаеве и личные связи с ним.

чатление». Биограф Чаадаева М. И. Жихарев описывает впечатление, произведенное «Философическим письмом», следующими словами: «Никогда с тех пор, как в России стали читать и писать, с тех пор, как завелась в ней книжная и грамотная деятельность, никакое литературное или ученое событие, ни после, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина), не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такой скоростью и с таким шумом. Около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про «чаадаевскую статью» и про «чаадаевскую историю»; даже люди, никогда не занимавшиеся никаким литературным делом, круглые неучи, барыни, по степени интеллектуального развития мало чем разнившиеся от своих кухарок и прихвостниц, подьячие и чиновники, увязшие и потонувшие в казнокрадстве и взяточничестве; тупоумные, невежественные, полупомешанные святоши, изуверы или ханжи, поседевшие и одичалые в пьянстве, распутстве или суеверии; молодые отчизнолюбцы и старые патриоты — все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения к человеку, дерзнувшему оскорбить Россию» («Вестник Европы», 1871, № 7, стр. 31—32).

Итак, главные обвинения по адресу Чаадаева состояли в том, что он *ненавидит Россию*. Шеф жандармов, Бенкендорф, составляя по приказанию Николая I проект отношения к московскому генерал-губернатору, выразил эту же мысль: «Статья сия, конечно уже вашему сиятельству известна, возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унижить себя до такой степени, чтоб нечто подобное написать». В своей «Апологии сумасшедшего» Чаадаев протестует, главным образом, именно против этого обвинения, доказывая, что есть разные способы любить свое отечество: «Например, самоед, любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую юрту, где он скорчившись проводит половину своей жизни, и прогорклый олений жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну, конечно, иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова; и без сомнения было бы прискорбно для нас, если бы нам все еще приходилось любить места, где мы родились, на манер самоедов... Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских тревожений мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою

родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами... Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его», и т. д.

Весь этот материал поддерживает нашу догадку, что стихотворение Лермонтова обращено к Чаадаеву и написано в ответ на обвинения его в ненависти к России. Заключительные слова стихотворения («он любил отчизну!») приобретают полный смысл именно как ответ на эти обвинения и на «Апологию сумасшедшего». Надо полагать поэтому, что стихотворение было написано в конце 1836 г. или в самом начале 1837 г. — во всяком случае до дуэли и смерти Пушкина. Возможно, что верхняя часть листа, на котором оно написано, оторвана не случайно, а с целью зашифровать его для посторонних лиц.

Бородино (стр. 10).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 33—38 (с датой — «1837 года»).

Впервые — «Современник», 1837, т. VI, № 2, стр. 207—211.

Автограф не найден.

П. А. Висковатов полагал, что «Бородино» было написано Лермонтовым уже на Кавказе, в ссылке, а не в Москве: «Раевский в объяснительной записке своей о стихах Лермонтова на смерть Пушкина, желая выгородить друга и выставить его патриотизм, выискивает проникнутые патриотизмом стихотворения Михаила Юрьевича. Если бы «Бородино» было уже написано, он не преминул бы упомянуть о нем вместе с другими» («М. Ю. Лермонтов», стр. 259). Однако факты противоречат этому предположению: цензурная дата «Современника», 1837, № 2 (где было напечатано «Бородино») — 2 мая 1837 г.

Это означает, что стихотворение было написано не позднее марта, до отъезда на Кавказ. Вернее же всего, что оно было написано в январе 1837 г.: вряд ли Лермонтов мог написать такое стихотворение после смерти Пушкина и связанных с нею событий. Что касается Раевского, то он, арестованный в феврале 1837 г., мог не знать об этом стихотворении.

В 1837 г. исполнилось двадцать пять лет со времени «отечественной» войны 1812 г. Уже с 1836 г. стали появляться всевозможные «записки», «рассказы» и воспоминания ее участников. Лермонтов еще в 1830 г. написал «Поле Бородина», теперь он возвращается к нему и радикально переделывает: вместо патетического монолога, в котором видны следы одического стиля и жанра, — диалог, рассказ старого служака, поданный в реалистическом, разговорном, народно-поговорочном стиле («у наших ушки на макушке», «французы тут-как-тут», «постой-ка, брат, мусью» и пр.). Прежнюю 11-строчную строфу (4 + 7) Лермонтов сокращает до 7 строк, которые образуют единое и крепкое целое благодаря рифмовке третьего и седьмого стихов. Из жанра,

близкого к оде, стихотворение перешло в жанр мемуарно-эпический, в жанр «солдатских» рассказов и песен, имевших большое хождение после 1812 г. и оживших в эпоху новых колониальных войн 1828—1829 гг. Этим стихотворением Лермонтов продолжает традицию военно-патриотических и батальных стихов, начатую Жуковским («Певец во стане русских воинов»), Батюшковым, Денисом Давыдовым и Пушкиным («Бородинская годовщина»). С. Шевырев писал: «В военной песенке «Бородино» есть ухватки, напоминающие музу в кивере Дениса Давыдова» («Москвитянин» 1841 г., № 4, стр. 533). Военно-разговорный жаргон был подготовлен и Пушкиным; ср. в его «Гусаре»:

Ты, хлопец, может и не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

или:

Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру.

С другой стороны, «Бородино» находится в прямой связи с фольклорными стилизациями Лермонтова; недаром в сборнике «Стихотворения» 1840 г. оно поставлено непосредственно после «Песни про даря Ивана Васильевича». В этом смысле переделка, произведенная Лермонтовым над ранней редакцией, очень характерна: изменения идут именно по линии усиления «народности», простоты, норовочности (ср. в книге П. В л а д и м и р о в а «Исторические и народные сюжеты в творчестве Лермонтова», Киев, 1892, стр. 26—28). Вероятно, Лермонтов воспользовался при этом стихотворениями, сочиненными по поводу 1812 г. Так, в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814) есть большая эпическая песнь Д. Г л е б о в а — «Сражение при Бородине», в котором содержатся строки, сходные с Лермонтовскими:

Умрем иль победим! восстав он восклицает.
Умрем иль победим! глас воинства вещает.

Отметим еще, что в «Бородине» есть характерный для Лермонтова этих лет мотив обличения современности при помощи противопоставления эпохи и поколений (ср. в «Думе», 1838 г.):

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Л. П. Семенов («Лермонтов и Толстой», 1914) приводит любопытные примеры совпадения отдельных мест военной прозы Л. Толстого и «Бородина».

«Бородино» было использовано Д. Минаевым для сатирических пародий, направленных против «Войны и мира» Толстого и «Отцов и детей» Тургенева («Искра», 1868, № 18, и 1869,

№ 15. См. в сборнике «Поэты Искры» под ред. И. Г. Ямпольского, Л., 1933, стр. 257—262 и 273—277).

[Эпиграмма на Н. Кукольника] (стр. 14).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 55 об.

Впервые — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 59.

Черновой текст.

Сидел в театре я один
И молча Скопину дивился;
Когда же занавес упал,
Сосед мой жалобно сказал:
«Как жаль, что умер наш Скопин —
Ну, право, лучше б не родился».

Датировка стихотворения затруднительна. Патриотическая пьеса Н. В. Кукольника «Скопин-Шуйский» была поставлена впервые 14 января 1835 г. на сцене Александринского театра (см. «Северную пчелу», 1835, №№ 8 и 11) и 23 января того же года на сцене Большого театра («Северная пчела», 1835, № 19). Ее давали редко: за 4 года (1835—1838) она шла всего 20 раз (И. Игнатов, Театр и зрители, М., 1916, стр. 297). Когда именно видел эту пьесу Лермонтов, установить трудно. В пользу 1837 г. говорит то, что на одном листе с эпиграммой написаны стихотворения: «Молитва Странника» и «Расстались мы», датируемые этим годом. Если эта датировка верна, то естественнее всего думать, что эпиграмма относится к самому началу года — до «Смерти поэта».

Смерть поэта (стр. 15).

Ст. 1—56 печатаются по автографу Гос. публичной библиотеки (собрание В. Одоевского с пометкой рукой Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано»), а ст. 57—72 и эпиграф — по копии, приложенной к «Делу о непростительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым» (ИРЛИ, Пушкинский дом).

Впервые — «Полярная звезда на 1856 г.», Лондон, 1856, кн. 2, стр. 31—32 (под заглавием «На смерть Пушкина»). В России впервые — в «Библиографических записках», 1858, т. I, № 20, стр. 635—636 (неполный текст), и в «Сочинениях» Лермонтова под ред. С. Дудышкина, 1860, т. I, стр. 61—63.

Черновой автограф ст. 1—56 имеется в тетради С. А. Рачинского (ГАФКЭ, Москва), л. 67—67 об. (факсимиле — «Пушкин и его современники», 1908, вып. VIII, с комментарием Ю. Верховского).

Варианты черного автографа.

10. Похвал и слез
13. — — — — — долго
14. — — чудный
15. а) Из любопытства возбуждали
6) И для потехи возбуждали
17. — — — — — а) мучений
6) гонений
в) мучений
18. — перенести
19. <Увял навеки и мгновенно>
21—22. а) Его противник хладнокровно
Наметил выстрел,
б) Сошлись. Противник хладнокровно
Навел удар. . . . надежды нет —
в) Его убийца хладнокровно
Навел удар. . . . спасенья нет
26—31. а) Сюда заброшен волей рока,
Подобный сотне беглецов
Искатель счастья и чинов,
Не мог щадить он нашей славы,
Язык чужой, чужие нравы
Смеясь он дерзко презирал
б) <Один из> Подобно сотне беглецов
Заброшен к нам по воле рока
На ловлю счастья и чинов,
Смеясь он дерзко презирал
Земли чужой <закон> язык и нравы,
Не мог щадить он нашей славы

После ст. 33:

<Его душа в <краю чужом> в заботах света
Ни разу не была согрета
Восторгом русского поэта,
Глубоким, пламенным стихом.
Но час настал — и нет певца Кавказа! . . >

34. — — погиб
36. — — а) <и злобы гордеца>
6) немой
40. <Бежал>
42. — — — — — безбожным
45. — — — — — <другой>

После ст. 48:

- <И плачет сирая Россия>
49. <И огорчен>
50. — — а) <презрительных>
6) бесчувственных

51. — — — — глубокой

53. — — дивных

54. а) И не воскреснуть

б) И не проснуться

в) Не раздаваться.

Стихотворение написано на смерть А. С. Пушкина (29 января 1837 г.). Дата, стоящая под стихотворением в копии при «Деле о непозволительных стихах» («28 генваря 1837 г.»), относится к первой части (до стиха «А вы, надменные потомки»), написанной сейчас же после разнесшейся по Петербургу вести о дуэли. Стихотворение Лермонтова (в этом первоначальном виде) получило сразу очень широкое распространение (см. «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, Л., 1928, стр. 156—157). Есть указания на то, что стихотворение стало известно и при дворе, но не вызвало сначала никакого негодования. Приятель Лермонтова С. А. Раевский говорит в своем показании («Дело о непозволительных стихах»): «Пронеслась даже молва, что В. А. Жуковский читал их его императорскому высочеству государю-наследнику и что он изъявил высокое свое одобрение». Сохранилось свидетельство, будто Николай I, прочитав стихотворение Лермонтова, сказал: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина», а великий князь Михаил Павлович заявил: «*Se poète en herbe va donner de beaux fruits*»¹ (В. П. Бурнашев, «М. Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников», «Русский архив», 1872, № 9, стр. 1770—1781). Управляющий III отделением А. Н. Мордвинов, по словам А. Н. Муравьева, сказал ему: «Я давно читал эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли в них ничего предосудительного» (А. Н. Муравьев, «Знакомство с русскими поэтами», Киев, 1871, стр. 23).

Таково было положение до того, как Лермонтов написал заключительные 16 строк — через несколько дней после похорон Пушкина. Смерть Пушкина вызвала большое волнение. 30 января Никитенко записал: «Какой шум, какая неурядица во мнениях о Пушкине!», а 31 января он отметил, что министр народного просвещения С. С. Уваров «очень занят укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина». А. А. Краевский получил строгий выговор за сообщение о смерти Пушкина («Солнце русской поэзии закатилось») в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» от 30 января 1837 г., № 5, а Н. И. Греч — за слова, напечатанные в № 24 «Северной пчелы»: «Россия обязана благодарностью Пушкину за 22-летние заслуги его на поприще словесности». Придворные и аристократические круги осуждали Пушкина и оправдывали Дантеса, а широкие общественные круги, напротив, были так настроены против Дантеса, что, по

¹ От этого зреющего поэта надо ждать хороших плодов.

словам А. Н. Муравьева, «было даже опасение народной ненависти к убийде Пушкина».

Об обстоятельствах, при которых Лермонтов написал заключительные 16 строк, мы знаем из показаний С. А. Раевского, а также из рассказа В. П. Бурнашева (источник не вполне достоверный, но в данном случае совпадающий с другими). Потрясенный смертью Пушкина, Лермонтов заболел; вызванный к нему, лейб-медик Арендт рассказал ему подробности о последних днях жизни Пушкина. Лермонтов находился под впечатлением этого рассказа, когда к нему пришел его родственник камер-юнкер Н. А. Столыпин. Разговор зашел о смерти Пушкина. Столыпин всячески защищал Дантеса; Лермонтов горячился и негодовал. «Разговор шел жарче, молодой камер-юнкер Столыпин сообщал мнения, рождавшие новые споры, и в особенности настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от внешних законов, что Дантес и Геккерен, будучи знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду русскому. Разговор принял было юридическое направление, но Лермонтов прервал его словами, которые после почти вполне поместил в стихах: «если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть божий суд». Разговор прекратился, а вечером, возвратясь из гостей, я нашел у Лермонтова и известное прибавление, в котором явно выражался весь спор» («Дело о непозволительных стихах» и т. д.).

Новые заключительные строки стали немедленно переписываться и расходиться по рукам в огромном количестве экземпляров. Имя Лермонтова, до тех пор известное только в литературных кругах, стало теперь широко известно. И. Панаев говорит: «Лермонтов сделался известен публике своим стихотворением «На смерть Пушкина». А. Н. Муравьев подтверждает: «Лермонтов... приобрел себе громкую известность, написав энергические стихи на смерть Пушкина». Стихотворение Лермонтова, вместе с «дополнением», дошло даже до таких учреждений, как училище правоведения. В. В. Стасов вспоминает: «Спустя несколько месяцев после моего поступления в училище Пушкин убит был на дуэли. Это было тогда событие, взволновавшее весь Петербург, даже и наше училище; разговорам и сожалениям не было конца, а проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало нас, и мы читали и декламировали его с беспредельным жаром, в антрактах между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе: «А вы, толпою жадною стоящие у трона», и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас подымала сила лермонтовских

стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление. Разве что лет за 20 перед тем «Горе от ума». («Русская старина», 1881, № 2, стр. 410 и 411).

Дополнительные строки дошли до Николая I не сразу. Шеф-жандармов Бенкендорф отнесся к ним сначала спокойно. Возможно, впрочем, что приводимые Бурнашевым слова Бенкендорфа («самое лучшее на подобные легкомысленные выходки не обращать никакого внимания, тогда слава их скоро померкнет; ежели же мы примемся за преследование и запрещение их, то хорошего ничего не выйдет, и мы только раздуем пламя страстей») относятся к первой части стихотворения и были сказаны, когда он еще не знал вторых. Тот же Бурнашев (а вслед за ним и П. А. Висковатов — «Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 329—347) рассказывает, что о дополнительных стихах Бенкендорф узнал на одном рауте (вероятно, у графини Фикельмон) от графини А. М. Хитрово, аттестовавшей их как стихи, оскорбительные для всей аристократии. На следующий же день Бенкендорф сообщил об этих стихах Николаю I, который до того уже успел получить их анонимную копию с надписью «Воззвание к революции». Так или иначе, но стихи эти стали известны при дворе и вызвали гнев. Был пущен слух, что они написаны не Лермонтовым. Так, А. И. Тургенев писал 13 февраля 1837 г. А. Н. Пешурову: «Посылаю стихи, кои достойны своего предмета. Ходят по рукам и другие строфы, но они не этого автора и уже навлекли, сказывают, неприятности истинному автору» («Пушкин и его современники», вып. II, стр. 113).

Предвидя беду, Лермонтов обратился к А. Н. Муравьеву (о нем см. комментарий к следующему стихотворению), прося его заступничества перед управляющим III отделением А. Н. Мордвиновым: «Поздно вечером приехал ко мне Лермонтов и с одушевлением прочел свои стихи, которые мне очень понравились. Я не нашел в них ничего особенно резкого, потому что не слыхал последнего четверостишия, которое возбудило бурю против поэта. Стихи сии ходили в двух списках по городу: одни с прибавлением, а другие без него, и даже говорили, что прибавление было сделано другим поэтом, но что Лермонтов благородно принял это на себя. Он просил меня поговорить в его пользу Мордвинову, и на другой день я поехал к моему родичу. Мордвинов был очень занят и не в духе. «Ты всегда с старыми вестями, — сказал он, — я давно читал эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли в них ничего предосудительного». Обрадованный такой вестью, я поспешил к Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не застав дома, написал ему от слова до слова то, что сказал мне Мордвинов. Когда же возвратился домой, нашел у себя его записку, в которой он опять

просил моего заступления, потому что ему грозит опасность. Долго ожидая меня, написал он на том же листке чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока:

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты цвела, где ты росла?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была? .. и проч.

Меня чрезвычайно тронули эти стихи, но каково было мое изумление вечером, когда флигель-адъютант Столыпин сообщил мне, что Лермонтов уже под арестом. Случилось мне на другой день обедать у Мордвинова; за столом потребовали его к гр. Бенкендорфу; через час он возвратился и, с крайним раздражением, сказал мне: «Что ты на нас выдумал! Ты сам будешь отвечать за свою записку!» Оказалось, что когда Лермонтов был взят под арест, генерал Веймарн, исполнявший должность гр. Бенкендорфа за его болезнью, поехал опечатать бумаги поэта и между ними нашел мою записку. При тогдашней строгости это могло дурно для меня кончиться; но меня выручил из беды бывший начальник штаба жандармского корпуса генерал Дубельт. Когда Веймарн показал ему мою записку, уже припитую к делу, Дубельт очень спокойно у него спросил: что он думает о стихах Лермонтова без конечного к ним прибавления? Тот отвечал, что в четырех последних стихах и заключается весь яд. «А если Муравьев их не читал, точно так же как и Мордвинов, который ввел его в такой промах?» возразил Дубельт. Веймарн одумался и оторвал мою записку от дела. Это меня спасло, иначе я совершенно невинным образом попался бы в историю Лермонтова. Ссылка его на Кавказ наделала много шума; на него смотрели как на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. С жадностью читали его стихи с Кавказа, который послужил для него источником вдохновения» (А. Н. Муравьев, «Знакомство с русскими поэтами», Киев, 1871, стр. 23 и след.).

Лермонтов был арестован и, по словам А. П. Шан-Гирея, посажен «в одну из комнат верхнего этажа здания главного штаба». Тогда же (21 февраля 1837 г.) был арестован и С. А. Раевский. Черновик своего показания Раевский старался передать Лермонтову; он послал этот черновик камердинеру Лермонтова Андрею Ивановичу Соколову (крепостному из села Тарханы) при следующей записке: «Против 3 Адмиралтейской части в доме кн. Шаховской Андрею Иванову. Андрей Иванович! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку министру. Надобно, чтобы он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже. Если сам не можешь завтра же

поутру передать, то через Афанасия Алексеевича.¹ И потом непременно сжечь ее» (Эта записка приложена к «Делу о непроизводительных стихах». Там же показания Раевского и Лермонтова, впервые опубликованные в «Вестнике Европы» 1887 г., № 1. Ср. П. Е. Щеголев, «Книга о Лермонтове», Л., 1929., вып. I, стр. 262—267).

Записка Раевского и черновик его показания до Лермонтова не дошли: они были перехвачены. Расвский в своем показании старался доказать, что никаких «политических мыслей, а тем более противных порядку, установленному вековыми законами», у Лермонтова не было: «Раз пришло было нам на мысль, что стихи темны, что за них можно пострадать, ибо их можно перетолковать по желанию, но, сообразив, что фамилия Лермонтова под ними подписывалась вполне, что высшая цензура давно бы остановила их, если б считала это нужным, и что государь император осыпал семейство Пушкина милостями, следовательно дорожил им, — положили, что, стало быть, можно было бранить прагов Пушкина, оставили было идти дело так, как оно шло, но вскоре вовсе прекратили раздачу экземпляров с прибавлениями потому, что бабуку его Арсеньеву, и не знавшую ничего о прибавлении, начали беспокоить общие вопросы об ее внуке, и что она этого пожелала».

Показание Лермонтова носит другой, более покаянный характер. Он признал свою вину и указал, что распространителем стихов был Раевский. Объяснение этому мы находим в письме Лермонтова к Раевскому, написанном в марте 1837 г.: «Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес ей в жертву... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать, но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!...»

Приводим показание Лермонтова целиком:

Объяснение корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтова.

«Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли ее и ко мне, обезображенную разными прибавлениями. Одни — приверженцы нашего лучшего поэта — рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и, наконец, принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправ-

¹ Столыпин (1788—1866), брат бабушки Лермонтова, Е. А. Арсеньевой.

дывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурен собою, — они говорили также, что Пушкин негодный человек, и прочее. Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения.

Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сраженного рукою божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; и врожденное чувство в душе неопытной — защищать всякого невинно осуждаемого — зашевелилось во мне еще сильнее по причине болезнью раздраженных нервов. Когда я стал спрашивать: на каких основаниях так громко они встают против убитого? — мне отвечали, вероятно, чтобы придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения. — Я удивился; надо мною смеялись. Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер, и вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моем воображении и очернила еще более несправедливость последнего. Я был твердо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостивые чувства императора, богом данного защитника всем угнетенным; но тем не менее, я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные, невыгодные для него, слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счет выражения, вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как я прежде мыслил и ныне мыслю) для других еще более, чем для себя. Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хотя объяснением, — ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка. Прежде я писал разные мелочи, быть может, еще хранящиеся у некоторых моих знакомых. Одна восточная повесть, под названием «Хаджи-Абрек», была мною помещена в «Библиотеке для чтения»; а драма «Маскарад», в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слыш-

ком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена.

Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастью, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель, Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения и, по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать: вероятно, он показал их, как новость, другому, — и таким образом они разошлись. Я еще не выезжал, и потому не мог вскоре узнать впечатления, произведенного ими, не мог во-время их возвратить назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отсекаться от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: *правда* всегда была моей слятицей и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней, как единственной зашитнице благородного человека перед лицом царя и лицом божим.

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка

Михаил Лермонтов.

25 февраля 1837 г. последовало высочайшее повеление: «Л-гв. гусарского полка корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству [Бенкендорфу] стихов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского, за распространение сих стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведения корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

В апреле 1837 г. Лермонтов уехал на Кавказ, где стоял Нижегородский драгунский полк. Е. А. Арсеньева усиленно хлопотала о возвращении внука. В октябре 1837 г. Николай I, согласно просьбам Бенкендорфа, отдал приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде. 26 февраля 1838 г. Лермонтов прибыл в Новгород и прожил здесь 1½ месяца (Ю. Елец, «История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка», СПб, 1898, т. I, стр. 205—208). 25 марта 1838 г. Бенкендорф написал отношение военному министру Чернышеву, прося его «в особенное, личное одолжение» исходатайствовать у государя полное прощение Лермонтову. Он мотивировал свою просьбу тем, что бабка Лермонтова (близкая и давняя его знакомая) стара и хочет провести остаток жизни с внуком, возраст же не позволяет ей переехать к нему в Новгород. Приказом от 9 апреля 1838 г. Лермонтов был переведен обратно в прежний полк и возвращен в столицу. Вернувшись в Петербург, Лермонтов начал хлопотать о Раевском, и 7 декабря 1838 г. Раевский был прощен. Рассказ о трогательной

встрече друзей был записан Висковатовым со слов сестры Раевского А. А. Соловдовой («Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 345). Впоследствии Раевский, вспоминая всю эту историю, писал А. П. Шан-Гирею (8 мая 1860 г.): «Я всегда был убежден, что Мишель напрасно исключительно себе приписывает маленькую мою катастрофу в Петербурге в 1837 г. Объяснения, которые Михаил Юрьевич был вынужден дать, ... составлены вовсе не в том тоне, чтобы сложить на меня какую-нибудь ответственность». Далее он говорит, что большую роль в этом деле сыграли неблагоприятно сложившиеся служебные отношения: «Записываю это для отнятия права упрекать память благородного Мишеля» («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 742).

«Смерть поэта» было первым стихотворением, создавшим Лермонтову громкую известность, и вместе с тем первым его публичным выступлением на социально-политическую тему — против великосветских кругов. Оно было подготовлено делым рядом юношеских стихотворений 1830—1832 гг., в том числе стихотворением «К***» («О, полно извинять разврат!»), обращенным к Пушкину. Здесь есть мысли и выражения, повторенные в «Смерти поэта»: «Ты гордым не поник челом» (ср. «Поникнув гордой головой»), «Высокой мыслью и душой ты рано одарен природой» (ср. «Он, с юных лет постигнувший людей»). С другой стороны, основные образы и речения «Смерти поэта» подготовлены посланием Жуковского 1814 г. («К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»), в котором говорится о смерти В. А. Озерова:¹

Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славные чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.

Потомство грозное, отмщенья!

Следует еще указать на то, что Лермонтов в это время (по-видимому с 1836 г.) был членом «кружка шестнадцати», отрицательно относившегося к политике правительства и к придворным кругам. Деятельность этого кружка до сих пор очень мало известна (см. подробнее в комментарии к стихотворению «Дума»), но при скудости биографических материалов о Лермонтове важно

¹ На это было указано Ю. Н. Тыняновым в его студенческом докладе («Литературный источник «Смерти поэта» Лермонтова»), прочитанном в семинарии проф. С. А. Венгерова (1913).

то, что Лермонтов вовсе не был одиночкой, а имел свой круг, из общения с которым и почерпнул темы и мотивы своих гражданских стихотворений 1837—1839 гг. (см. подробно в моей статье: «Литературная учеба», 1935, № 6).

Эпиграф к «Смерти поэта» взят Лермонтовым из трагедии Ротру (Jean de Rotrou, 1609—1650) «Вендеслав» («Venceslas»).

Ветка Палестины (стр. 18).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 53—55. Наборная копия — в тетр. 15, л. 5 об.

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. III, № 5, стр. 275—276.

В копии под заглавием вычеркнуто: «Посвящается А. М.-ву». Это Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874), писатель, автор книги «Знакомство с русскими поэтами» (Киев, 1871). В этой книге Муравьев рассказывает, как Лермонтов 21 февраля 1837 г. написал у него в комнате «Ветку Палестины» (см. комментарий к предыдущему стихотворению).

Ср. также А. Н. Муравьев, «Описание предметов древности и святынь, собранных по святым местам», Киев, 1872, стр. 8.

С Муравьевым Лермонтов вообще был довольно близок (ср. рассказ Муравьева о чтении Лермонтовым «Мцыри» в комментарии к этой поэме, т. III). В ИРЛИ находится любопытный портрет А. Н. Муравьева, по преданию писанный Лермонтовым.

Еще Шевырев указывал на связь «Ветки Палестины» Лермонтова с «Цветком» Пушкина («Москвитянин», 1841, № 2, стр. 527 и след.). Впоследствии этого вопроса касались многие исследователи, в особенности Устимович («Русская старина», 1887, № 8, стр. 459) и Н. Ф. Сумцов («А. С. Пушкин», Харьков, 1900, стр. 320—321). Их наблюдения суммировал Б. В. Нейман в своей работе «Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова» (Киев, 1914, стр. 95—97), где сделаны следующие сопоставления:

Лермонтов:

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
И пальма та жива ль поныне?
Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты?

Пушкин:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел?
И жив ли тот и та жива ли?
Или уже они увяли?

Ст. 17 («Или в разлуке безотрадной») можно сопоставить с ст. 10 Пушкина («Или в разлуке роковой»).

Стихи:

Поведай: набожно: рукою
Кто в этот край тебя занес?

тоже близки к тексту Пушкина:

...и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?

Вся эта часть Лермонтовского стихотворения представляет собой (как и у Пушкина) ряд вопросов, обращенных к пальме (у Пушкина — к цветку, найденному в книге); далее тон стихотворения меняется, но Пушкинское влияние не исчезает, только «Цветок» сменяется «Бахчисарайским Фонтаном».

Стихи:

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой —

восходят к Пушкинским:

Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный.
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный.

Наконец, стих «Широколиственной главой» заимствован Лермонтовым из поэмы Баратынского «Переселение душ», в которой встречаем следующее четверостишие:

И вот приметен кров жилищ,
Над коим пальма вековая
Стоит, роскошно помавая
Широколиственной главой.

(Об этом см. в статье С. В. Шувалова «Влияние на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии» в сборнике «Венок Лермонтову», М., 1914, стр. 310—311.)

Помимо этих отдельных сопоставлений следует указать на связь «Ветки Палестины» с традицией, идущей из школы Жуковского, в которую, в свою очередь, входит и «Цветок» Пушкина. «Ветка Палестины» — меланхолическая медитация в стиле таких стихотворений Жуковского, как «К мимопролетевшему знакомому гению» или «Ганнштвенный посетитель».

Скажи, кто ты, пленитель безымянный,
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

(«К мимопролетевшему знакомому гению».)

Лермонтов вносит в традиционную медитацию характерный для него декоративно-балладный элемент с экзотическим колоритом («Палестина», «Ливан», «Солима бедные сыны», «пальма» и т. д.) и с намеком на сюжет («Божьей рати лучший воин» и т. д.). (Б. Эйхенбаум, «М. Ю. Лермонтов», Л., 1924, стр. 106; ср. его же, «Мелодика стиха», Пгр., 1922, стр. 59—66.)

«Ветка Палестины» (как и многие стихотворения Лермонтова) неоднократно служила материалом для пародий и злободневных политических стихотворений.

«Расписку просишь ты, гусар» (стр. 20).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 43 (карандашом).

Впервые (одна третья строфа) — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 59; целиком — у Висковатова (I, 265).

Черновые варианты.

6. — вольной

11. Для глаз твоих сама природа

14. — самый пакостный

17. <Так из египетской пустыни

Ведя>

18. Великий

19. — — — стон

П. А. Ефремов, публикуя в «Русской старине» заключительную строфу этого стихотворения, писал: «После стихотворений «Она поет» и «Кинжал» написано карандашом целое шуточное стихотворение «Расписку просишь ты, гусар» в 25 стихов, которое, судя по одному стиху «И легче стал судьбы удар», может относиться к 1837 г., когда постиг поэта первый «судьбы удар» за его стихотворение «На смерть Пушкина», или же к 1840 г., когда обрушился на него «второй удар» за дуэль с Барантом». П. А. Висковатов комментирует это стихотворение так: «Стихотворение это писано к товарищу Лермонтова по гусарскому полку А. Л. Потапову, впоследствии занявшему пост шефа жандармов. В молодости он писал стихи, и Лермонтов называл его в шутку «гусаром-поэтом» или «мечтателем». Ему-то, по уверению самого г. Потапова, Лермонтов посвятил известное стихотворение «Не верь себе, мечтатель молодой» и прислал его с надписью «Мечтателю». В его же имени Семидубравном Лермонтов положил на ноты свою «Казачью колыбельную песню».

Указание, что Потапов в молодости писал стихи, подтверждается Висковатовым в комментарии к стихотворению «Не верь, не верь себе» (см. ниже).

Датировать это стихотворение естественнее всего 1837 годом. Стих «И легче стал судьбы удар» близок к стиху «Я знал, удар судьбы меня не обойдет» («Не смейся над моей пророческой тоскою», 1837 г.). Самый жанр этого шуточного послания ближе к стихам Лермонтова 1836 — 1837 гг., чем к его стихам 1840 г.

Послание Потапова, на которое ответил Лермонтов, неизвестно (как неизвестны вообще его стихотворения). Судя по первой строке, оно было послано Лермонтову под расписку о получении, когда тот был арестован. В своем послании Потапов, оче-

видно, утешал Лермонтова «пленительными картинами» будущих кутежей.

Узник (стр. 21).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 39—41 (с датой — «1837»). Копия — в тетр. 15, л. 1 об.

Впервые — «Одесский альманах на 1840 год» (Одесса, 1839, стр. 567—568).

В тетради Чертковской библиотеки — черновой автограф (л. 61, карандашом, без заглавия) с вариантами:

8. а) <В чисто поле>
- 6) В степь <стрелюю>
10. — а) <чугунная крепка>
- 6) с безжалостным замком
11. <Красна девица>
13. — — <без седока>
14. а) <Ходит мирно в чистом поле>
- 6) — — — на
- 15—16. Топчет смело без подков
Зелень <девственных> бархатных лугов
15. Ходит
22. Мернозвучными

«Узник» написан Лермонтовым во время сидения под арестом за стихотворение на смерть Пушкина (значит — в феврале 1837 г.). А. П. Шан-Гирей вспоминает: «Под арестом к Мишелью пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать божия, ныне с молитвою», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу», прибавив к ней последнюю строфу: «Но окно тюрьмы высоко». («Записки Е. А. Сушковой», «Academia», Л., 1928, стр. 380.)

На самом деле отношение между «Желанием» («Отворите мне темницу», 1832 г.) и «Узником» несколько сложнее. Кроме первых четырех строк Лермонтов от своего старого стихотворения почти ничего не оставил. В «Желании» тюремная тема взята очень общо и условно-символически; «Узник» несравненно конкретнее: условно-поэтическая романтика тюремных мотивов, характерная для этой эпохи, сливается и скрепляется здесь с конкретной автобиографической ситуацией.

Тема тюрьмы представлена в русской поэзии начала XIX века преимущественно как условный символ, заимствованный, главным образом, из западной литературы. Такова она, например, в стихотворениях Жуковского: «Узник мотыльку, влетевшему в его темницу» (из де-Местра, 1813), баллада «Узник» (1819), сюжетно совпадающая с стихотворением А. Шенье

«La jeune captive» (см. перевод Козлова — «Молодая узница»), и «Шилонский узник». Использование темы тюрьмы в качестве лирического сравнения встречаем у Рыльева и у Пушкина. Конкретно-автобиографический характер эта тема приобретает у Полежаева («Арестант», «Осужденный», «Цепи» — см. в книге Б. Эйхенбаума «М. Ю. Лермонтов», Л., 1924, стр. 55—57, где приведен сравнительный материал).

Эволюция тюремной тематики в русской поэзии XIX века заключалась в постепенном превращении романтического героя — «узника» или «пленника» — в конкретного «арестанта» и романтической «темницы» в реальную.

«Узник», как отмечал еще Шевырев (в «Москвитянине», 1841), близок к Пушкинскому стиху. Шевырев выделил курсивом наиболее «Пушкинские» строки: «Черноглазую девицу, черногривого коня», строфу «Добрый конь в зеленом поле» и конец (от строки «Только слышно за дверями»). Белинский отзывался об «Узнике» (вместе с «Ангелом») неодобрительно: «Стихи Лермонтова недостойны его имени» (в письме к В. П. Боткину от 24 февраля 1840 г., — «Письма», т. II, стр. 70; ср. аналогичный отзыв в его рецензии на «Одесский альманах», — «Отеч. записки», 1840, № 2).

Сосед (стр. 22).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 163—164, где появилось впервые (с датой — «1837»). Копия — в тетр. 15, л. 4 об.

Стихотворение написано под арестом (за стихи на смерть Пушкина) и связано с «Узником» не только временем и условиями написания, но общностью темы и даже некоторыми тематическими деталями. Образ часового перешел сюда из «Узника» с сохранением звуковой характеристики («И опершись на *звучное* ружье»), точно передающей психологию арестанта, не видящего, а только слышащего присутствие часового. Стихотворение это вообще построено на основе слуховых образов, особенно укрепленной обратным ходом сравнения: «звук чередой, как слезы, тихо льются, льются» — «слезы из очей, как звуки, друг за другом льются» (ср. в «Демоне»: «И звуки те лились, лились, как слезы, мерно друг за другом»). Устойчивость и единообразие звуковой системы сказываются и в рифмах: рифмы первых двух стихов («сосед» — «лет») откликаются в начальных стихах второй строфы («полусвет» — «привет»); рифмы ст. 4 — 5 — в ст. 16 — 17; рифмы ст. 15 — 18 — в ст. 21 — 24 (даже с повторением слова «льются»).

Белинский отмечал «музыкальность» стихотворения в статье «О стихотворениях М. Ю. Лермонтова».

Тематическая ситуация этого стихотворения (неизвестный сосед, поющий песню за стеной) аналогична той, которая имеет место и в стихотворении А. Шенье «La jeune captive» (в пере-

воде Козлова — «Молодая узница») и в балладе Жуковского «Узник» (ср. также «Соседку» Лермонтова).

«Когда волнуется желтеющая нива» (стр. 24).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 161—162 (с датой — «1837»), где появилось впервые. В тетр. 15 — копия, л. 3 об.

Автограф — в рукописном отделении Публичной библиотеки им. Ленина с вариантом:

12. — дальний

По словам А. П. Шан-Гирея написано во время сидения под арестом за стихотворение «Смерть поэта».

Стихотворение вызвало любопытную отповедь со стороны Г. И. Успенского в очерках «Крестьянин и крестьянский труд» (Сочинения, 1884, т. VII, стр. 34—35): объявляя Кольцова «поэтом земледельческого труда», Успенский противопоставляет его «Урожай» стихотворению Лермонтова; он указывает на эстетизацию природы в этом стихотворении и делает вывод, что «поэт — случайный знакомец природы, что у него нет с ней кровной связи, иначе он бы не стал выбирать из нее отборные фрукты, да прикрашивать их и размещать по собственному усмотрению».

Анализ периода, на котором построено стихотворение, и его ритмико-синтаксических особенностей, см. в книге Б. Эйхенбаума «Мелодика стиха» (1922, стр. 104 — 114).

Молитва (стр. 25).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 43—44 (с датой — «1837»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. XI, № 7, стр. 1.

Автограф — в письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. (см. в томе V); копия — в тетр. 15, л. 4 (под заглавием «Молитва Странника»). Кроме того — черновой автограф в тетради автографов Чертковской библиотеки, л. 55.

Варианты автографа в письме.

9. — — счастья

10. — ты ей спутников

Вариант автографа Чертковской библиотеки.

10. — ей <простых друзей>

По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея («Русское обозрение» 1890 г., № 8, стр. 740; ср. «Записки Е. А. Сушковой», «Academia», Л., 1928, стр. 380), Лермонтов написал это стихотворение во время сидения под арестом («в одной из комнат верхнего этажа здания Главного Штаба») за стихотворение «Смерть поэта» одновременно с «Узником», «Соседом» и «Когда волнуется желтеющая

пива» (февраль 1837 г.). В материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ) об этом стихотворении есть запись, сделанная, вероятно, со слов друга Лермонтова С. А. Раевского: «После молебна божией матери бабушка заставляла Лермонтова понести икону; он не исполнил. Его стали упрекать... в ответ на упреки он написал: «Я, мать божия, ныне с молитвою». О каком моменте говорит здесь Раевский, неясно. В указанном письме Лермонтова к М. А. Лопухиной (от 15 февраля 1838 г., накануне отъезда из Петербурга в Новгород) он пишет об этом стихотворении: «В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах и которое мне довольно-таки нравится именно потому, что я забыл его — впрочем это ровно ничего не доказывает».

Эти слова Лермонтова не помогают точной датировке, но указание на то, что стихотворение оказалось в «дорожных бумагах», а также его заглавие («Молитва *Странника*») заставляют думать, что оно относится к моменту отъезда на Кавказ. Это соображение поддерживается и тем, что в тетради Чертковской библиотеки на одном листке с «Молитвой Странника» написано стихотворение «Расстались мы». Надо полагать, что оба эти стихотворения относятся к В. А. Лопухиной. (О ней см. в т. I.)

Об особенностях ритма и синтаксиса в этом стихотворении см. в книге Б. Эйхенбаума, «М. Ю. Лермонтов», Л., 1924, стр. 114.

«Расстались мы» (стр. 26).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 165, где появилось впервые (с датой — «1837»). Копия — в тетр. 15, л. 5.

Черновой автограф — в тетр. Чертковской библиотеки, л. 55, с черновым вариантом в ст. 2:

Здесь на груди я сохраню

Это стихотворение восходит к более раннему — «Я не люблю тебя» (1831), написанному Лермонтовым в альбом Е. А. Сушковой. Заключительное сравнение (одно из повторяющихся у Лермонтова «клише») взято им из французской литературы (Шатобриан, Ламартин); оно использовано и в «Вадиме»: «Мир без тебя что такое?.. Храм без божества!...».

«Никто моим словам не внимлет» (стр. 27).

Печатается по автографу Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (Москва), найденному в архиве Е. А. Карлгоф-Драшусовой.

Впервые — «Литературное наследство», № 19—21, 1935, стр. 505.

Черновые варианты.

6. Безмолвною

После ст. 6:

〈С них время〉

Стихотворение написано на листке, который был послан 10 июля 1844 г. другом Лермонтова С. А. Раевским Елизавете Алексеевне Карлгоф-Драшусовой (см. ее воспоминания «Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной» в «Русском вестнике» 1881 г., № 9, 11; 1882 г., № 5; 1883 г., № 6; 1884 г., № 5). На том же листке, как непосредственное продолжение этого стихотворения, следует другое: «Мое грядущее в тумане» (см. комментарий к следующему стихотворению). Можно принять эти два стихотворения за одно (за это говорит их тематическая близость и отсутствие черты или какого-нибудь другого разделительного знака), но против этого говорит как тематическая законченность первого, так и строфическое и метрическое различие между первым и вторым.

Посылая этот листок, Раевский сопровождал его небольшим мемуаром, сохранившимся вместе со стихами: «Соображения Лермонтова сменялись с необычайною быстротою, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко — и я бывал свидетелем, как во время размышления противника его в шахматной игре Лермонтов писал (т. агические) драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиономий и т. п. Для сохранения воспоминания об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермонтова, согласно желанию ее. — 10 июля 1844. С. Раевка». На обороте листка имеются рисунки Лермонтова.

Сообщение Раевского тоже говорит в пользу того, что перед нами наброски двух стихотворений («драматические отрывки»).

О датировке стихотворения см. в следующем комментарии.

«Гляжу на будущность с боязнью» (стр. 28).

Печатается по автографу в тетр. Чертковской библиотеки, л. 42. Впервые — литературный сборник «Вчера и сегодня», 1845, I, стр. 95.

Черновые варианты.

8. а) К чему судьба меня готовит
- б) Сказать, что небо мне »
9. — — — прекословит
13. <Пора начать мне>

В Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (Москва) есть автограф из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой (см. комментарий к предыдущему стихотворению), представляющий собой первоначальную (незаконченную) редакцию этого стихотворения. Приводим ее здесь полностью;

Мое грядущее в тумане,
Было[е] полно мук и зла...
Зачем¹ не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
До ра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..²

И я словам его поверил
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

Стихотворение (как и предыдущее) датируется 1837 годом предположительно: оно написано на одном листке со стихотворениями «Она поет», «Кинжал» и с посвящением к «Казначейше», которые датируются этим годом. Возможно, что оно было написано в промежуток между освобождением из-под ареста и выездом на Кавказ.

В первоначальной редакции стихотворение не закончено (начата третья строфа); в окончательной редакции оно состоит только из двух строф и сильно изменено.

Ст. 3 («И как преступник перед казнью») заимствован у Полежаева: «Как злой преступник перед казнью» («Кольцо», 1829).

«Я не хочу, чтоб свет узнал» (стр. 29).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 63.

Впервые — литературный сборник «Вчера и сегодня», 1845, I, стр. 14.

¹ (так поздно иль так рано)

² После этого:

(Огонь в уста твои вложу я,
Дам власть мою твоим словам;)

Черновые варианты.

3. — — — как я

4. Узнают только

После ст. 4:

Я в жизни редко слушал их,

Пусть буду ими же наказан

16. Никто его не знает думы

Датировка этого стихотворения 1837 годом (как и следующего) предположительна. По самому его содержанию можно думать, что оно написано вслед за катастрофой, постигшей Лермонтова в связи со стихотворением «Смерть поэта». На это намекают такие строки, как «Укор неведь, укор людей души высокой не печалит».

«Не смейся» (стр. 30).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 63 об.

Впервые — литературный сборник «Вчера и сегодня», 1846, II, стр. 153.

Варианты.

После ст. 5:

Я в мире не найду мятежную душой;

6. — — — — с обманутой душой

После ст. 10:

И ты, последний друг, заметь слова мои!

Датировка стихотворения 1837 годом предположительна; основанием служат слова об «ударе судьбы» (ср. в стихотворении «Расписку просишь»: «И легче стал судьбы удар»), о «венце терновом» (ср. в «Смерти поэта»), о «плахе».

Первые строки стихотворения восходят к юношескому стихотворению «Когда твой друг с пророческой тоскою».

«Слышу ли голос твой» (стр. 31).

Печатается по черновому автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 45 об.

Впервые — литературный сборник «Вчера и сегодня», 1845, I, стр. 92 (под заглавием «Неотделанное стихотворение»).

Варианты.

2. — — сладостный

3. Сердце, как птичка

4. В клетке, запрыгает

6. а) Мне больно, холодно,
- 6) Как небо глубокие
7. — на встречу им
8. — — рвется
10. И плакать хочется

В ст. 3 мы поставили слова «в клетке» в квадратные скобки, так как считаем это чтение предположительным. В автографе слова «в клетке» стоят в ст. 4, но, в связи с вписанным сверху словом «сердце» (которое сначала стояло в ст. 3), они должны быть, повидимому, перемещены в ст. 3: иначе ст. 4 окажется восьмисложным, а таких в стихотворении нет. Стихотворение, очевидно, осталось недоработанным.

Судя по тому, что на том же листке (на лицевой стороне) сделана запись «Я в Тифлисе у Петр. Г.» и т. д. (помеченная 1837 г.), стихотворение написано на Кавказе в 1837 г.

«Как небеса твой взор блистает» (стр. 32).

Печатается по автографу в тетр. Чертковской библиотеки, л. 62.

Впервые — «Библиографические записки», 1859, т. II, № 1, стр. 22.

Черновые варианты.

10. Заманчиво
11. И сердце робкое трепещет
12. И тешится, дрожит

Датировка 1837 годом основана на том, что стихотворение написано на одном листке с наброском к «Тамбовской казначейше» (ст. 707—727).

Стихотворение представляет собой, повидимому, новый вариант предыдущего («Слышу ли голос твой»).

«Она поет — и звуки тают» (стр. 33).

Печатается по автографу в тетр. Чертковской библиотеки, л. 42 об.

Впервые — «Библиографические записки», 1859, т. II, № 1, стр. 23.

Датировка 1837 годом основана на том, что стихотворение написано на одном листке с посвящением к «Тамбовской казначейше».

Это стихотворение частично восходит к юношескому стихотворению «Она не гордой красотою» (1832). Ст. 5—8 являются вариантом прежних:

Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.

Вместе с тем это стихотворение явно связано с предыдущим, повторяя сравнения звуков голоса со звуками поделуя («звук тает, как поделуи на устах» — «как поделуй, звучит и тает») и взора с небом («небеса играют в ее божественных глазах» — «как небеса твой взор блистает эмалью голубой»). Все три стихотворения, помещенные здесь подряд, представляют собой, повидимому, разные вариации одной и той же темы.

[А. П. Петрову] (стр. 34).

Печатается по «Русскому архиву» 1867 г., № 7, стб. 1177.

Впервые (в неисправной редакции) — «Русский архив», 1864, № 10, стб. 1045, под заглавием «Ребенку. (В альбом Аркадию Павловичу Петрову)».

Автограф не найден.

В «Русском архиве» 1864 г. стихотворение напечатано с примечанием: «Продиктовано А. П. Петровым Г. П. Данилевскому в 1846 г. в Москве. — Семейство г. Петрова было коротко знакомо с Лермонтовым на Кавказе». Текст стихотворения дан в следующем виде:

Ну что сказать тебе мне спросту?
Мне не сродни хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту,
Другие качества все есть!

В «Русском архиве» 1867 г. по этому поводу появилась следующая заметка:

«Случайно прочел я (в «Русском архиве» 1864 г., изд. 2-ое) четверостишие, которое покойный М. Ю. Лермонтов написал мне в альбом в 1837 году. Так как две первые строки этого экспромта переданы Г. П. Данилевским не совсем точно, то я и полагаю не лишним сообщить небольшое стихотворение это в том виде, как оно было написано автором. — Вот оно: [следует текст]. Михаил Юрьевич был не только хорошим нашим знакомым, как говорит г. Данилевский, но и родственником: его родная бабка по матери (Елис. Алексеев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родные сестры. В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой.

А. Петров».

Итак, стихотворение написано Лермонтовым в Ставрополе в 1837 г. и обращено к Аркадию Павловичу Петрову. (Сведения о нем и об его отце, П. И. Петрове, см. в заметке И. В л а с о в а,

«Лермонтов в семье П. И. Петрова» — «Литературный сборник»
I, Кострома, 1928, стр. 3—10.)

Кинжал (стр. 35).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XVI, № 6,
стр. 234, где появилось впервые.

Черновой автограф — в тетради Чертковской библиотеки,
л. 42 об.; копия — в тетр. 15, л. 16.

Варианты автографа.

1. Мы не расстанемся, любезный мой кинжал
2. — <твердый>
4. Точил на вольный бой тебя черкес свободный
- 5—8. а) Лилейная рука тебя мне поднесла
И очи черные, твои подобно стали
<То вдруг тускнели, то сверкали>
В тот миг тускнели и сверкали
И надпись мне твою красавица прочла;
- б) Тебя мне поднесла лилейная рука
В знак памяти на вечную разлуку;
Как жмет теперь тебя моя рука,
Так я цокал ту <беленькую> молодую руку.
8. А чистая слеза <невольного>, жемчужина страданья.
10. а) Подобно закаленной стали
- б) Недвижные, но полные печали
15. — — — —, я

Датировка стихотворения 1837 годом основана на том, что оно написано на одном листке с посвящением к «Тамбовской казначейше». Судя по строкам «Лилейная рука тебя мне поднесла в знак памяти, в минуту расставанья» (в черновом — «на вечную разлуку»), стихотворение было написано перед отъездом с Кавказа.

«Кинжальные» образы и сравнения обычны в стихах Лермонтова и встречаются уже в юношеской лирике:

Презренья женского кинжал
Меня пронзил.

(«Ночь», 1830)

Тогда раскаянья кинжал
Пронзил тебя.

(«Когда к тебе молвы рассказ», 1830).

Традиция этих образов восходит к стихотворению Пушкина «Кинжал» (1821), первая строфа которого и по синтаксису и по рифмам близка к первой строфе Лермонтовского «Кинжала»:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,

**Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды!**

На сравнении с кинжалом построено стихотворение Лермонтова «Поэт» (см. ниже).

«Спеша на север» (стр. 36).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 44.

Впервые — литературный сборник «Вчера и сегодня», 1845, I, стр. 93 (под заглавием «Казбеку»).

В автографе — черновой вариант:

4. Приносит

Написано, очевидно, в конце 1837 г., когда Лермонтов ехал с Кавказа в Петербург.

[Б. М. И. Цейдлеру] (стр. 38).

Печатается по «Библиографическим запискам» 1859 г., № 1, стр. 23.

Впервые — «Атеней», 1858, № 6, стр. 303.

Автограф не найден.

Михаил Иванович Цейдлер (1816—1892) был товарищем Лермонтова по юнкерской школе, потом служил вместе с ним в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. В феврале 1838 г. Цейдлер был командирован на Кавказ, о чем он рассказывает в очерке «На Кавказе в 30-х годах» («Русский вестник», 1889, № 9, стр. 122—139).

Стихотворение можно датировать точно — 3 марта 1838 г. на основании рассказа Цейдлера о том, как его провожали товарищи по полку, в том числе и Лермонтов.

Описывая эти проводы, Цейдлер говорит об экспромте Лермонтова: «Экспромт этот имел для меня и отчасти для наших товарищей особенное значение, заключаая в конце некоторую, понятную только нам, игру слов». Эта игра заключается в слове «сталь» («Но иной, не бранной сталью»): Цейдлер был влюблен в девушку по фамилии Сталь.

Дума (стр. 39).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 45—48 (с датой — «1838»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. I, № 1, стр. 148—149.

Автограф не найден.

Ст. 11—12, отсутствующие по цензурным причинам в «Отеч. записках» и в «Стихотворениях» 1840 г., берем: ст. 11 по «Библиографическим запискам» 1859 г., т. II, № 12, стр. 373, ст. 12 — по изданию «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений», Берлин, 1862.

«Дума» и по жанру и по отдельным мотивам — произведение итоговое, подготовленное всем развитием Лермонтовской лирики. Особенность его в том, что личная трактовка темы обреченности заменена в нем трактовкой исторической: лирическое «я» обобщено и расширено до пределов «поколения». Первой попыткой такого обобщения, как неоднократно отмечалось исследователями (Н. Котляревский, Л. Семенов), было юношеское стихотворение «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете» (1829):

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит.

Даже образ «жизни чаша» (ср. стихотворение 1831 г. «Чаша жизни») повторен в «Думе»: «Едва касались мы до чаши наслажденья». Ст. 13—16 перенесены почти без изменений из стихотворения «Он был рожден для счастья» (1832):

Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый;
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час! —

Стих «Как пир на празднике чужом» подготовлен в стихотворении «Гляжу вперед сквозь сумрак лет» (1831): «Ненужный член в пиру людском».

Ораторские обороты «Думы» подготовлены такими стихотворениями, как «Умиравший гладиатор» и «Смерть поэта». С другой стороны, многие обороты, речения и темы «Думы» использованы в следовавших за нею произведениях Лермонтова, в том числе в «Герое нашего времени». Так, в «Фаталисте» есть место, в котором «Дума» почти буквально пересказана: «А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность, и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...»

Основные мотивы «Думы» характерны не для одного Лермонтова: это мотивы эпохи. Журнальные статьи этих годов (особенно в «Телескопе») пронизаны постоянными размышлениями о ничтожности и бесплодности молодого поколения, утра-

тившего «дедовскую беззаботность» и преждевременно одряхлевшего. Статьи «Телескопа» отражали в себе идеи Чаадаева. знаменитое «Философическое письмо» которого появилось в печати только в 1836 г., но ходило в рукописи уже с 1829 г. («Телескоп», т. 34, № 15). Между текстом этого письма и «Думой» существует несомненная идейная и даже стилистическая связь. Достаточно привести несколько цитат из письма Чаадаева, чтобы убедиться в этой связи, очевидно не случайной: «Мы живем в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте, без прошедшего и будущего... Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели... Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве; ни одной великой истины не возникло из среды нас... Мы жили, мы живем, как великий урок для отдаленных потомств, которые воспользуются им непременно, но в настоящем времени, что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумения».

Следует еще указать, что в «Думе», как и в других гражданских стихотворениях Лермонтова этих лет, отразилось влияние французского поэта Барбье (Henri-Auguste Barbier, 1805—1882). Его сборники — «Ямбы» («Jambes», 1832) и «Il Pianto» (1833) — были очень популярны в России. Эпиграфом к стихотворению «Поэт» Лермонтов взял строки из «Пролога» к «Ямбам». В «Думе» видны несомненные следы увлечения Лермонтова стихами Барбье. Так, в стихотворении «Campo Vaccino» (сборник «Il Pianto») читаем:

Ah! sommes-nous donc nés sous un souffle de glace,
 Ou sous quelque vent mou qui nous ride la face,
 Nous ôte la vigueur, nous affaiblit le poul,
 Et sous nos corps penchés fait trembler nos genoux?
 Avons-nous en dégoût pris toute gloire humaine
 Et vivant pour nous seuls, sans amour et sans haine,
 N'aspérons-nous qu'au jour où le froid du tombeau
 Comme un vieux parchemin nous rougira la peau?

(«Ах! нас при рождении овеяло, повидимому, какое-то ледяное дыхание или какой-то расслабляющий ветер, который морщинит наши лица, отнимает силу, ослабляет пульс, сгибает наши тела и заставляет дрожать наши колени. Мы как будто почувствовали отвращение ко всякой человеческой славе и, живя только для себя, без любви и без ненависти, мечтаем только о том дне, когда могильный холод, подобно старому пергаменту, окрасит нашу кожу».)

Что касается вопроса об идейной среде, поэтическим выражением которой является стихотворение Лермонтова, то этот вопрос относится ко всей группе гражданских стихотворений, начиная

К. Браицкий
С рисунка Г. Гагарина
Гос. Русский музей в Ленинграде

с «Умиравшего гладиатора» и «Смерти поэта». Биография Лермонтова в этом отношении еще не разработана. Можно указать только на «кружок шестнадцати» (см. комментарий к «Смерти поэта»). Единственные сведения о нем оставил его участник, Ксаверий Браницкий, в книге «Les nationalités slaves (Lettres au révérend P. Gagarin s.—j)», Paris, 1879». Членами кружка, кроме Лермонтова и Браницкого, были Монго-Столыпин, Жерве, Д. П. Фредерикс, А. и С. Долгорукие, П. Валуев, И. С. Гагарин, А. Шувалов и др. Браницкий говорит, что в нем «всё обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и не существовало». Н. Викторов (В. Бурцев) в статье об этом кружке («Кружок шестнадцати» — «Исторический вестник» 1895 г., № 10) пишет: «Принадлежность к кружку шестнадцати не была для Лермонтова малозначимым эпизодом в его жизни, а определяла его отношения ко многим общественным и политическим вопросам. Поэтому не может не казаться довольно странным то, что биографы Лермонтова, трактуя очень много о той или другой сердечной привязанности поэта, совершенно игнорируют его участие в кружке шестнадцати даровитых молодых людей из аристократических слоев, имевшем несомненно общественно-политический характер». Есть глухие указания на то, что в 1840 г. члены этого кружка одновременно с Лермонтовым были высланы на Кавказ. Ю. Самарин в письме к И. Гагарину от 19 июля 1840 г. пишет: «Вскоре после вашего отъезда чрез Москву потянулась вся плеяда 16-ти (toute la fraction des 16), направляющаяся на юг» («Новое слово», 1894, № 2, стр. 44). Подробнее в моей статье — «Литературная учеба», 1935, № 6.

«Дума» произвела очень сильное впечатление на современников. Белинский, восторженно приветствовавший ее в своих статьях, то и дело цитирует ее в письмах в подтверждение своих мыслей (см., например, письма к В. Боткину от 13 июня и от 4 октября 1840 г. — «Письма», II, стр. 130 и 163). Все, кроме Шевырева, увидевшего в «Думе» поэзу, несовместную с истинной поэзией, оценили стихотворение как событие.

Отзвуки Лермонтовской «Думы» слышны во всей русской гражданской лирике вплоть до символистов. (Материал см. в статье И. Н. Розанова «Отзвуки Лермонтова» в сборнике «Венок Лермонтову», М., 1914, стр. 237—289.) В стихах «Богаты мы, едва из колыбели, *ошибками отцов и познаним их умом*» можно видеть отражение трагедии, которую пережил Лермонтов в юности из-за своего отца (см. комментарий к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына» в томе I). Этот пафос повторен в финале: «Насмешкой горькою *обманутого сына над промотавшимся отцом*». Если в юношеской лирике образ отца окружен чуть ли не мученическим ореолом («Не мне судить, виновен ты или ист,

ты светом осужден? но что такое свет»), то здесь можно видеть более зрелую оценку семейной катастрофы, отразившейся на всей жизни Лермонтова. Характерно, что в «Думе» эта семейная катастрофа обобщена как явление, типичное для эпохи.

Поэт (стр. 41).

Печатается по «Отеч. запискам» 1839 г., т. II, № 3, стр. 163—164, где появилось впервые.

Черновой автограф — в тетради Чертковской библиотеки, л. 60. В «Стихотворения» 1840 г. не включено.

Варианты автографа.

- 1—2. В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старого издэль
4. Для нас давно утраченное зелье
6—8. Орудьем гибельного мщенья
И слышал он один его полночный бред
И сердца гордого биенье.
6. а) Как брату старшему и другу
б) Служил без платы за услугу
7. — — — — — а) кровавый
б) он вечный
10—12. И как сестра делил печали
(Но золотой узор и)
Тогда ни золото ни хитрая резьба
Его ножон не украшали.
10. <Сверк[ал]>
11. Тогда ему была узорная резьба
12. — лишним
17. а) Ножон, изрубленных когда-то на войне
б) » » на играх, на войне
в) И вот родных ножон, избитых на войне
19. И нынче в золоте <блистает> он блещет на стене
21. — а) знакомо
б) суровою
27. — — променял ты власть
29. Когда-то
37. а) <Величествен и прост был сильный твой язык,
Твои волшебные>
б) Но скучен нам простой и детский твой язык
38. Нам нужны
39. <Но наш усталый век, как ветреный старик>
42. — — — дело
43. <Как упраздненный меч неправду и порок>

Тема поэта и поэзии — одна из самых постоянных в русской поэзии 20-х и 30-х годов; мы встречаем ее у Батюшкова, Дельвига, Пушкина, Вяземского, Баратынского, Веневитинова, Тют-

чева, Языкова, Шевырева, Хомякова и др. Она обсуждалась и в тогдашней критике. Лермонтов уже в 1829 г. написал стихотворение «Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный»), в котором подражал тогдашним образцам, — в том числе и «Поэту» Пушкина («Пока не требует поэта», 1827). В стихотворениях следующих годов Лермонтов неоднократно возвращался к этой теме, внося в нее характерные для него оттенки:

Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан?

(«Я жить хочу», 1832)

К концу 30-х годов, вместе с развитием гражданских тем и ораторского стиля, тема поэта получает у Лермонтова новое освещение. Стихотворение «Поэт» 1838 г. выросло на основе «Умирающего гладиатора», «Смерти поэта» и «Думы» и представляет собой одно из программных стихотворений Лермонтова.

Описание заброшенного кинжала, который когда-то участвовал в боях, восходит к стихотворению А. С. Хомякова «Клинок» (1830 г.), из которого заимствованы и некоторые выражения.

Конец Лермонтовского стихотворения («Клинок, покрытый ржавчиной презренья») вызвал упрек со стороны Белинского: «Ржавчина презренья» — выражение неточное и слишком сбивающееся на аллегорию». Это выражение подсказано Хомяковым: «полусокрытый под едкой ржавчиной времен». Оно превращено в аллегорию, как и вся тема кинжала.

В стихотворении (как и в других стихотворениях 1838—1839 гг.) видны следы влияния «Ямбов» Барбье. Так, слова о том, что поэт променял свою прежнюю власть на золото, напоминают строки из стихотворения «Melpomène»:

Non, le gain les excite et l'argent les enfièvre,
L'argent leur clot les yeux et leur salit la lèvre.

(«Нет, их подстрекает успех, их возбуждают деньги, деньги закрывают им глаза и грязнят уста».)

«Ребенка милого рожденье» (стр. 43).

Печатается по автографу в письме Лермонтова к А. А. Лопухину (февраль—март 1839 г.).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXXI, № 12, стр. 342.

Написано по случаю рождения сына у Алексея Александровича Лопухина, родственника и приятеля Лермонтова (см. письмо Лермонтова и комментарий к нему в томе V).

«Не верь себе» (стр. 44).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 57—60 (с датой — «1839»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. III, № 5, стр. 277.

Автограф не найден.

Относительно этого стихотворения существуют две версии, не исключющие одна другой. По одной версии стихотворение обращено к А. Л. Потапову — тому самому, которому написано было в 1837 г. стихотворение «Расписку просишь ты, гусар» (см. комментарий к нему). Эта версия идет от П. А. Висковатова («Русская старина», 1885, № 2, стр. 476—477). О другой версии сообщает А. И. Введенский в своем комментарии к этому стихотворению: «В биографиях известного поэта Розенгейма рассказывается, будто бы в ответ на посланное им Лермонтову в лета крайней молодости стихотворение с просьбой сказать, есть ли у него талант, он получил от нашего поэта совет почаще читать его стихотворение «Не верь себе». Подробнее об отношениях Лермонтова и поэта М. П. Розенгейма (1820—1837) сообщает И. Н. Розанов в статье «Отзвуки Лермонтова» (сборник «Венок Лермонтову», 1914, стр. 246—247).

Так или иначе, стихотворение «Не верь себе» — одно из программных выступлений Лермонтова, примыкающее к стихотворению «Поэт». В обоих стихотворениях Лермонтов говорит о трагическом положении поэта среди равнодушного и лицемерного общества. Намеченная в «Поэте» характеристика этого общества («Нас тешат блёстки и обманы; как ветхая краса, наш ветхий мир привык морщины прятать под румяны») здесь развернута («Какое дело нам, страдал ты или нет» и т. д.). Пушкинская тема «Поэта и черни» здесь несколько переосмыслена: скептицизм и ирония Лермонтова направлены не только в сторону толпы, но и в сторону поэзии, утратившей свое назначение и превратившейся в ремесло.

Влияние Барбье сказалось на этом стихотворении еще сильнее, чем на «Поэте». Эпиграфом взяты строки из «Пролога» к «Ямбам» (у Барбье «Que me font», а не «Que nous font»): «Какое нам, в конце концов, дело до грубого лая всех этих кричащих шарлатанов, торговцев пафосом и изготовителей напыщенных слов, и всех паяцов, танцующих на фразе?» Отзвук этого эпиграфа есть и в тексте стихотворения: «разрумяненный трагический актёр, махающий мечом картонным». Строка «И гной душевных ран надменно выставлять» тоже восходит к Барбье, как и слова о торгашестве («Не унижай себя. Стыдися торговать» и т. д.). В стихотворении «Mélomène» Барбье возмущается тем, что искусство превращено в калеку, «показывающего прохожим свои кровоточащие обрубки и постыдные язвы, разъедающие его тело».

Три пальмы (стр. 46).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 65—70 (с датой — «1839»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. V, № 8, стр. 168—170.

Автограф не найден.

На связь этого стихотворения с «Подражаниями Корану» (№ 9) Пушкина указал еще Н. Ф. Сумцов («А. С. Пушкин», Харьков, 1900, стр. 164—174). «Три пальмы» начинают собою новую линию баллад (ср. дальше «Дары Терека» и «Спор»), построенных по принципу сюжетного пейзажа. Этот жанр возник у Лермонтова, вероятно, не без влияния баллад В. Гюго («Les Orientales»).

Молитва. «В минуту жизни трудную» (стр. 49).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 71—72 (с датой — «1839»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. VI, № 11, стр. 272.

Автограф не найден.

А. О. Смирнова-Россет цитирует это стихотворение в своей автобиографии (неточно) и вспоминает: «Он [Лермонтов] ухаживал за вдовой Щербатовой... Она доброе существо, но глупая, некультурная и не очень красивая... Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи» («Автобиография», изд. «Мир», 1931, стр. 247). О Марии Алексеевне Щербатовой см. комментарии к стихотворению «На светские цепи».

С. Шевырев писал о «Молитве», что ее «как будто написал сам Жуковский» («Москвитянин», 1841, ч. II, стр. 530).

Дары Терека (стр. 50).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 73—77 (с датой — «1839»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. VII, № 12, стр. 1—3.

Автограф не найден.

«Дары Терека» (как и позднейший «Спор») — кавказская баллада — жанр, который явился у Лермонтова на смену его кавказским поэмам. В «Дарах Терека» он пользуется местным фольклором. Н. Мендельсон в статье «Народные мотивы в поэзии Лермонтова» («Венок Лермонтову», М., 1914, стр. 194—195) приводит песню гребенских казаков, записанную А. И. Соболевским («Великорусские народные песни», т. VI, № 373):

Ой ты, батюшка, наш батюшка,
Быстрый Терек ты Горынич!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая!
Ты прорыл-прокопал горы крутые,
Леса темные;
Ты упал, Терек Горынич, во синее морэ,
Во Каспийское;
И на устье ты выкатил бел горячий камень.

Тут и шли, прошли гребенские казаки со батальицы,
 Что с той-то батальицы со турецкой;
 Не дошедши они до белого камушка, становилися;
 Становилися они, дуван дуванили.
 Что на каждого доставалось по пятьсот рублей,
 Атаманушке с есаулами по тысяче;
 Одного-то доброго молодца обдувалили:
 Доставалось ему, добру молодцу, красная девида,
 Как убор-то, прибор на красной девице — во
 пятьсот рублей,

Русая коса — во всю тысячу,
 А самой-то красной девице — цены нетути.

Л. П. Семенов («Лермонтов и Л. Толстой», М., 1914, стр. 425) сравнил описание костюма кабардинца с аналогичным описанием в песнях гребенских казаков, собранных Р. С. Панкратовым («Гребенцы в песнях», 1895, стр. 58):

Надевали издены князья
 Панцыри трехколечные
 С налокотниками позлащенными.

Что касается литературных источников баллады, то в ней находят следы влияния Бенедиктова («Ореллана») и В. Гюго («Разгневанный Дунай» в сборнике «Les Orientales», 1829).

Стихотворение «Дары Терека» вызвало восторженный отзыв Белинского. В письме к В. Боткину от 9 февраля 1840 г. он пишет: «Итак о Лермонтове. Каков его «Терек»? Чорт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника!» («Письма», П., стр. 31). В статье о стихотворениях Лермонтова Белинский отзывается о «Дарах Терека» тоже с большой похвалой, но отмечает недостаток, по его мнению, вообще свойственный поэзии Лермонтова: «иногда неясность образов и неточность в выражении».

Памяти А. И. Одоевского (стр. 53).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 79—84 (с датой — «1839»), под заглавием: «Памяти А. И. О—го»).

Впервые — «Отеч. записки», 1839, т. VII, № 12, стр. 209—210.

Черновой автограф — в тетради Чертковской библиотеки, л. 53.

Варианты автографа.

3. — — <мы>

4. — — — годы

5. В прошедшее умчались, как дым

9. — — а) он унес волшебный рой

б) взял он <смутный> темный рой

10. Рассеянных, незрелых вдохновений
11. — — и сожалений
17. — а) сохранил
 б) цвет души
19. а) Он цвет души... его живой рассказ
 б) Он сохранил святой огонь
20. а) Глубокий ум, лазурный пламень глаз
 б) <Живой рассказ>
21. Мужины детский смех и ум и чувство
22. а) Все в памяти моей теперь так живо
 б) И веру теплую

После ст. 22:

- а) И не был он ни злом ожесточен
 Ни избалован нежностью излишней
- б) <Он умер> Он жил [нрзб.] чуждый
- в) Но он погиб без пользы в цвете дней...
- г) Он был мне друг: уж нет таких друзей.
23. Как призрак он промчался среди людей
- 25—26. Пусть спит оно в земле чужих полей
 Не тронута никем, как дружба наша
28. — — — немногие
30. Блуждала верно
31. — — а) закрыл ты
 б) сомкнул ты
34. — — — — — земле
35. — — покинутого
38. — а) скажет мне!
 б) знает? И твоих последних слов
40. <До нас не> <Сюда не долетел>. Потеряно... и
 жизнь твою, <мученья> и мненья
45. — — них на свете
46. — — — поэта
48. — — открыл вниманью
49. а) Прощай, мой друг!.. ты светом позабыт
 б) Что за нужда!.. тебя забудет свет
51. На что тебе надменное вниманье
53. — — — — — первых
55. — — — — — и выси гор и степи

После ст. 55:

- Ничем [нрзб.] наследник благодарный
56. — — — лесные высоты
57. — — — — безымянной
60. <Кругом тебя>
62. а) И над тобой обвал грозящий дремлет
 б) Над морем он склонялся тихо »
 в) » » » могучий » »

В ст. 16 берем по автографу «и бог не спас», считая печатное «и рок не спас» цензурной заменой.

С поэтом-декабристом Александром Ивановичем Одоевским (1808—1839) Лермонтов встретился на Кавказе в 1837 г., во время своей ссылки за стихотворение на смерть Пушкина. (Биографические данные об Одоевском см. в «Полном собрании стихотворений и писем» А. И. Одоевского, «Academia», 1934.)

На всех, знавших его, Одоевский производил обаятельное впечатление. Декабрист А. Е. Розен, встретившийся с ним в 1837 г. в Тифлисе, пишет о нем: «Всегда беспечный, всегда довольный и веселый... он легко переносил свою участь; был самым приятным собеседником, заставлял он много смеяться других» («Записки декабриста», СПб, 1907, стр. 243—244). Другой декабрист, А. П. Беляев, пишет об Одоевском: «всегда или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный или живой, веселый, хохочущий до иступления» («Воспоминания декабриста», СПб, 1882, стр. 413). Особенно сильное впечатление произвел Одоевский на поэта Н. П. Огарева: «Одоевский был, без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе. Лермонтов писал его с натуры. Да, этот

блеск лазурных глаз,

И звонкий детский смех, и речь живую

не забудет никто из знавших его. В этих глазах выражалось спокойствие духа, скорбь не о своих страданиях, а о страданиях человека, в них выражалось милосердие». О стихах Одоевского Огарев пишет: «Он сочинял их наизуст и читал их наизуст людям близким. В голосе его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться... У меня в памяти осталась музыка его голоса и только. Мне кажется, я сделал преступление, ничего не записывая, хотя бы тайно» («Полярная звезда» 1861 г., VI, стр. 348—349). Интересно замечание А. П. Беляева: «Если бы собраны были и явлены свету его многие тысячи стихов, то литература наша отвела бы ему место рядом с Пушкиным, Лермонтовым и другими первоклассными поэтами».

Лермонтов интересовался Одоевским и его стихами, видимо, еще до встречи с ним на Кавказе. К 1830 г. относится стихотворение Лермонтова, в котором он говорит, может быть, о печальной судьбе Одоевского: «Когда твой друг с пророческой тоскою» («K***»). Там есть строки:

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; — но меж людей
Он не годился — и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней.

Возможно, что это написано под впечатлением стихотворения Одоевского «Элегия» (В. И. Ланской), напечатанного в «Литературной газете», 1830, № 52. Там есть места, которые, повидимому, использовал Лермонтов:

Кто был рожден для вдохновенный
И мир в себе очаровал.

Или:

Как званный гость или случайный,
Пришел он в этот чуждый мир,
Где скудно сердца наслаждение
И скорби с радостью смешенье
Томит, как похоронный пир.

Интересно, что в 1832 г. Лермонтов снова возвращается к прежней теме:

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновенный мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас! —

От этого стихотворения нити идут прямо к «Памяти А. И. Одоевского», где приведенные строки повторены почти без изменений.

Наконец, в поэме «Сашка» есть строки, которые почти не отличаются от строк «Памяти»: ср. строфы 3, 4 и 5 «Памяти» со строфами III, IV, CXXXVI и CXXXVII «Сашки». Строфы III—IV «Сашки» никак не могут относиться к А. И. Одоевскому (речь идет о герое поэмы, совершенно не похожем на Одоевского), но строфы CXXXVI—CXXXVII относятся, повидимому, именно к нему, особенно следующее:

И мир твоим костям! Они сгниют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессменный.
Но что же делать? — Жди, авось придут,
Быть может, кто-нибудь из прежних братьев.
Как знать? — земля до молодых объятий
Охотника... Ответствуй мне, певец,
Куда умчался ты? .. Какой венец
На голове твоей? И все ль, как прежде,
Ты любишь нас и веруешь надежде?

Если в этих строках речь идет о смерти А. И. Одоевского (а это почти несомненно, судя по обращению «певец» и по последней строке), то подтверждается датировка «Сашки» 1839 годом

(см. комментарий в томе III). Возможно даже, что это место поэмы написано позже — в 1840 г. На эту мысль наводят дальнейшие строки:

И вы, вы все, которым столько раз
Я подносил приятельскую чашу, —
Какая буря вдаль умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один.

О ком говорит здесь Лермонтов — неясно. Но есть основание думать, что речь идет о членах «кружка шестнадцати» (см. комментарий к «Думе»).

Можно думать, что строфы СXXXVI—СXXXVII «Сашки» написаны после стихотворения «Памяти», а строфы III—IV — раньше. Таким образом стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» является своеобразным сплавом других произведений Лермонтова. Укажем еще, что образ вечерних облаков, бесследно уносящихся вместе с ветром (ср. в «Сашке»), навел Лермонтова «Элегией» Одоевского, которая цитировалась выше. Начало ее следующее:

Что вы печальны, дети снов,
Бесцветной жизни привиденья?
Как хороводы облаков,
С небес, по воле дуновенья,
Летят и тают в вышине,
Следов нигде не оставляя, —
Равно в подоблачной стране
Неслись вы!..

«Памяти А. И. Одоевского» написано, очевидно, осенью 1839 г. в Петербурге («к полям родным вернулся я, и время испытанья промчалось законной чередой»), по получении известия о смерти Одоевского. Лермонтов расстался с ним в конце 1837 г., когда получил разрешение вернуться в Россию. На Кавказе Лермонтов познакомился со всеми поселившимися там декабристами (Н. И. Лорером, М. А. Назимовым, М. М. Нарышкиным, А. Е. Розеном, С. И. Кривдовым, В. М. Голидыным, В. Н. Лихаревым), но особенно подружился с Одоевским. С остальными декабристами (кроме Лихарева, с которым он подружился во время второй ссылки, в 1840 г., и вместе с которым участвовал в Валерикском сражении) Лермонтов не сошелся. П. Висковатов передает слова М. А. Назимова, сказанные ему в 1880 г.: «Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь через 40 лет разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-

то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крылах. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделялся шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серпозная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли — да впрочем и молод же он был еще!» («М. Ю. Лермонтов», стр. 303—304).

«На буйном пиршестве» (стр. 56).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 54.

Впервые — «Современник», 1854, № 1 (две строфы под заглавием «Отрывок»), и 1857, № 10 (под заглавием «Казот»).

Варианты автографа.

1. — шумном

6. — — — наполненных вином

Материалом для этого неоконченного стихотворения послужила литературная мистификация французского писателя Лагарпа (Jean-François Laharpe, 1739—1803) — «Пророчество Казота» («La prophétie de Casotte»). Лагарп описывает вечер в избранном кругу за шесть лет до Великой французской революции; на этом вечере Казот точно предсказывает дату революции и судьбу всех присутствующих, — в том числе и свою собственную.

Казот (1720—1792) был известен как автор романа «Влюбленный дьявол» («Le diable amoureux»), построенного на материале средневековых каббалистических легенд и фаблю. Во время революции Казот оставался убежденным роялистом и принимал участие в выработке плана бегства короля. В 1792 г. он был гильотинирован.

В 1829 г. Лагарповское «Предсказание Казота» было переведено на русский язык и напечатано в сборнике «Некоторые любопытные приключения и сны из древних и новых времен», М. (1829), под заглавием «Достопримечательный случай, описанный известным литератором Лагарпом» (стр. 222—236).

Возможно, что Лермонтов тогда же прочитал эту книгу и под ее впечатлением написал такие стихотворения, как «Предсказание» («Настанет год, России черный год»), «Настанет день и миром осужденный», «Когда твой друг с пророческой тоскою».

Тема предвидения своей гибели интересовала Лермонтова до конца его жизни (ср. «Сон», «Фаталист»).

Л. П. Семенов (см. его книгу «М. Ю. Лермонтов», М., 1915, стр. 270—271) указывает стихотворение Гальде «Вещие слова», напечатанное в «Голосе Москвы», 1911, № 297, судя по дате (столетие со дня рождения Лермонтова), написанное как окончание Лермонтовского.

[К Э. К. Мусиной-Пушкиной] (стр. 57).

Печатается по автографу в тетради Чертковской библиотеки, л. 54.

Впервые — «Русский вестник», 1860, № 8, стр. 387.

Стихотворение обращено к графине Эмили Карловне Мусиной-Пушкиной (1810—1846), дочери Выборгского губернатора Карла-Иоганна Шерваль.

«Как часто, пестрою толпою окружен» (стр. 58).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 85—88 (с датой перед стихотворением — «1-е января» и после — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. VIII, № 1, стр. 140.

Автограф не найден.

Под новый, 1840, год Лермонтов был на маскарадном балу в Благородном собрании. За несколько дней до этого И. С. Тургенев, впервые увидев Лермонтова на одном из светских вечеров, был поражен его мрачностью: «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое... Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втокнула судьба» («Литературные и житейские воспоминания»). На новогоднем балу Тургенев увидел Лермонтова вторично: «ему не давали покоя, бесперестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска смеялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же показалось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.

И скушно и грустно (стр. 60).

Печатается по автографу в тетради Рачинского, л. 66, хранящейся в Центральном архиве (Москва).

Впервые — «Литературная газета», 1840, № 6 (20 января), стр. 133. Перепечатано в «Стихотворениях», 1840, стр. 109—110 (с датой — «1840»).

Автограф черновой, но окончательный его текст совершенно совпадает с печатным за исключением одного слова в ст. 8:

в печатном — «там», вместо рукописного «так»; считаем это не вариантом, а ошибкой, и оставляем по автографу.

Варианты автографа. »

5. — — — — любить на минуту
8. А сердце, и мысли
9. А
12. — — а) сухая и глупая
 б) тяжелая

Это стихотворение и по теме и по интонации явилось образчиком нового жанра интимной исповеди, нарушающего каноны старой «высокой» лирики. Прежняя классическая элегия, условная и напевная, здесь снижена до интимной разговорности. Для стихотворения характерны «низкая», разговорно-меланхолическая интонация, совершенно прозаические обороты и речения («не стоит труда», «и жизнь, как посмотришь»).

В стихотворении ярко выразилось чувство одиночества, которое Лермонтов особенно резко почувствовал именно в 1840 г. (Ср. стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен».)

Казачья колыбельная песня (стр. 61).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 89—92 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. VIII, № 2, стр. 245—246. Автограф не найден.

Стихотворение относится к числу произведений Лермонтова, основанных на фольклорном материале. Жанр колыбельной песни неоднократно привлекал его внимание. Работая в 1830 г. над замыслом трагедии «Мстислав Черный» (из древнерусской жизни), он предполагал ввести в нее, в качестве колыбельной, народную песню «Что в поле за пыль пылит» (из сборников Киреевского и Сахарова). В балладе 1830 г. «В избушке поздною порою» (относящейся к той же трагедии) мать укачивает ребенка и поет ему про отца:

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар
.....
Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей и т. д.

По стилю это стихотворение не имеет ничего общего с фольклором, но сюжетная ситуация навевна, несомненно, народными песнями.

Известно, что Лермонтов интересовался не только русским, но и кавказским фольклором — местными легендами, преданиями, песнями. Следы этого есть в «Демоне», «Тамаре», «Дарах Терека» и др. (см. в книге Л. П. Семенова, «Лермонтов и Л. Толстой», М., 1914).

По поводу «Казачьей колыбельной песни» имеются рассказы, основанные на свидетельствах очевидцев. Передают, будто Лермонтов, возвращаясь из Чечни (после сражения при Валуевке), остановился в станции Червленной. В доме, где он остановился, казачка пела над колыбелью ребенка. Вдохновленный ее песнями, Лермонтов тут же на клочке бумаги написал карандашом свою «Казачью колыбельную песню».

Кроме казачьего фольклора Лермонтов пользовался здесь и литературным материалом. Образ матери-казачки, провожающей сына на войну, был подготовлен Гоголем (в «Тарасе Бульбе» и в «Страшной мести»). С. Шевырев указал на близость песни Лермонтова к «Песне над колыбелью ребенка вождя» («Lullaby of an infant chief») Вальтер-Скотта («Москвитянин» 1841 г., ч. II, № 4, стр. 534). «Злой чечен», переплывающий Терек, восходит к «Кавказскому пленнику» Пушкина.

Ни одно стихотворение Лермонтова (кроме «Думы») не вызвало такого количества отголосков, подражаний, отзвуков и пародий, как «Казачья колыбельная песня». Укажем стихотворения Огарева («Младенец»), Плещеева («В бурю»), Голенищева-Кутузова («Безвозвратный путь»). Особенно велико число пародий; известна «Колыбельная песня» Некрасова («Спи, постел, пока безвредный»); укажем еще «Песню русской няньки у постели барского ребенка» Огарева, «Колыбельную песню» П. Вейнберга (Гейне из Тамбова — «Искра», 1862, № 32, стр. 425).

Белинский в письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г. спрашивал его: «Что ты, Боткин, не скажешь мне ничего о его «Колыбельной казачьей песне»? Ведь чудо!» («Письма», II, стр. 110).

[М. А. Щербатовой] (стр. 63).

Печатается по автографу (на отдельном листке), хранящемуся в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (Москва). Копия — в тетр. 15, л. 9 об.

Впервые — «Отеч. записки», 1842, т. XX, № 1, стр. 126.

Ст. 2 читается в копии: «На блеск упойтельный бала» (так и в тексте «Отечественных записок»). Так как копия не авторизована, считаем это разночтение ошибкой переписчика и берем по автографу.

Варианты автографа.

- 5—8. Но жаркого юга
Знакомые чувству приметы
Ни снежная вьюга
Не смое, ни хладные леты
8. И чувства мертвящего света
13. Таинственно сини
16. Безжалостно

21. <И свято внимая>
 26. — мира
 28. — — грусть
 29. — хитрого
 30. Любовь в ней не вспыхнет пожаром

М. И. Семевский записал со слов Е. А. Сушковой: «Прелестное стихотворение «На светские цепи» написано княгине Марии Алексеевне Щербатовой, рожденной Штерич, красавице и весьма образованной женщине; впоследствии княгиня Мария Алексеевна вышла замуж за генерал-адъютанта Ф. С. Лутковского» (Записки Е. А. Сушковой, «Academia», 1928, стр. 225). Этот рассказ подтверждается свидетельством А. П. Шан-Гирея: «Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса: «На светские цепи»). Мне ни разу не случалось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де-Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Неможко слишком явное предпочтение, оказанное на базе счастливому сопернику, взорвало Баранта, он подошел к Лермонтову и сказал запальчиво: «Vous profitez trop, monsieur, de ce que nous sommes dans un pays où le duel est défendu» — «Qu'à ça ne tienne, monsieur, — отвечал тот, — je me mets entièrement à votre disposition»,¹ и на завтра назначена была встреча; это случилось в среду на масленице 1840 года» (там же, стр. 389. Ср. Н. М. Смирнов, «Памятные заметки» в «Русском архиве» 1882 г., № 2, стр. 239). Щербатовой посвящено также стихотворение «В минуту жизни трудную» (см. комментарий).

Товарищ Лермонтова А. М. Меринский сообщает в письме к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 г. (ИРЛИ, тетрадь Ефремова): «Молодежь того времени повторяла несколько забавных экспромтов Лермонтова, — приведу один, который остался у меня в памяти... Его сказал Лермонтов по поводу ухаживания за княгиней Щ. молодого Баранта, сына французского посланника, с которым, впоследствии, он из-за этой дамы имел дуэль. Позднее он был к ней равнодушен, к ней же относится стихотворение «На светские цепи». Как увидите противоречие большое с экспромтом... Надо прибавить, что дама эта была очень мила и красива, но имела довольно полное лицо и округлый стан.

Экспромт.

Ах, как мила моя княгиня!
 За ней волочится француз;
 У нее лицо как дыня,
 Зато ж... — как арбуз».

¹ «Вы слишком пользуетесь тем, что мы в стране, где дуэль воспрещена». — «Это не имеет значения, я весь к вашим услугам».

И. Н. Розанов в статье «Отзвуки Лермонтова» в сборнике «Венок Лермонтову» (М., 1914, стр. 263—264) отмечает влияние стихотворения «На светские цепи» на ранние стихи Фета («Как мошки зарею», «Как отрок зарею», «Где север — я знаю»).

Известна пародия Б. Алмазова (Эраста Благодрава) «Половой» («Сочинения», 1894, т. II, стр. 339; ср. сборник «Мнимая поэзия» под ред. Ю. Н. Тынянова, «Academia», 1931, стр. 386—389).

«Есть речи — значенье» (стр. 65).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XIV, № 1, стр. 2, где появилось впервые.

Беловой автограф — в тетр. 15, л. 19.

Написано во время сиденья под арестом за дуэль с Барантом (см. комментарий к предыдущему стихотворению).

Уже после смерти Лермонтова в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1846 г., II, стр. 168) появилась другая редакция этого стихотворения, под заглавием «Волшебные звуки»:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...
Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божьим светом
Душа озарится.
Средь шума мирскова
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Надежды в них дышут,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает.
Лишь сердца роднова
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,

Душа их с молением
Как ангела встретит
И долгим биемьем
Им сердце ответит.

(См. «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, Л., 1928, стр. 218; П. Висковатов — «М. Ю. Лермонтов», М., 1891, стр. 372.)

Соседка (стр. 66):

Печатается по автографу в тетр. 15, л. 18 (отдельный лист).
Впервые — «Отеч. записки», 1842, т. XX, № 2, стр. 127—128.

Варианты автографа.

1. а) Я в тюрьме и мечтаю о воле
- б) Кто в тюрьме не мечтает о воле?
- в) Кто в тюрьме не тоскует о воле?
- г) Кабы крылья имел я как птицы
2. Сердце бьется и просится в поле
3. Но
4. А
5. Душно стало бы мне в этой клетке
12. — — плохую
20. — спустилася.

После ст. 20:

- Я своей не позволил бы дочке
У окна так садиться в сорочке
22. Но
 23. а) На далекое небо глядя
 - б) — горькую
 24. И все видно
 - 29—32. У отда ты украдь мне ключи,
Часовых разойтись подучи.
А для тех, что у двери стоят,
Я сберег наточенный булат.

Это стихотворение (как и предыдущее) написано во время сидения под арестом за дуэль с де-Барантом — см. комментарий к стихотворению [М. А. Щербатовой]. Традиционный тюремно-любовный мотив (ср. у А. Шенье «La jeune captive») осложнен здесь бытовыми подробностями.

«Соседка» отличается от других «тюремных» стихотворений Лермонтова разговорной непринужденностью тона, характерной для его лирики 1840 г. (ср. «Завещание», «И скушно и грустно», «Я к вам пишу»). Переход от лирической напряженности к интимному тону и «тишине» сформулирован самим Лермонтовым в стихотворении, написанном в альбом С. Н. Карамзиной («Лю-

бил и я в былые годы»). Но кроме разговорности в «Соседке» есть фольклорная окраска, связывающая стихотворение с жанром тюремных и разбойничьих песен. Это сказывается и в языковых формах (сравнительные формы «потемнея» и «похмельнея»). Стихотворение стало очень популярным в тюремно-воровском песенном репертуаре.

Пленный рыцарь (стр. 68).

Печатается по копии в тетр. 15, л. 17.

Впервые — «Отеч. записки», 1841, т. XVII, № 8, стр. 268.

Автограф не найден.

Написано во время сидения под арестом за дуэль с де-Барантом в марте 1840 г. Среди «тюремных» стихотворений Лермонтова (ср. «Узник» и «Сосед» 1837 г. и «Соседка» 1840 г.) «Пленный рыцарь» занимает особое место — как лирическая баллада, построенная на сравнении темницы с облачением средневекового рыцаря (панцырь, шлем, забрало, щит), а времени — с конем. Первая строка напоминает начало Пушкинского «Узника» («Сижу за решеткой в темнице сырой»).

Журналист, писатель и читатель (стр. 70).

Печатается по автографу в тетр. 15, лл. 10—11 об.

Впервые — «Стихотворения» 1840 г., стр. 93—102 (с датой—«1840»).

На автографе отметка: «Печатать дозволяется, С.-Петербург, 19 марта 1859 года. Цензор И. Гончаров».

Перевод эпиграфа: «Поэты подобны медведям, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. *Неизданное*».

Стихотворение написано во время сидения под арестом за дуэль с Эрнестом де-Барантом (18 февраля 1840 г.).

Когда слух об этой дуэли дошел до высоких сфер, Лермонтов был предан военному суду с содержанием под арестом. Как вспоминает А. И. Шан-Гирей, он пробыл недели две в третьем этаже Ордонавсгауза (на углу прежней Садовой и Инженерной), а затем был переведен на арсенальную гауптвахту (на Литейном). В Ордонавсгаузе Белинский посетил Лермонтова, о чем писал В. П. Боткину 16 апреля 1840 г.: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!.. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог». Панаев вспоминает, как Белинский рассказывал ему о своем свидании с Лермонтовым: «Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!.. Вы знаете мою светскость и ловкость: я взмог к нему и скон-

фузился, по обыкновению. Думаю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его женировать, он меня... Что еще связывает нас нейного, — так это любовь к искусству, но он не подается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер-Скотте... «Я не люблю Вальтер-Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нем мало поэзии. Он сух». И он начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть... Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак. Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хоть на минуту быть самим собою, — я уверен в этом... («Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 221—222).

«Журналист, читатель и писатель» (являясь своего рода развитием Пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом») отражает, повидимому, всю серию бесед, которые Лермонтов вел за это время — с Панаевым, с А. П. Шан-Гиреем и с Белинским. Весьма вероятно, что главным поводом к написанию «Разговора» послужило именно посещение Белинского — человека из профессионально-журнального мира, от которого Лермонтов, несмотря на участие в «Отчественных записках», упорно держался в стороне. Некоторые слова Журналиста являются, повидимому, прямыми цитатами из признаний Белинского:

Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги;
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги...
И всё зачем? — чтоб вам сказать,
Что их ненадобно читать!..

Заключительные строки «Разговора» подчеркивают отказ Лермонтова от общественной роли, на которую, вероятно, его толкал Белинский:

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?

.....

О нет! — преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

«Разговоры» поэта с книгопродавцем, журналистом, читателем и т. д. — особый жанр авторской «исповеди», возникший вместе с развитием буржуазной культуры и проблемой положения в ней искусства и поэта. У Гёте, Байрона, Гейне имеются первые образцы этого жанра. Он держится на протяжении всего XIX века. Ироническое использование этого жанра было сделано В. Маяковским в стихотворении «Разговор с фин-инспектором о поэзии».

[М. П. Соломирской] (стр. 76).

Печатается по «Отеч. запискам» 1842 г., т. XXIV, № 10, стр. 320, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Считалось, что это стихотворение обращено к Марье Павловне Соломирской, жене начальника Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку, П. Д. Соломирского. Однако стихотворение (как это давно указано Л. Майковым) обращено к другой Соломирской — Марье Петровне, жене брата П. Д. Соломирского, Владимира Дмитриевича.

Судя по тексту, стихотворение было написано Лермонтовым по выходе из тюрьмы («Мне стал тогда»), — вероятно в альбом. Поэтому мы помещаем его вслед за тюремным диклом.

Воздушный корабль (стр. 77).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 103—107 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. X, № 5, стр. 1—3.

Автограф не найден.

Увлечение Наполеоном, характерное для русской поэзии 20-х и 30-х годов, сказывается у Лермонтова с первых лет его творчества. Тема Наполеона дана в стихотворениях: «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...») (1829), «Наполеон (Дума)» (1830), «Эпитафия Наполеона» (1830), «Не говори: одним высоким...» (1830), «Святая Елена» (1831), «Последнее новоселье» (1840). Оба юношеские стихотворения, озаглавленные «Наполеон», построены на появлении тени Наполеона у его могилы на острове св. Елены. Эти ранние стихотворения показывают, что тема «Воздушного корабля», найденная у Цедлида, намечалась уже в юношеских опытах Лермонтова.

«Воздушный корабль» — подражание балладе Цедлида «Das Geisterschiff», Лермонтов сильно расходится с Цедлидом в последних восьми строках своего стихотворения, но и первые

10 строф, сохраняющие, в общем, близость к оригиналу, далеки от того, чтобы быть переводом, так как каждый из образов Цедлида (несущийся по морю безлюдный корабль, остров, могила, явление императора, его отъезд на корабле во Францию) Лермонтов разработывает самостоятельно, свободно комбинируя строфы оригинала и сильно сжимая описания.

Th. Fröberg («Lermontow als Übersetzer deutscher Gedichte», — «Berichte der St. Katharinen Schule», SPB, стр. 53) заметил, что оба стихотворения имеют то же число стихов (72), но это, несомненно, случайное совпадение, так как первые 40 стихов Лермонтова соответствуют 60 стихам Цедлида, а дальше параллелизм совершенно нарушен. Большой сжатости Лермонтовского стихотворения соответствует более короткая строфа — четырехстрочная вместо восьмистрочной Цедлида.

Особенно сильно расхождение Лермонтова с Цедлидом во второй части стихотворения. У Цедлида император сходит с корабля, но не зовет своих маршалов, солдат и сына, как у Лермонтова, а ищет свои города и не находит их, ищет народы, подвластные его империи, ищет свой разрушенный трон, ищет сына, но сыну «не оставили даже имени, которое он ему дал». Стихотворение кончается большой тирадой Наполеона. Возвращения у Цедлида нет.

По словам немецкого исследователя «Das Geisterschiff» Цедлида «представляет чистейший тип жуткой романтики приведенный» (P. Holzhausen, «Napoleons Tod im Spiegel der zeitgenössischen Presse und Dichtung», Fr. a M., 1902, стр. 87). Лермонтов отходит от традиции «кладбищенской баллады». В балладе Цедлида действует труп, оживающий раз в год; у Лермонтова — скорее тень, образ Наполеона, чем его труп. (Ср. в юношеском стихотворении «Наполеон».) В этом Лермонтов следует Жуковскому, который в своем переводе «Ночного смотра» Цедлида (1836) опустил все «трупные» детали, вроде «рук без мяса» у барабанщика, и выпустил строфу, где «белые черепа скалят зубы из-под шлемов, костлявые руки поднимают вверх длинные мечи».

Стихотворение Лермонтова гораздо менее «призрачно», чем «Geisterschiff». Там кораблем управляют призраки, у Лермонтова на корабле никого нет, — он идет как бы сам собой. Самый корабль у Лермонтова описан гораздо более реальным и материальным: этот военный корабль с *чуждыми* пушками даже не вяжется с навеянным немецким оригиналом заглавием «Воздушный корабль».

В комментарии к академическому изданию Лермонтова (т. II, стр. 486) сказано, что «Воздушный корабль» «представляет свободное подражание балладам Цедлида «Die nächtliche Heerschau» и «Das Geisterschiff». Относительно первой баллады это неверно. Самое большее, что можно допустить, — это ее влияние на одну

строфу «Воздушного корабля», да и то скорее не самой баллады, а перевода Жуковского. Именно, 12-я строфа стихотворения Лермонтова, не имеющая никаких аналогий в «Geisterschiff», близка к следующим стихам «Ночного смотра»:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

Интересно, что появление «Воздушного корабля» в печати в майской книжке «Отеч. записок» 1840 г. совпало с постановлением французского правительства о перенесении праха Наполеона с острова св. Елены в Париж (решение короля было объявлено в палате депутатов 12 мая нов. ст. 1840 г.). Возможно, что известия о готовящемся решении в свое время дошли в Россию, и Лермонтов написал «Воздушный корабль» под впечатлением этих слухов (ср. «Последнее новоселье», написанное уже после перенесения).

Отчего (стр. 80).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 115—116 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. X, № 6, стр. 280.

Автограф не найден.

Возможно, что стихотворение обращено к М. А. Щербатовой, которой посвящено стихотворение «На светские цепи» (стр. 63).

Благодарность (стр. 81).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 117—118 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. X, № 6, стр. 280.

Автографы — в тетр. 15, л. 12, и в Историческом музее (Москва).

Повидимому, стихотворение написано в промежуток между освобождением из-под ареста и отъездом на Кавказ, т. е. в конце апреля или в начале мая 1840 г.

Из Гёте (стр. 82).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 119—120 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. XI, № 7, стр. 1.

Автограф не найден.

Это — вольный перевод Гётевского «Ueber allen Gipfeln ist Ruh». А. Н. Струговщиков вспоминает: «В конце ноября 1840 г., когда он, В. А. Соллогуб, заканчивал свою «Аптекарьшу», я встре-

тился у него с Лермонтовым и на вопрос его: не перевел ли я «Молитву путника» Гёте? я отвечал, что с первой половиной сладил, а со второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. «А я, напротив, мог только вторую половину перевести», сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины» («Русская старина» 1874 г., № 4, стр. 712). Говоря о первой и второй половине, Струговщиков имеет в виду, очевидно, два стихотворения Гёте: «Wandrer's Nachtlied» («Der du von dem Himmel bist») и «Ein Gleiches» («Ueber allen Gipfeln»).

Дата Струговщикова, очевидно, неверна: стихотворение Лермонтова было напечатано в июле 1840 г.

Приводим немецкий текст:

Ueber allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Ребенку (стр. 83).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 111—114 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. XII, № 9, стр. 1—2.

Автограф — в архиве М. И. Семевского (ИРЛИ).

П. А. Висковатов предполагает, что стихотворение навеяно встречей с дочерью В. А. Лопухиной-Бахметевой: «Он долго ласкал ребенка, потом горько заплакал и вышел в другую комнату. Его, очевидно, мучило раскаянье за те горести, которые он причинил матери из-за своего невоздержного языка, из-за желаний в сочинениях своих язвить Бахметева. Видеть любимую, страдающую женщину ему было заказано. Старые годы счастья и надежд, потом годы черствого отношения к дорогому существу, а затем годы печали и безнадежной привязанности вставали перед ним. Все это выражено в прекрасном стихотворении: «Ребенку»» («М. Ю. Лермонтов», стр. 291).

А. О. Смирновой (стр. 85).

Печатается по «Отеч. запискам» 1840 г., т. XII, № 10, стр. 229, где появилось впервые.

В альбоме А. О. Смирновой (ИРЛИ, Онегинское собрание, шифр 244/427, л. 3 об.) имеется автограф этого стихотворения в другой, более пространной редакции:

В простосердечии невежды
Короче знать я вас желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу.
Но, молча, вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? — речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

В «Библиографических записках» 1858 г., № 6 (со ссылкой на автограф, принадлежащий М. П. Полуденскому) — другой текст второй части (ст. 9—12):

Стесняю робостью детской,
Нет, не впишу я ничего
В альбоме жизни вашей светской —
Ни даже имя своего.
Мое враньё так неискусно,
Что им тревожить вас грешно....
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!

Александра Осиповна Россет, по мужу Смирнова (1809—1882), познакомилась с Лермонтовым в 1840 г. Она была близкой приятельницей и постоянной собеседницей Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, Хомякова и др.

В своей автобиографии А. О. Смирнова пишет:

«Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике, в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи» («Автобиография», изд. «Мир», 1931, стр. 213).

Подробная биография А. Смирновой написана Л. Крестовой (см. в книге «А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма». Федерация, М., 1929, — там же библиография).

К портрету (стр. 86).

Печатается по беловому автографу, хранящемуся в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (коллекция автографов Н. И. Тютчева). Другой беловой автограф — в собрании автографов Прусской государственной библиотеки (Берлин), в портфелях К. А. Фарнгагена фон Энзе, с пометой: «von Paulina Bülbün» (см. И. А. Шляцкин, Берлинские

Копия. Откуда неясно

Как мант заахы Дербен. 46
Намудра каа Султанка и фарис.
~~Варданака и нах Дербен и стана на~~
Талаа воборона каа сеоба,
Дербен.

6. *Junco flammula*
 7. *Junco flammula*
 8. *Junco flammula*
 9. *Junco flammula*
 10. *Junco flammula*
 11. *Junco flammula*
 12. *Junco flammula*
 13. *Junco flammula*
 14. *Junco flammula*
 15. *Junco flammula*
 16. *Junco flammula*
 17. *Junco flammula*
 18. *Junco flammula*
 19. *Junco flammula*
 20. *Junco flammula*
 21. *Junco flammula*
 22. *Junco flammula*
 23. *Junco flammula*
 24. *Junco flammula*
 25. *Junco flammula*
 26. *Junco flammula*
 27. *Junco flammula*
 28. *Junco flammula*
 29. *Junco flammula*
 30. *Junco flammula*
 31. *Junco flammula*
 32. *Junco flammula*
 33. *Junco flammula*
 34. *Junco flammula*
 35. *Junco flammula*
 36. *Junco flammula*
 37. *Junco flammula*
 38. *Junco flammula*
 39. *Junco flammula*
 40. *Junco flammula*
 41. *Junco flammula*
 42. *Junco flammula*
 43. *Junco flammula*
 44. *Junco flammula*
 45. *Junco flammula*
 46. *Junco flammula*
 47. *Junco flammula*
 48. *Junco flammula*
 49. *Junco flammula*
 50. *Junco flammula*
 51. *Junco flammula*
 52. *Junco flammula*
 53. *Junco flammula*
 54. *Junco flammula*
 55. *Junco flammula*
 56. *Junco flammula*
 57. *Junco flammula*
 58. *Junco flammula*
 59. *Junco flammula*
 60. *Junco flammula*
 61. *Junco flammula*
 62. *Junco flammula*
 63. *Junco flammula*
 64. *Junco flammula*
 65. *Junco flammula*
 66. *Junco flammula*
 67. *Junco flammula*
 68. *Junco flammula*
 69. *Junco flammula*
 70. *Junco flammula*
 71. *Junco flammula*
 72. *Junco flammula*
 73. *Junco flammula*
 74. *Junco flammula*
 75. *Junco flammula*
 76. *Junco flammula*
 77. *Junco flammula*
 78. *Junco flammula*
 79. *Junco flammula*
 80. *Junco flammula*
 81. *Junco flammula*
 82. *Junco flammula*
 83. *Junco flammula*
 84. *Junco flammula*
 85. *Junco flammula*
 86. *Junco flammula*
 87. *Junco flammula*
 88. *Junco flammula*
 89. *Junco flammula*
 90. *Junco flammula*
 91. *Junco flammula*
 92. *Junco flammula*
 93. *Junco flammula*
 94. *Junco flammula*
 95. *Junco flammula*
 96. *Junco flammula*
 97. *Junco flammula*
 98. *Junco flammula*
 99. *Junco flammula*
 100. *Junco flammula*

~~и ели прабатко дико~~

1. Nașterea și măscarea a lui Barbă.

она у скобрити неогрѣта,

и орхидеи и улитки с кактусами.

напис. Любохъ мнѣ
о разсѣвѣ книгъ своихъ)

sayo en forma de
un libro.

неприменяет к роду и к роде...

2 В ^{первом} урне - хангун и сестра

2. To find a means near to ∞ .

² Но об этом он > в нем уверенный все,

Ито же въ ней приписано и логос.

конот не външно е,

Замечать не следует не возмужав.

Черновой автограф стихотворения «К портрету»

Гос. Литературный музей в Москве

материалы для истории русской литературы, «Русская старина» 1893 г., № 4, стр. 59).

Черновой автограф (с заглавием «Портрет. Светская женщина») в Централархив (Москва), в тетради С. А. Рачинского, л. 66 об.

Впервые напечатано в «Отеч. записках», 1840, т. XII, № 12, стр. 290.

Варианты чернового автографа.

- 3—4. а) Глаза говорят как слова
И <светят обманчивым>
блещут язвительным светом
б) Все дышит в ней жизнью и светом,
Глаза говорят как слова
в) Глаза говорят как слова
Слова ж ее <полны> дышат приветом
5. Любить ее долго нельзя
9—10. а) Лицо ее будто стекло
Не скроет ни радость, ни горе!..
б) Лицо отразит, как стекло,
По воле и радость и горе!...
11. В уме ее вечно светло
13. — дышит в ней истиной все

Кроме того цифрами указаны перестановки: ст. 6 перед ст. 5, ст. 12 перед ст. 11, ст. 14 перед ст. 13.

На беловом автографе — пометки В. Ф. Одоевского («Писано собственной рукою Лермонтова. К. В. Одоевский») и П. А. Вяземского («Это портрет графини Воронцовой. К. Вяземский»).

Стихотворение относится к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной (родилась в 1818 г.; вышла замуж за Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова 12 сентября 1834 г.; умерла в 1856 г. в Париже). Ее портрет, вызвавший стихотворное посвящение Лермонтова, был литографирован известным Грседедом в 1840 г. в Париже и уже в 70-х годах прошлого века был величайшей редкостью (см. М. Н. Лонгинов, «Русская старина» 1873 г., т. VII, стр. 391). Разыскать этой литографии нам не удалось; две другие позднейшие литографии описаны и воспроизведены в работе В. Я. Адарюкова и Н. А. Обольянинова, «Словарь русских литографированных портретов», М., 1916, стр. 188 (портреты работы Л. Вагнера 1843 г. и Видаля 1853 г., в восточном костюме у фонтана).

О Воронцовой-Дашковой и ее судьбе см.: А. В. Мещерский, «Воспоминания» («Русский архив», 1901, № 1, стр. 105—107), В. А. Соллогуб, «Воспоминания» (изд. «Academia», 1931), А. Панаева, «Воспоминания» (4-е изд. «Academia», 1933, стр. 371), Г. А. Бобров, «Из истории русской литературы XVIII—XIX

столетий. Два поэта о светской женщине» («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1907, т. XII, кн. 3, стр. 243—250).

Тучи (стр. 87).

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 167—168 (на последнем месте, с датой — «Апрель 1840»), где появилось впервые. Копия (не авторизованная, под заглавием «Тучки») в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (Москва).

Написано в апреле 1840 г. перед отъездом Лермонтова в ссылку на Кавказ, после дуэли с Барантом. В. А. Соллогуб рассказывал П. А. Висковатову в 1877 г., как стихотворение это было написано на квартире у Карамзиных у «Соляного городка», против Летнего сада, в доме Кушниковой (Висковатов, стр. 338).

«Тучи» частично пародированы Д. Минаевым в «Искре», 1862, № 15, стр. 218.

«Прощай, немытая Россия» (стр. 88).

Печатается по копии ИРЛИ (текст, сообщенный П. И. Бартевым в письме к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.).

Впервые — «Русская старина», 1887, № 12, стр. 738—739 (в статье П. А. Висковатова).

Автограф не найден.

Текст, сообщенный Бартевым, повидимому — самый авторитетный. Посылая его, Бартевен пишет: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника». В тексте «Русской старины» ст. 4 и 6 читаются иначе (явные искажения):

4. И ты, им преданный народ
6. Укроюсь от твоих вождей

В «Русском архиве» 1890 г., № 11, стр. 375, стихотворение появилось как «неизданное», хотя оно было напечатано не только в «Русской старине» 1887 г., но и в томе I «Сочинений» Лермонтова под ред. Висковатова (1889). Текст «Русского архива» испорчен еще сильнее, чем текст «Русской старины». Кроме искажения в ст. 4, ст. 5 и 6 читаются так:

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей

Стихотворение обычно датируется 1841 годом, но без всяких оснований. Так датировал его Висковатов, дав следующий комментарий: «Это стихотворение было написано Лермонтовым в досаде на некоторых недоброжелателей его, не допустивших добиться отставки. Во время хлопот о ней граф Бенкендорф приказал поэту оставить Петербург в 24 часа» («Сочинения

Лермонтова», т. I, стр. 331). Неясно, почему Висковатов связывает стихотворение именно с *этим* отъездом Лермонтова на Кавказ, а не с его предыдущим отъездом в 1840 г. Мы думаем, что стихотворение связано с обнаружением «Кружка шестнадцати» и высылкой всех членов этого кружка на Кавказ в 1840 г. (см. комментарий к стихотворению «Дума»).

«Я к вам пишу» (стр. 89).

Печатается по черновому автографу Публичной библиотеки им. Ленина.

Впервые — в альманахе «Утренняя заря» на 1843 г., стр. 66—77 (под заглавием «Валерик», придуманным издателями).

На листе с автографом — надпись карандашом: «Лермонтова. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа».

Варианты автографа.

1. — — — — не странно ль!
3. И кто мне дал на это
7. а) Притом вам это
б) И вам же это
8. Конечно, знать вам нету
10. Душой уж мы
13. И их как критик
17. Так долго пред самим собой
21. Где нынче ждать
24. Ну как же б вас забыть я мог
30. — а) напрасно много лет
б) тяжелых » »
в) напрасных » »
31. — в размышлении холодном
32. а) Топил напрасно
б) Убил я лучший
39. Одно, другое ль
40. — — — равно
42. — — — молча
53. Воображенью нет простора
56. — — — густою
61. Под тенью пушек
68. — — к авардам, в Дагестан
69. — мы
73. — — наш сидит
81. Порою выстрел а) раздается
б) мимо уха
89. а) А где такой-то капитан?
б) Что выучить? — Где же капитан?
93. Встанут сверкая батальоны

94. Цепь потянулась; казаки
95. Гремят
96. — — — проскакала
99. Вот
101. А там
106. А вот сейчас, вот
109. Вот близко... виден легкий дым
112. <Вперед — нам>
114. — — крови

Вместо ст. 117—118:

Как на балет столичной сцены
124. Лазурно-темный

После ст. 124:

И шли мы в тишине глубокой.

После ст. 125:

Чечня восстала вся кругом;
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы.¹ Слава богу
Выходит² из кустов обоз,
В цепи стрельба; <и> но началось
<Уж> И в арьергарде понемногу;
Вот жарче, жарче... крик! глядим
Уж тащат одного, — за ним
Других... и много... <и выносят>
ружья носят
И кличут громко лекарей!
Уж им не в мочь — подмоги просят;
<Да> А наших там порядком косят
<В кустах резня — скорей, скорей
Орудье>
«Сюда орудие — скорей,
Картечи.»... <пушку> — тихо развернулся
<Вот на поляне>
Меж тем в поляне весь отряд,
Кругом зеленый лес замкнулся;
Дымится весь. Свистят, жужжат
Над нами пули. — Перед нами
Овраг, река, — по берегам
Валежник, бревна здесь и там —
Но ни души — кусты ветвями
Сплелись — мы ближе подошли,
Орудий восемь навели;

¹ <На равнину> <На поляну>

² <наконец> <на поле>

Рисунок Лермонтова карандашом

*Титульный рисунок № 22.
Институт Литературы Академии Наук СССР*

На дерева,¹ в овраг, без цели,
 Гранаты глухо загудели
 И лопнули... ответа нет.
 Мы ближе... что за притча, право!
 Вот от ружья как будто свет,
 Вот кто-то выбежал направо...
 Мелькнул и скрылся враг лукавой.
 <Стоим>
 Мы² снова тронулись вперед...
 <Пославши>
 Послали выстрел им прощальный.
 И ружей вдруг из³ семисот
 Осыпал нас огонь батальный,
 И затрепало... по бокам,
 И⁴ впереди, и здесь, и там,
 а) Валятся наши вверх ногами...
 В штыки направо батальон,
 В штыки налево! с двух сторон!
 Не мешкать, братцы! молодцами;
 б) Валятся целыми рядами...
 Как птиц нас бьют со всех сторон.
 Второй и третий батальон
 В штыки, дружнее, молодцами

127. В Чечню а) сходились удалцы
 б) стекалась молодежь

130. Дымилась

После ст. 137:

Цепь в арьергарде изрубили

138. — в арьергарде пушку

139. И многих тащат, ружья носят

После ст. 144:

<Вдруг нас>

146. — — вот

После ст. 153:

Нас всех сковало ожиданье

155. Как перед бурей тишина

158. — — и целыми рядами

159. У нас попадали. Полки

164. — несется

171. И речку трупы

¹ <в реку>

² <тихо>

³ <пятисот>

⁴ <позади>

После ст. 173:

⟨Тогда довольно равнодушно
На батарее я прилег;
Признаться вам, я изнемог,
Хотелось спать и было душно.⟩
Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств: я изнемог.
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на крайний случай;
⟨А из травы чеченцы тучей
Три раза⟩
Уж раза три чеченцы тучей
Кидались шашки на-голо.
Прикрытые все почти легло. —
Я ⟨лежа⟩ слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно.

⟨Я слышал также, как друзей⟩
⟨Я слышал, как моих друзей⟩
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли:
Но не нашел в душе моей
⟨Ни⟩ Я сожаленья, ни печали
а) Меж тем затихло все; тела
Нагие грудями лежали
Огромной кучею, текла
Струями кровь.
б) Меж тем затихло все; тела
Солдат изрубленных лежали
Нагие, кучей. Кровь текла
Струею дымной по камням

183. В боях простреленной

196. — ямки

220. — молвил

После ст. 220:

Как зверь, он жаден, дик и злобен,
К любви и счастью неспособен.
Пушай же гибнет поделом.
И стало мне смешно. Потом
⟨Я подозвал к себе чеченца⟩
Я,¹ бросив лишнее мечтанье,
⟨Юнуса⟩ Ахмета подозвал: он был

¹ ⟨жадный⟩

«Валерик»
С рисунка Г. Гизарина
Гос. Русский музей в Ленинграде

225. а) Послыша вкруг себя молчанье
 б) Тогда чтоб разогнать мечтанье
 233. — — было их примерно?
 234. Да было тысяч до семи
 241. Но я наскучил вам. Довольно,
 Спокойна совесть у меня;
 242. а) В тревогах
 б) В волненьи
 243. — дальние
 245. Печальной
 247. Не <разберешь> отыскать следов печали
 248. Или страстей
 249. Хоть раз
 251. — — — в самозабвеньи
 256. Прощайте: если только вас
 259. — — — Если ж нет

В этом послании (адресованном, повидимому, В. А. Лопухиной) Лермонтов описывает сражение при реке Валерик 11 июля 1840 г. 14 июня 1840 г. Лермонтов писал А. А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке». Действующий отряд, о котором пишет Лермонтов, — это отряд генерала Галафеева. 12 сентября 1840 г., по окончании похода в Малую Чечню, Лермонтов сообщал тому же Лопухину: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте — кажется, хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью... Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными». Речь здесь идет как раз о сражении при Валерике.

Валерик (в переводе — «речка смерти») — приток реки Сунжи, которая, в свою очередь, впадает в Терек. Отряд генерала Галафеева выступил 6 июля 1840 г. из лагеря при крепости Грозной (у реки Сунжи) и, перейдя реку, взял направление на деревню Большой Чечень. 7—10 июля он двигался в западном направлении, переходя реки Гойта, Мартан, Рошни (притоки Сунжи) и сжигая по дороге чеченские деревни; 10 июля ночевал в деревне Гехи; 11 июля выступил из лагеря при деревне Гехи и двинулся к речке Валерик, где и произошел бой. Имеется подробное описание его в «Журнале военных действий» (копия — в ИРЛИ).

В числе отличившихся в деле при Валерике «Журнал военных действий» отмечает «Тенгинского полка поручика Лермонтова и 19-й артиллерийской бригады прапорщика Вон-Ляр-Ляр-

ского», которые переносили приказания генерала Галафеева «в самом пылу сражения в лесистом месте». Они, по словам «Журнала», заслуживают особенного внимания, «ибо каждый куст, каждое дерево грозили всякому внезапной смертью».

Походы Галафеевского отряда были неудачны. Г. И. Филиппсон говорит о них: «Эти походы доставили русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли» («Русский архив», 1884, т. I, стр. 370). «Журнал военных действий», несомненно, преувеличивал успех русского оружия, но и в нем отмечены сплоченность чеченцев и значительность понесенных русскими потерь — однако меньших, чем указанные в письме Лермонтова; согласно данным «Журнала», чеченцы «оставили на месте боя до 150 тел и множество оружия всякого рода. Потеря с нашей стороны в этот день состояла из убитых 6 обер-офицеров, 65 нижних чинов; раненых: двух штаб-офицеров, 15 обер-офицеров и 198 нижних чинов; контужены 4 обер-офицера и 46 нижних чинов; без вести пропавших одного обер-офицера и 7 человек нижних чинов; 29 убитых и 42 раненых лошадей».

За участие в деле при Валерике Лермонтов был представлен ген. Галафеевым к награждению орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В поданном Галафеевым прошении, в графе «за что к награде представляется», сказано: «Во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами, но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы». Однако награды Лермонтов не получил. Резолюция на прошении гласила: «Высочайше повелено поручиков, подпоручиков и прапорщиков за сражения удостоивать к монаршему благоволению, а к другим наградам представлять за особенно отличные подвиги». В феврале 1841 г. Лермонтов писал Д. С. Бибикову (уже из Петербурга, куда приехал в отпуск): «9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук».

Осенью 1840 г. Лермонтов участвовал в новом походе в Большую Чечню. Этот поход описан в воспоминаниях ссыльного декабриста А. И. Беляева («Русская старина», 1881, № 10, стр. 264—274).

После этого похода Лермонтов опять был представлен своим кавказским начальством к награде. В представленном «наград-

ном списке» о нем было сказано: «Во всю экспедицию в Малой Чечне, с 27-го октября по 6-е ноября, поручик Лермонтов командовал охотниками, выбранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый и расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства; 27-го октября он первый открыл отступление хищников из аула Алды и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командою в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами; 28-го октября, при переходе через Гойтинский лес, он открыл первый завалы, которыми укрепился неприятель, и, перейдя тинистую речку, вправо от упомянутого завала, он выбил из леса значительное скопище, покушавшееся противиться следованию нашего отряда, и гнал его в открытом месте и уничтожил большую часть хищников, не допуская их собрать своих убитых; по миновании дефиле поручик Лермонтов с командою был отряжен к отряду г. генерал-лейтенанта Галафеева, с которым следовал и 29-го числа, действуя всюду с отличною храбростью и знанием военного дела; 30-го октября при речке Валерике поручик Лермонтов явил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партией неприятельской, из которой малая часть только обязана спасением быстроте лошадей; а остальная уничтожена. Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всех случаях достойны особенного внимания и доставили ему честь быть принятым г. командующим войсками в число офицеров, при его превосходительстве находившихся во все время второй экспедиции в Большой Чечне с 9-го по 20-е число ноября».

30 июня 1841 г. граф Клейнмихель ответил на это представление командиру отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головину: «Государь император, по рассмотрении доставленного о сем офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. — При сем его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под коим предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку».

Этот отказ был получен уже после смерти Лермонтова.

Об участии Лермонтова в Валерикском сражении см.: П. А. Висковатов, «М. Ю. Лермонтов в действующем отряде ген. Галафеева» («Русская старина», 1884, № 1, стр. 83—92); с то же — «Речка смерти» («Исторический вестник», 1885, № 3, стр. 473—483); Б. Эсадзе, «Штурм Гуниба и пленение Ша-

мия», Тифлис, 1909, стр. 112—115; Д. Ракович, «Тенгинский полк на Кавказе», Тифлис, 1900, стр. 240—246; Л. П. Семенов, «Лермонтов и Л. Толстой», М., 1914, стр. 56—74 и 428—431.

Вопросу об отношении Лермонтова к войне и, в частности, именно к Кавказской войне, было посвящено несколько статей в печати — в дни столетней годовщины со дня его рождения, совпавшей с началом империалистической войны 1914 г. Все они имеют националистический характер. В пореволюционной печати вопрос этот еще не рассматривался, хотя предпосылки намечены в статьях и докладах Н. Свирина (см., например, статью «К вопросу о байронизме Пушкина» в «Литературном современнике» 1933 г., № 2). Несомненно, что отношение Лермонтова к войне и к делу покорения горцев было противоречивым и неустойчивым.

В своем послании о Валерикском бое (как и в стихотворении «Завещание») Лермонтов совершенно отходит от старой батальной романтики. Бой описан здесь не по образцу прежних поэм, пользовавшихся старой одической традицией (ср. в «Полтаве» Пушкина), а конкретно — с точки зрения рядового участника боя и без всяких прикрас. В этом смысле послание Лермонтова подготавливает почву для батальных сцен Толстого. Описание боя заканчивается у Лермонтова общим вопросом о смысле войны, свидетельствующим о его пацифистских настроениях. Пацифизм в условиях Николаевской эпохи был явлением несомненно прогрессивным и выделял Лермонтова из той среды, к которой он принадлежал. Возвращаясь на Кавказ в 1841 г., Лермонтов мечтал о выходе в отставку и собирался деликатно отдаться литературе.

Завещание (стр. 97).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XIV, № 2, стр. 157, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Стихотворение это — своего рода эскиз к картине сражения у Валерика (послание «Я к вам пишу»). Его разговорные интонации подтверждают отход Лермонтова от прежнего стиля (ср. стихотворение «Любил и я в былые годы»). Белинский заметил по поводу этого стихотворения, что в нем «голос не глухой и не громкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично».

Оправдание (стр. 99).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XV, № 3, стр. 44, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Это стихотворение восходит к двум юношеским стихотворениям, являясь их переработкой: «Романс к И...» («Когда я

унесу в чужбину») и «Когда одни воспоминанья» (включено в трагедию «Станный человек»). Первая строфа второго стихотворения сохранена в новой редакции почти без изменений: только в ст. 2 слова «О днях безумства и страстей» заменены словами «О заблуждениях страстей». Остальной текст написан заново.

Родина (стр. 100).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XV, № 4, стр. 283, где появилось впервые.

Автограф — в тетр. 15, под названием «Отчизна».

В ст. 16 берем по автографу «ночующий»; в «Отеч. записках» — «кочующий» (опечатка).

Варианты автографа.

- 8. — полей
- 9. — — дремучих
- 12. — — медленно

Продолжая преодоление старых тем и жанров, Лермонтов рисует в этом стихотворении необычный для него сельский пейзаж. Белинский писал В. Боткину (13 марта 1841 г.): «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина» — то, алах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» («Письма, П., стр. 227»). Действительно, стихотворение очень близко к строфе XVI «Странствия Онегина»:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых,
Теперь мила мне баламейка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака;
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

[Эпиграмма] (стр. 102).

Печатается по «Библиографическим запискам» 1861 г., т. III, № 18, стр. 556, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Считается, что эта эпиграмма написана в 1841 г. и обращена к О. И. Сенковскому, редактору и издателю «Библиотеки для чтения». При жизни Лермонтова в этом журнале была напеча-

тана только поэма «Хаджи Абрек» — и то без его разрешения (см. в томе III). Сенковский восторженно приветствовал сборник стихотворений Лермонтова 1840 г., но тон его похвал мог, действительно, возмутить Лермонтова своей развязностью («Библиотека для чтения», 1840, т. XLIII, стр. 1—11).

Последнее новоселье (стр. 103).

Печатается по «Отеч. запискам» 1841 г., т. XVI, № 5, стр. 1—2, где появилось впервые.

Черновой автограф (карандашом) — в альбоме Лермонтова, хранящемся в Гос. публичной библиотеке (шифр № 352³). Беловой автограф — в ИРЛИ (Пушкинский дом), из альбома А. Д. Абамелек (с отличиями от печатного текста). Авторизованная копия — в тетр. 15, лл. 14—15 (совпадает с печатным текстом).

Варианты автографов.

2.— криков праздничных

4.а) В стране чужой, неволе и цепях

6) В неволе мрачной и цепях

10. <Узнав> Поняв тщеславие их

13. — — — — Слава, Вера, Гений,

15. — — — среди пустых волнений

17. — — — — продажную игрушку

21. — — — — послан богом

После ст. 21:

И бессознательно был признан он вождем

25—26. И много славных лет под горлою державой

Промчалось — и мир трепещущий взирает

27. — — гордую

30. — — — — войны

34. — — степях

После ст. 36:

Ни [нрзб.], ни словом ободренья

Вы императору в тот час не помогли

37. — — — мучительных

39. — — — — нагло изменили

44. — — продали

49—51. Один, замученный враждою неуместной,

По капле выпив яд тоски своей немой,

И в боевом плаще, как ратник неизвестный

64. Пред ним бледневшая толпа

70. — — а) темною

6) новою, где прах его зарыт

73. — — — — по острове далеко

74. Под знойным солнцем южных стран

75. — — — своим зеленым оком

Рисунок Маяковского «Diplomatie civile et militaire»
Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

Написано весной 1841 г., во время последнего пребывания в Петербурге. Посвящено волновавшему тогда всех событию — перенесению праха Наполеона I с острова св. Елены в Париж.

Вопрос о перенесении возник еще в 1830 г., после июльской революции, но был отложен. В. Гюго написал тогда «Оду к колонне», в которой обращался к Наполеону со словами: «Почивай, мы придем за тобою, настанет, быть может, этот день... О, мы устроим тебе великолепные похороны!» Это обещание было исполнено в 1840 г. Тьер, давний поклонник Наполеона, воспользовался своими дружескими отношениями с лордом Гренвиллем и начал дипломатические переговоры с Англией о выдаче праха Наполеона; он же усиленно убеждал короля Луи-Филиппа приступить к этому делу. Луи-Филипп, учитывая недовольство демократических кругов Бурбонами и популярность среди них Наполеона, опасаясь, что перенесение его праха в Париж может послужить сигналом к восстанию. Однако, в конце концов, он согласился на доводы Тьера: 12 мая 1840 г. решение короля было объявлено в палате депутатов, а 7 июля третий сын Луи-Филиппа, герцог Жуанвильский, отбыл на фрегате «Belle-Poule» на остров св. Елены. 15 октября гроб с телом Наполеона был вырыт из могилы, 14 декабря фрегат прибыл в Париж, а 15-го в церкви Дома инвалидов была совершена торжественная церемония.

В России, в правительственных и придворных кругах, к перенесению праха Наполеона относились настороженно, предвидя возможность революционных вспышек. Настроение высших кругов отразилось в стихотворении Е. П. Ростопчиной «Поклонникам Наполеона» (с подзаголовком «Когда они вздумали перенести его гробницу в Париж»). Она говорит о «крамольном духе Франдин» и старается доказать, что новая революционная Франция не имеет никаких прав на Наполеона. Стихотворение начинается демонстративным обращением к новой Франции: «Не трогайте костей Его!» Те же охранительные тенденции — в стихотворении Подолинского «Остров св. Елены», которое начинается почти теми же словами: «Не троньте пустынной могилы», но отношение к Наполеону здесь иное, чем у Ростопчиной, сходное со славянофильской трактовкой (Тютчев, Хомяков):

Не случай — а с делью высокой
От нас его бог отрешил,
Чтоб замыслам дерзким далеко
Со скал его призрак грозил.

Наполеон рассматривается здесь как могучий, но дерзкий безумец, превысивший силы и права человека и наказанный за это богом («Не люди, а высшие силы сложили могучего прах»), а его могила — как угроза для дерзаний «других честолюбцев».

Славянофильские тенденции, высказанные в стихах Тютчева и Хомякова, здесь сильно вульгаризированы.

Первым поэтическим откликом в русской печати на перенесение праха Наполеона было стихотворение Хомякова, напечатанное в № 1 «Москвитянина» 1841 г. («Небо ясно, тихо море») с характерной заметкой редактора: «В следующей книжке мы поместим отрывок из оды Гюго в параллель произведению русскому: нам придется заметить вперед, что пальма в поэтическом состязании остается за нашим лириком». Хомяков не протестует против перенесения праха, но выдвигает роль России и Москвы:

И в те дни своей гордыни
Он пришел к Москве святой...
Но спалил огонь святыни
Силу гордости земной.

(Ср. еще стихотворения Хомякова о Наполеоне: «Суета сует» и «Еще о нем».)

«Последнее новоселье» Лермонтова многими чертами соприкасается со стихотворениями Ростопчиной, Хомякова и Подолинского, но отличается от них характерными особенностями. Как Ростопчина, Лермонтов оспаривает право Франции на Наполеона, делая из него образец вневременного, сверхчеловеческого величия. Как Подолинский, он настаивает на неприкосновенности прежней могилы Наполеона. Но охранительные и узкопатриотические тенденции ему чужды, как чужда и славянофильская точка зрения на Наполеона. С Хомяковым Лермонтова сближает отношение к современной Франции; ср. начало «Последнего новоселья» со следующими строками Хомякова:

С шумом буйных ликований,
Поздней ревности полна,
В дни несчастья, в дни страданья
Изменившая страна.

Белинский писал В. Боткину: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах, и жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков» («Письма», II, стр. 121). Стихотворение прозвучало для Белинского, повидимому, как славянофильское, хотя Лермонтов в трактовке Наполеона идет по другой линии. Он ближе к Гейне, который 14 мая 1840 г. писал из Парижа:

«Официальное объявление о перенесении смертных останков Наполеона произвело здесь действие, превзошедшее все ожидания министерства. Национальное чувство возбуждено до самой глубины, и великий акт справедливости — удовлетворение, которое дается исповицу нашего века и которое должно радовать все благородные сердца земного шара, является в гла-

зах франдузов началом восстановления их оскорбленной чести. Вы ошибаетесь. В лице умершего на острове св. Елены оскорблена не Франция, а человечество, и предстоящее похоронное торжество должно считаться отнюдь не поражением иностранных держав, а победою человечества. Борьба велась с живым, а не с мертвым, и если праха его до сих пор не выдавали франдузам, то виною этому не европейские державы, а клика великобританских конюхов и доезжачих, которые тем временем сломили себе шею или перерезали горло, как например, благородный лорд Лондонберри, или же погибли другим образом от действия времени и портвейна... Говоря откровенно, франдузы в этом случае ведут себя, как дети, которым возвращают отнятую у них игрушку: как только она снова попадет к ним, они со смехом разобьют ее и растопчут ногами» («Лютетия», VII). Некоторые строки Лермонтова почти дословно совпадают со словами Гейне (ср. «С насмешкой глупою ребяческих сомнений», «Из славы сделал ты и грушку лидермерья»).

Н. Чернышевский устанавливал связь стихотворения Лермонтова со взглядами «Московского наблюдателя». Говоря о гегельянстве этого журнала и отмечая его «франдузоедство» (Franzosenfresserei), Чернышевский в примечании цитирует предисловие к речам Гегеля, помещенным в журнале: «Франдузы никогда не выходили из области произвольных рассуждений, и все святое, великое и благородное в жизни упало под ударами слепого мертвого рассудка. Результатом французского философизма был материализм, торжество неодоухотворенной плоти. Во французском народе исчезла последняя искра откровения. Христианство, это вечное и непреходящее доказательство любви творца к творению, сделалось предметом общих насмешек, общего презрения, и бедный рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и святое таинство жизни, отвергнул все, что только было ему недоступно, а ему недоступно все истинное и все действительное. Он требовал ясности, — но какой ясности! — не той, которая лежит в глубине предмета: нет, — а на поверхности его; он вздумал объяснить религию — и религия, недоступная для конечных усилий его, исчезла и унесла с собой счастье и спокойствие Франции; он вздумал превратить святилище жизни в общенародное знание — и таинственный смысл истинного знания скрылся, и остались одни пошлые, бесплодные, прозрачные рассуждения, — и Жан-Жак Руссо объявил, что просвещенный человек есть развращенное животное и революция была необходимым последствием этого духовного развращения. Где нет религии, там не может быть государства, и революция была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленною толпою». Приведя эту цитату,

Чернышевский пишет: «В «Последнем новоселье» Лермонтов буквально переложил эти слова в стихи» («Очерки гоголевского периода» — «Современник», 1856, т. LIX, отдел III, стр. 16).

Н. Сатин (друг Герцена и Огарева) понял стихотворение Лермонтова как патриотическое и написал ответ, озаглавленный «Лермонтову» (сохранился в бумагах Сатина и напечатан в сборнике «Почин» 1895 г., стр. 236):

Когда поэт, сознав свое призванье,
Свой приговор народу прозвучит,
Как мощно он стихом негодованья
Народ бичует и клеймит!

Кто б ни был тот народ — что нужды для поэта!
Поэт в сей миг не Франк, не славянин,
Одною истинной душа его согрета
Он человек, он мира гражданин!

Но горе, если он в суждениях увлечется
Народною и личною враждой:
На грозный суд его кой-кто лишь улыбнется,
И грозный стих над целью проесется
Хоть звуочною, но слабою струной.

«Последним новосельем» завершается Наполеоновский цикл Лермонтова. Это стихотворение — кульминационная точка вознесения Наполеона как трагического героя.

В «Отеч. записках» 1842 г. (№ 12, отдел критики, стр. 61) было объявлено о скором выходе в свет издания «Morceaux choisis de la poésie russe» в переводе М. М. (М. Мецкерского) и был напечатан, в качестве образца, перевод «Последнего новоселья». Бенкендорф написал по этому поводу Уварову, что «издание подобной пьесы неприлично и не соответствует отношениям нашим к иностранным державам. Сильные выходы подлинника против Франции усилены переводчиком до неприличной брани. При свободном книгопечатании во Франции русское правительство не может оскорбляться частными неприязненными отзывами французских писателей; но всякие выходы русских сочинителей против иностранных держав рассматриваются цензурою и тем уже принимают, некоторым образом, официальный характер. Кроме того переводы г. М. обличают переводчика в совершенном незнании французского языка и французского стихосложения, и потому, если г. М. имеет в виду ознакомить Францию с нашей отечественной литературой, то не только не достигает предположенной цели, но даже наносит явный вред, искажая известнейших наших сочинителей» (М и х. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1825 — 1855 гг.», изд. 2-е, СЛБ, 1909, стр. 137).

Любовь мертвеца (стр. 106).

Печатается по авторизованной копии в тетр. 21 (отдельный листок, на обороте которого — «На севере диком»).

Впервые напечатано в альманахе «Утренняя заря», 1842, стр. 44—46.

Черновой автограф (карандаш, обведенный чернилами чужой рукой и с ошибками) — в альбоме Гос. публичной библиотеки (352³), бывшем в руках Лермонтова во время экспедиции Галафеева в Малую Чечню (1840).

Авторизованная копия этого стихотворения (как и копии многих других вещей Лермонтова) долго принималась за автограф из-за надписи, сделанной получившим эту рукопись от А. Н. Аксакова Лермонтовским музеем: «Подлинная рукопись М. Ю. Лермонтова «Любовь мертвеца» и «На севере диком». На одном почтовом полулисте м. фор., случайно найденная вклеенною в экземпляр Сочинений Лермонтова издания 1842 года и купленная на Толкучем в СПб в 1852 году Александром Николаевичем Аксаковым. Пожертвовано музеем А. Н. Аксаковым». На самом деле это — копия, в которой рукой Лермонтова сделано только несколько поправок, меняющих первоначально написанное чужой рукой:

12. Отрады

27. Душа моя

39. Покоя

Первоначальное заглавие в копии было «Влюбленный мертвец». В черновом автографе первоначальное заглавие было «Новый мертвец», потом — «Живой мертвец».¹

Обычная датировка этого стихотворения 1840 годом (на основании датировки этим годом самого альбома) оспорена в статье С. В. Штейна: ««Любовь мертвеца» у Лермонтова и Альфонса Карра» («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1916, т. XXI, кн. 1). Штейн не без основания полагает, что в этот альбом могли вписываться стихотворения и позже 1840 г.² В том же альбоме, например, есть черновой набросок предисловия ко второму изданию «Героя нашего времени» (1841), сделанный, вероятно, не в 1840, а в 1841 г. Штейн склонен датировать «Любовь мертвеца» 1841 годом (май — июль) на том основании, что стихотворение это, по его мнению, написано под влиянием стихотворения французского поэта Альфонса Карра (Carre, 1808 — 1892) «Le mort amoureux» («Влюбленный мертвец»), напечатанного в 1841 г. в май-

¹ Под таким заглавием есть стихотворение А. Полежаева (1828 г.).

² На л. 1 об. в этом альбоме записано: «понед[ельник] Смир[нова]. втор[ник] Росто[п.чина]. веч[ером] Лаваль именины». Это доказывает, что альбом был в руках Лермонтова в Петербурге в 1841 г.

ской книжке издававшихся им периодических сборников «Les Guêres» («Осы»). Сборники эти были, действительно, очень популярны в России именно в эти годы. Так, в 1842 г. Ф. Булгарин издал, по образцу «Les Guêres», сборник «Комары», в предисловии к которому сравнивает свое издание с изданием Альфонса Карра. Если принять во внимание, что в мае (по новому стилю — во второй половине мая) 1841 г. Лермонтов был в Петербурге, то вполне допустимо, что он мог видеть новый, только что полученный выпуск «Les Guêres». Приведенный Штейном текст «Le mort amoigneux» только в некоторых местах близок к тексту Лермонтовского стихотворения, но связь между ними несомненна. Приводим здесь стихотворение А. Карра в русском прозаическом переводе (стихотворный перевод сделан был Н. П. Грековым, — см. «Новые стихотворения», М., 1866, стр. 138 — 139):

«Я больше не чувствую камня, давящего мое холодное тело. Нежный и твердый голос говорит мне: «Проснись!» Открытые небеса являют глазам моим свое великолепие, и ангелы призывают меня — стать одним из них.

«Ея любовь на земле была так дорога мне, что душа не надеется ни на что лучшее на небесах. Помогите мне, господа, в этом новом испытании. До тех пор, пока она на земле, небо — изгнание для меня.

«Сделай так, о боже, чтобы мой рай был близ нее... Пусть моя душа сливается с ее ночными грёзами, с цветком, который дарит ей свой опьяняющий аромат, с ветерком, который трепещет в ее дрекорасных темных волосах.

«Жизнь — испытание, полное борьбы для бедной осиротевшей души, которую я покинул на земле. Боже мой! молю тебя, даруй ей в жизни, на время брэнного ее существования, все мое небесное блаженство».

«Из-под таинственной холодной полумаски» (стр. 108).

Печатается по «Отеч. запискам» 1843 г., т. XXVIII, № 5, стр. 80, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Датируется предположительно 1841 годом.

[А. Г. Хомутовой] (стр. 109).

Печатается по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 г., стр. 19, где появилось впервые, без заглавия. Повторно (с заглавием) напечатано в «Русском архиве» 1867 г., № 7, стб. 1051.

Автограф не найден.

Анна Григорьевна Хомутова (1784 — 1856) — дочь сенатора Григория Аполлоновича Хомутова и двоюродная сестра поэта И. И. Козлова. Она любила литературу и была близко знакома со многими писателями: П. А. Вяземским, Жуковским, Пушки-

киным. Автор биографического очерка о ней, Е. Розе, пишет: «Одна из самых сильных ее привязанностей в первой молодости была к двоюродному брату, поэту-слепцу Козлову. Сходство в пылкости характеров, в любви к поэзии, в сочувствии ко всему высокому их тесно связывало. Они оба были молоды, счастливы и часто вместе увлекались светскими веселостями; но когда страстная любовь запала в душу Козлова [к С. А. Давыдовой, впоследствии его жене] и долго, отчаянно его волновала, Анна Григорьевна сделалась ему постоянным, неизменным другом-утешителем, со всею женственным преданностью. После 1812 года они расстались и свиделись уже в тридцатых годах в Петербурге, почти стариками, но с живым чувством постоянной дружбы и ярким воспоминанием молодости, не увядающей в таких сердцах. Козлов давно уже лежал тогда на одре болезни, разбитый параличом в ногах и лишенный зрения. Сильное это сердечное потрясение вылилось у него в прекрасных стихах под названием «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки» («Русский архив» 1867 г., № 7, стб. 1050 — 1051).

По поводу стихотворения Козлова Лермонтов и написал свое послание А. Г. Хомутовой.

Стихотворение было написано под впечатлением рассказа Хомутовой о встрече с Козловым («Русский архив» 1886 г., № 2, стр. 198 — 199). Слова Лермонтова «И я, поверенный случайный надежда и дум его живых» надо понимать как ответ на рассказ о нем Хомутовой.

Стихотворение датируется 1841 годом предположительно. Где и когда произошло свидание Лермонтова с А. Г. Хомутовой, — точно неизвестно. Воспоминания А. Г. Хомутовой напечатаны в «Русском архиве» 1891 г., № 11, стр. 309 — 328.

Брат А. Г. Хомутовой, М. Г. Хомутов, был командиром лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил Лермонтов. О нем Лермонтов упоминает в письме к А. А. Лопухину от 17 июня 1840 г. (из Ставрополя): «Дорогой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня».

Вид гор из степей Козлова (стр. 111).

Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня» 1846 г., П., стр. 153 — 154, где появилось впервые. Ст. 9 — по «Библиографическим запискам» 1859 г., т. II, № 1, стр. 21 (в сборнике этот стих иначе — «Вот месяц небо озарило»).

Автограф не найден.

Это — перевод из «Крымских сонетов» А. Мидкевича. До Лермонтова то же стихотворение было переведено И. И. Козловым. Возможно, что Лермонтов сделал этот перевод в связи с рассказом А. Г. Хомутовой о встрече с Козловым (см. стихотворение «А. Г. Хомутовой»).

Приводим здесь перевод Козлова:

Вид гор из степей Козловских

Пилигрим и Мирза

Пилигрим.

Кто поднял волны ледяные,
И кто из мерзлых облаков
Престолы отлил вековые
Для роя светлого духов?
Уж не обломки ли вселенной
Воздвигнуты стеной нетленной,
Чтоб караван ночных светил
С востока к нам не приходил?
Что за луна! взгляни, громада
Пылает, как пожар Царьграда!
Иль для миров, во тьме ночной
Плывущих по морю природы,
Сам Алла мощною рукой
Так озарил небесны своды?

Мирза.

Не вьется где орел, я там стремил мой бег,
Где царствует зима, свершил я путь далекий;
Там пьют в ее гнезде и реки, и потоки;
Когда я там дышал — из уст клубился снег;
Там нет уж облаков, и хлад сковал мятели;
Я видел спящий гром в туманной колыбели,
И над чалмой моей горела в небесах
Одна уже звезда, — и был то...

Пилигрим.

Чатырдаг!

«Это случилось в последние годы» (стр. 113).

Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня», кн. I (1845), стр. 92—93, где появилось впервые. Последний стих — по «Библиографическим запискам» 1859 г., т. II, № 1, стр. 20 (с ссылкой на Л. И. Арнольди). Автограф не найден.

Стихотворение датируется 1841 годом предположительно. Это единственный у Лермонтова опыт гекзаметра. Источники стихотворения и поводы к его написанию не обследованы.

[В альбом автору «Курдюковой»] (стр. 115).

Печатается по «Отеч. запискам» 1842 г., т. XXIV, № 9, стр. 174, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Автор «Курдюковой» — Иван Петрович Мятлев (1796—1844), известный в свое время светский стихотворец и остряк, стихи которого долгое время ходили по рукам. Мятлев издал «Сенсации и

замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этражиж» — юмористический роман, написанный так называемым макаропическим стилем (смешение разноязычных слов). Лермонтов написал в манере Мятлева шутовское стихотворение «Ma chère Alexandrine».

О стихах Мятлева см. статью В. Голыцыной: «Шутовская поэзия Мятлева и стиховой «сельетон» (сборник «Русская поэзия XIX века», «Academia», 1929, стр. 176—204).

Лермонтов был лично знаком с Мятлевым (ср. стихотворение «В альбом С. Н. Карамзиной»). В ответ на стихотворение Лермонтова Мятлев написал:

«Мосье» Лермонтов, вы пеночка,
Птичка певчая, времан!
Ту во вер сон си шарман,
Что они по мне как пеночка,
Нон дё крэм, мэ дё Креман,
Так полны они эрфиксом,
Дё дусёр и дё бон гу,
Что с душевным только книксом
Вспоминать о них могу.

(«Русский архив» 1893 г.,
кн. III, стр. 127.)

[А. А. Углицкой] (стр. 116).

Печатается по автографу ИРЛИ (альбом А. А. Углицкой-Альбрехт).

Впервые — альманах «Радуга», II, 1922, стр. 111 (с подробным комментарием Б. Л. Модзалевского).

Этот экспромт обращен к кузине Лермонтова Александре Александровне Углицкой (дочь двоюродной сестры матери Лермонтова, урожденной Арсеньевой). В апреле 1841 г. Углицкая вышла замуж за К. И. Альбрехта. Судя по словам «Quand vous segez Мадам» (когда вы станете дамой), экспромт написан незадолго до свадьбы Углицкой; с другой стороны, Лермонтов упоминает про свой «армейский чин», а он был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в армейский в апреле 1840 г. Очевидно стихотворение написано в 1841 г. (в феврале или марте), когда Лермонтов был в отпуску. В письме к бабушке, написанном в Москве, уже по выезде из Петербурга в апреле 1841 г., Лермонтов пишет: «Вероятно, Сашенькина свадьба уже была, и потому прошу вас ее поздравить от меня, а Леокадии скажите от меня, что я ее целую и желаю исправиться и быть как можно осторожнее вообще». Леокадия — сестра А. А. Углицкой; судя по этому, «Сашенькина свадьба» — свадьба А. А. Углицкой (а не А. М. Верещагиной, как предполагает Д. И. Абрамович в академическом издании Лермонтова).

Экспромт написан в духе Мятлевских стихов, — см. комментарий к стихотворению «В альбом автору «Курдюковой»».

[В альбом С. Н. Карамзиной] (стр. 117).

Печатается по фотоснимку с автографа, хранящемуся в ИРЛИ (см. статью Б. Л. Модзалевского, «Из альбомной старины» в «Русском библиофиле», 1916, № 6, октябрь).

Впервые напечатано в сборнике «Русская беседа», 1841, т. II (без последней строфы, замененной точками).

Автограф, принадлежавший Клейнмихель (рожденной Мещерской), утрачен.

Софья Николаевна Карамзина, в альбом которой Лермонтов вписал эти стихи, — старшая дочь историографа Н. М. Карамзина (1802—1886). Она жила в Петербурге, в доме Д. Бибикова (Гагаринская, 16). Здесь, в числе ее многочисленных литературных друзей и гостей, бывал Лермонтов. Салон Карамзинных описан многими современниками. «Чтобы получить литературную известность в великосветском кругу, необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной — вдовы историографа [Екатерины Андреевны, мачехи С. Н.]. Там выдавались дипломы на литературные таланты. Это был уже настоящий великосветский литературный салон с строгим выбором, и Рекамье этого салона была С. Н. Карамзина, к которой все известные наши поэты считали долгом писать послания» (И. И. Панаев — «Литературные воспоминания», 1928, стр. 143—144).

Характеристику С. Н. Карамзиной как руководительницы салона см. у А. Ф. Тютчевой («При дворе двух императоров», 1928, стр. 70—71; ср. также многочисленные отзывы о карамзинском салоне в книге М. Арнонсона и С. Рейсера, «Литературные кружки и салоны», 1929, стр. 162—170).

Судя по первой строке, стихотворение написано Лермонтовым в связи с каким-то разговором о поэзии и подводит итог совершившемуся в творчестве Лермонтова перелому, который сказался уже в целом ряде его стихотворений 1838—1840 гг. («Дума», «Нескучно и грустно», «Я к вам пишу», «Завещание», «Родина»). В этом смысле стихотворение, несмотря на его шуточный конец, имеет очень важное программное значение — как отказ от прежнего стиля и от прежних тем.

У Карамзинных Лермонтов часто бывал и в 1840 и в 1841 г. (во время последнего своего отпуска). Стихотворение, вероятно, написано в 1841 г., когда он особенно сдружился с Карамзинными и с А. О. Смирновой.

В подлиннике на месте фамилий в последней строфе стоят точки, но легко догадаться, что в первом случае говорится о Смирновой (см. комментарий к стихотворению «А. О. Смирновой»), а во втором — о поэте Иване Петровиче Мятлеве (см. комментарий к стихотворению «В альбом автору «Курдюковой»). Саша — вероятно, брат С. Н. Карамзиной, Александр Николаевич (1815—1888).

СТИХОТВОРЕНІЯ

Графини Е. Ростопчиной.

Михаилу Евлевичу Лермонтову,
в знакъ подаренія къ его таланту
и дружбы. Подаренъ въ день
свадьбы, Петербургъ, 20-го апрѣля.
1841.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Листъ 1. 196. стр.

Обложка «Стихотворений Е. Ростопчиной» с надписью
Лермонтову

Институт Литературы Академии Наук СССР

[Графине Ростопчиной] (стр. 118).

Печатается по сборнику «Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина», СПб, 1841, т. II, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1811—1858) — известная писательница 30—40-х годов. Творчество Ростопчиной — характерное проявление салонно-аристократической культуры, в которой светская женщина играла большую роль. Ростопчина не ограничивалась интимными и светскими темами, но писала и на темы общественно-политические («Поклонникам Наполеона», «Неравный брак»), идя иногда вразрез с официальными взглядами.

Лермонтов встречался с Е. Ростопчиной еще юношей, на детских балах, когда увлекался ее кузиной Е. А. Сушковой (см. «Записки Е. Сушковой» «Academia», Л., 1928, стр. 343—354).

Ростопчина подарила Лермонтову выпшедший в 1841 г. первый сборник своих стихотворений с надписью: «В знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому» (20 апреля 1841 г.). Лермонтов, в свою очередь, подарил Ростопчиной альбом, в который и вписал стихотворение «Я верю: под одной звездой».

После смерти Лермонтова Ростопчина написала большое стихотворение «Пустой альбом», в котором вспоминает:

О живо помню я тот грустный вечер,
Когда его мы вместе провожали,
Когда ему желали дружно мы
Счастливый путь, счастливейший возврат!
Как он тогда предчувствием невольным
Нас испугал! Как нехотя, как скорбно
Прощался он! Как верно сердце в нем
Недоброе, тоскую, предвещало!

В стихотворениях Ростопчиной заметно сильное влияние Лермонтова (см. статью И. Н. Розанова, «Отзвуки Лермонтова» в сборнике «Венок Лермонтову», М., 1914, стр. 238—40).

О Е. П. Ростопчиной см. статьи Е. Некрасовой («Вестник Европы», 1885, № 3), С. П. Сушкова («Вестник Европы», 1888, № 5) и Н. О. Лернера («Русский биографический словарь»).

Договор (стр. 119).

Печатается по копии в тетр. 15, л. 20.

Впервые — «Отеч. записки», 1842, т. XXI, № 3, стр. 1—2.

Стихотворение предположительно датируется 1841 годом; оно восходит к юношескому стихотворению «Прелестнице» (1831),

являясь его переработкой. Первые три строфы мало отличаются от прежнего текста; последние две написаны заново.

Белинский в письме к В. Боткину (от 17 марта 1842 г.) сообщает об этом стихотворении следующие сведения: «Стихотворение Лермонтова «Договор» — чудо как хорошо, и ты прав, говоря, что это глубочайшее стихотворение, до понимания которого не всякий дойдет... Эта пьеса напечатана не вполне; вот ее конец:

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный,
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут бегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои...

Сравнение, как будто натянутое; но в нем есть что-то лермонтовское...» («Письма», II, стр. 284—285).

Приведенные Белинским строки представляют собой вторую половину стихотворения «Графине Ростопчиной», опубликованного в «Русской беседе» 1841 г., т. II. По какому источнику цитирует эти строки Белинский и почему он считает их концом «Договора», — неясно. Если это указание — не простая ошибка, то оно наводит на мысль, что «Договор» обращен к той же Е. П. Ростопчиной. Как известно, брак Ростопчиной был неудачен; впоследствии она была в связи с генерал-адъютантом П. П. Альбединским, описанным в романе Тургенева «Дым» (см. воспоминания Е. М. Феоктистова. «За кулисами политики и литературы», под ред. Ю. Оксмана, Л., 1929, стр. 295 и 321).

«Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 120).

Печатается по беловому автографу в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским (Гос. публичная библиотека, л. 11 об. Там же (л. 11 с другого конца) — черновой автограф (карандашом).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXVIII, № 6, стр. 194.

Варианты чернового автографа.

2. — — — — — сиянье

4. — — безумную

7. Я увлечен отрядным разговором

Стихотворение, по словам П. А. Висковатова, обращено к С. М. Соллогуб (урожд. Виейльгорской), жене писателя В. А. Соллогуба: «Графиня Софья Михайловна, идеальная и во всех отношениях прекрасная женщина, безукоризненной жизни, всецело отданная семье, рассказывала мне, что Лермонтов в последний приезд в Петербург бывал у нее. Поэт, бывало, молча глядел на нее своими выразительными глазами, имевшими магнетическое влияние, так что «невольно приходилось обращаться в ту сторону, откуда глядели они на вас». — «Муж мой, — говорила Софья Михайловна, — очень не любил, когда Михаил Юрьевич смотрел так на меня, и однажды я сказала Лермонтову, когда он опять уставился на меня: «*Vous savez, Lermontoff, que mon mari n'aime pas cette manière de fixer le monde, pourquoi me faites-vous ce désagrement?*»¹ Лермонтов ничего не ответил, встал и ушел. На другой день он мне принес стихи: «Нет, не тебя так пылко я люблю». Муж их взял у меня, и где они остались, я не знаю. Это было перед самым отъездом поэта» («М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», М., 1891, стр. 326—327).

Если рассказ Висковатова соответствует действительности, то стихотворение написано, очевидно, в апреле 1841 г. в Петербурге.

О какой «подруге юных дней», давно умершей («уста давно немые»), говорит здесь Лермонтов, — не ясно. Среди юношеских стихотворений есть одно, в котором Лермонтов говорит о смерти любимой девушки («Болезнь в груди моей», 1832):

Одно лишь существо душой моей владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает
Красная гордое светило,
Мне хочется за ним: оно быть может знает,
Как воскрешать все то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поделуй прощанья,
За мной бегущие повсюду.

«На севере диком» (стр. 124).

Печатается по копии в тетр. 21 (на том же листке, где авторизованная копия «Любовь мертвеца, и той же рукой). Другая копия (тот же текст) — в тетр. 15.

Впервые — «Отеч. записки», 1842, т. XX, № 1, стр. 124.

Черновой автограф (карандашом, который частично обведен чернилами) — в альбоме Лермонтова (Гос. публичная библиотека,

¹ Вы знаете, Лермонтов, что мой муж не любит этой манеры пристально всматриваться, зачем же вы доставляете мне эту неприятность?

№ 352²), л. 4. Там же — беловой автограф на вклеенном листке (л. 19 об.), с иным, чем в тетр. 21, текстом. Другой беловой автограф — в альбоме Юсуповой-Шове, хранящемся в ИРЛИ (текст тот же, что и в альбоме Гос. публичной библиотеки).

Тексты черногового автографа (альбом Гос. публичной библиотеки) и копии (тетр. 21 и тетр. 15) и текст белового автографа (альбом Гос. публичной библиотеки и альбом Юсуповой-Шове) совершенно разные. Приводим текст белового автографа:

На холодной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим
Качаяся дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Варианты черногового автографа.

1. — — дальнем
5. а) <Ей снится все>
- 6) Ей снится, что в дикой пустыне востока
- в) И снится ей будто далеко, далеко
7. — — — на дикой и знойной стене

Беловой автограф Гос. публичной библиотеки, л. 19 об., предварительно написан начерно со следующими вариантами:

1. На голой и холодной вершине
2. а) И дремлет — и снежным покровом
- 6) И дремлет качаясь и снегом пушистым
4. а) Метелью одета она
- 6) Печально » »
- в) Сыпучим » »
5. Ей снится красавица пальма

Над текстом этого автографа — цитата из стихотворения Гейне:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.

Heine.

В альбоме Гос. публичной библиотеки, л. 4, рядом с текстом — карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине и в отдалении пальму на скале.

По традиции текст копии считается окончательным, а текст автографа — первоначальной редакцией. Мы сохраняем эту традицию, считая копию в тетр. 21 авторизованной и более поздней, чем автограф.

Стихотворение представляет собою перевод из «Buch der Lieder» Гейне (отдел «Lyrisches Intermezzo»). Приводим подлинник:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'.
Ihn schläfert; mit weisser Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Ритм первоначальной редакции ближе к подлиннику, чем ритм окончательной; характерные для немецкого стиха ритмические перебои Лермонтовым не переданы. Не передана и одна существенная смысловая деталь: «сосна» по-немецки мужского рода. Отсутствие этого оттенка придает переводу Лермонтова характер не любовной, а просто мечтательной тоски. Тютчев перевел это стихотворение иначе (напечатано впервые в «Северной лире», 1827, стр. 338):

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подъямясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря делает.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветет одинока.

(Варианты см. у Ф. И. Тютчева, «Полное собрание стихотворений», под ред. Г. И. Чулкова, М., 1933, стр. 23).

В переводе Фета — тоже не сосна, а кедр:

На севере кедр одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным и лдяным ковром.

Во сне ему видится пальма,
В далекой, восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна на горячей скале...

В остальном перевод Лермонтова по смыслу ближе других к подлиннику.

П. П. Вяземский вспоминает: «Накануне отъезда своего на Кавказ Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть (?) стихов Гейне «Сосна и пальма». Немецкого Гейне нам принесла С. Н.

Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 году, и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке» («Русский архив», 1887, т. III, № 9, стр. 142). Судя по этому, автограф в альбоме Гос. публичной библиотеки (листок, наклеенный на лист 19 об.) и есть тот самый набросок, который был сделан Лермонтовым по просьбе Вяземского. Датируется он, следовательно, апрелем 1841 г.

Утес (стр. 122).

Печатается по беловому автографу в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским. Там же — черновой автограф (карандашом).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXVII, № 4, стр. 331.

Варианты чернового автографа.

1 — 2. Как однажды тучка золотая
На седом утесе почевала.

Черновой текст этого стихотворения написан, повидимому, еще в Петербурге, до отъезда на Кавказ (апрель 1841 г.): после черновика на той же странице написан набросок к повести о Лугине (см. в томе V), а повесть эту, как свидетельствует Е. П. Ростопчина, Лермонтов читал в Петербурге во время своего последнего отпуска («Записка о Лермонтове» — см. «Записки Е. С у ш к о в о й», «Academia», Л., 1928, стр. 351—352).

Как многие стихотворения Лермонтова последних лет, «Утес» представляет собой своего рода завершение отдельных мотивов, мелькающих в ранней лирике. Темы утесов и туч эпизодически и раздельно проходят через всю лирику Лермонтова, служа, большею частью, аллегорическими выражениями различных эмоций. Здесь эти служебные темы объединены и даны в виде цельного пейзажа, который, в то же время, сохраняет аллегорическое значение.

Спор (стр. 123).

Печатается по автографу Публ. Библиотеки им. Ленина (архив Ю. Самарина). Впервые — «Москвитянин», 1841, ч. III, № 6, стр. 291—294.

Черновой (карандашом) и беловой (чернилами, с поправками) автографы — в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским.

Варианты автографов.

- 4. Шел
- 9. — — тесных
- 11. — дымной мгле

Споръ

Какъ то удръ орудъю тобою
Соплеаенная гора
У казбекъ въ Шамъ-горюх (*)
Товилъ велик. споръ.
"Буренъ! скадай казбекъ
Словеса свои Шата,
поториса сеновуху
ты и дадася, брань!
оно на строюна. Деланная келия
Но устунае гора;
въ снубат твоего уценя
Загримитъ топоръ;
и килунае лопата
въ кампануо гудъ,
Давыкая лубъ. и длетъ,
връжеться сарушати пугъ
уавъ проходюна караваки
Черезъ тв. скалы
Эт. посиненъ ланъ туманъ
Да чару-орубъ.
Модъ данди! донъ и тудуна
мудавъ биль скачехъ,
Буренъ! многогодоуна
и тогуъ востонъ!,"

(*) шамъ — Ембрусь

Беловой автограф стихотворения «Споръ»
Всесоюзная Публичная библиотека им. Ленина

- 21 — 22. а) Первый шаг победы труден,
И хоть ты высок
б) Знай, что <первый> шаг один лишь труден,
И хоть ты высок
в) Берегися, первый труден
Только был скачок
28. — десятый
37. Там вокруг Ерусалима
41. Там напрасно жадный тени
42. — вечный
50. — — храня
51. — — старому
52. Победить
53. — гордись
62. Долго смотрит он
64. — шум и звон
70. — в степи
71. — а) с пиками
б) легкие
77. — грозным
78. а) Позади
б) Между них
79. а) Наготове перед боем
б) Чуть дымясь
81. а) И привыкнувший к волненьям
б) И испытанный волненьем
82. Жизни
83. а) Их ведет <руки> броней движеньем
б) Движет их
85. а) Видит он
б) И за ним
87. Грозно-медленны
89. а) — надменной полон думой
б) — тяжелой » »
90. Полон гордых
93. а) Мрачным взором
б) Грустным взглядом
в) На прощанье

В ст. 23 в «Москвитянине» напечатано: «Берегитесь!»; считаем это опечаткой и берем: «Берегися!».

Стихотворение «Спор» написано в 1841 г., но еще до отъезда на Кавказ, в Москве, в последних числах апреля. Об этом свидетельствуют письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Гагарину (от 3 августа 1841 г.) и его же запись в дневнике 1841 г. («Сочинения», М., 1911 г., т. XII, стр. 55—57). 15 июня Самарин послал рукопись этого стихотворения М. И. Погодину (редактору-изда-

телю «Москвитянина») и писал ему в сопроводительном письме: «Посылаю вам приношение Лермонтова в ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него и за вас, и за всех читателей «Москвитянина» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», СПб, 1892, кн. 6, стр. 206).

Среди кавказских стихотворений и поэм Лермонтова «Спор» занимает особое место: здесь, в противоположность обычной для Лермонтова романтической трактовке Кавказа (гимн природе и вольности), воспевается победа человека над природой, и, сверх того, прославляется сила русского оружия, покоряющего Кавказ. И то и другое выглядит противоречием рядом с другими кавказскими стихотворениями и поэмами и со стихотворением о сражении при Валерике. Такое же противоречие получается при сопоставлении «наполеоновской» лирики (начинал юношеским «Наполеоном» и кончая «Последним новосельем») с такими стихотворениями, как «Бородино» и «Два великана».

«Спор» (как и «Два великана» или «Бородино») — стилизованный эпический жанр. Здесь, как и в «Двух великанах», имеется фольклорная основа, придающая стихотворению характер народного сказания, легенды. «Спор» — своего рода лубочный плакат, изображающий завоевания промышленного века. Нужно заметить, что в заключительных стихах есть намек на то, что Лермонтов скорее на стороне угрюмого Казбека. Это подтверждается и другими фактами. В эпоху написания «Спора» Лермонтов очень интересовался Востоком и, в разговоре с А. А. Краевским, высказывал мнения, сближающие его с славянофилами: «Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским? Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там на востоке тайник богатых открытий». (Из сообщений А. А. Краевского; П. А. Висковатов, «М. Ю. Лермонтов», стр. 368.) Характерно также, что стихотворение было передано в «Москвитянин» и притом через Ю. Самарина — одного из вождей славянофильства. Отметим еще, что в записной книжке, где находится автограф «Спора», на чистом обороте предшествующего листа написано (как название отдела): «Восток».

Белинский, восторженно приветствовавший «Дары Терека» (эпическая аллегория без всякой оценки), отнесся к «Спору» довольно холодно: «Сколько роскоши в споре Казбека с Эльборусом, хотя в целом мне и не нравится эта пьеса и хотя в ней есть стиха четыре плохих» («Письма», III, стр. 121).

Влияние «Спора» заметно на аллегорических «стихотворениях в прозе» Тургенева; ср. его «Разговор» (см. в книге Л. П. Семеновна, «Лермонтов и Л. Толстой», М., 1914, стр. 439—441).

Сон (стр. 127).

Печатается по автографу в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским. Там же — черновой автограф (карандашом).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXVII, № 4, стр. 183.

Варианты автографов.

1. а) Приснилась мне
б) Мне снилась раз
2. а) Недвижим я лежал
б) В долине той
3. В моей груди <дымилась>
<чернела>
была живая рана
4. Текла дымясь по капле кровь моя

После ст. 4:

- <Навеки был закрыт мой взор туманом>
И крепко спал я сам того не зная,
В груди смертельный был свинец,
<По капле кровь точилась из раны>
Из раны кровь точилась засыхая
И вот что мне приснилось наконец.
5. Лежал я мертвый у ручья долины
 6. Громады
 8. И третий день уж спал я мертвым сном
 9. Но я смотрел духовными очами
 10. а) На светлый пир, в далекой стороне
б) Роскошный
 11. — — — украшенных
 15. — — а) чудный
б) черный
 16. Таинственно
 17. — — — песчаная поляна
 18. а) И бледный труп недвижимый и немой
б) Знакомый труп лежал в поляне той
 20. — — текла

«Сон» принадлежит к тем многозначительным произведениям Лермонтова, которые возбуждали наибольшее количество разных домыслов и толкований. Ключ к этому стихотворению подыскивали и предлагали многие современники Лермонтова и его исследователи. М. И. Семевский записал со слов Е. А. Сушковой следующее: «Когда Екатерина Александровна готова была дать согласие на брак Лопухину, Лермонтов делал вид, что вызовет ее жениха на дуэль, о чем и предупреждал ее. По этому случаю он написал стихотворение «Сон». («Записки Сушковой»,

Л., 1928, стр. 226.) Совсем другое и гораздо более достоверное свидетельство — у Г. К. Градовского, который передает рассказ генерала Шульца, поделившегося с Лермонтовым своими воспоминаниями о том, как он, после сражения, остался раненый один среди убитых и как он в таком состоянии пролежал целый день, пока его не подобрали. («Шульд и Лермонтов», «Исторический вестник», 1902, № 11, стр. 476—477, то же в книге Градовского «Итоги», Киев, 1908, стр. 366—370).

Исследователи Лермонтова, близкие к символистам и настроенные мистически, истолковали это стихотворение как вещий сон самого Лермонтова — как прозрение в свою собственную судьбу (ср. статью В. Розанова в «Новом времени», 1908, №№ 11587 и 11594; Д. Мережковского «Лермонтов», 1909, стр. 35; В. Соловьева «Судьба Лермонтова» в «Вестнике Европы», 1901, № 2, стр. 449).

Л. Семенов (в книге «Л. Толстой и Лермонтов», 1914, стр. 279) указывает на сходство «Сна» с песней терских казаков — в связи с общим интересом Лермонтова к кавказскому фольклору:

Ох, не отстать-то тоске кручинушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную ноченьку
Мне мало спалось.
Мне мало спалось, на белой заре много
Во сне виделось.
Во сне виделось: ох, будто я удал добрый молодец
Убитый на дикой стене лежу,
Ретивое мое сердечушко простреленное.

Сюжетное построение «Сна» очень своеобразно: замыкаясь, оно приводит к началу, образуя круг. Его можно назвать «зеркальным»: сон героя и сон героини — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения.

«Лилейной рукой поправляя» (стр. 128).

Печатается по автографу (карандашом) в записной книге, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским, л. 3 об.

Впервые — «Отеч. записки», 1844, т. XXXII, № 1, стр. 200.

Это — начало задуманного стихотворения, относящееся к 1841 г. Объяснение слова «туксус» (тюксус) находим в повести Марлинского «Мулла Нур». Описывая двор мечети в Дербенте. Марлинский говорит сначала о бородатых татарах («биюк-сакалы» — долгобородые), а затем сообщает: «Промежду длинными бородами из второго круга, и то с великим подобострастием, осмеливались просовывать носы свои *тюкми*, то есть подубородные, молодые люди уже с усами, но еще без речей, потому

что в Азии уста, не вооруженные волосами, не смеют на совете отверзаться, разве для того только, чтоб зевнуть. *Тюксюсы*, или безбородые, отроки или юноши от десяти до семнадцати лет, бродили поодаль, не имея права мешаться не только в важные дела, но даже просто в разговоры со старшими. Там-то виделось первобытное общество в простейшем своем выражении — с тремя ступенями прав, которых стихийное начало есть борзда».

«На бурке под тенью чинары» (стр. 129).

Печатается по автографу (карандашом) в записной книге, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским, л. 4.

Впервые — «Отеч. записки», 1844, т. XXXII, № 1, стр. 200.

Варианты автографа.

3 — 4. Стояли безмолвно татары
И руки скрестив перед ним

Это — начало задуманного стихотворения, относящегося к 1841 г.

«Ты помнишь ли, как мы с тобою» (стр. 130).

Печатается по «Отеч. запискам» 1842 г., т. XXI, № 3, стр. 203, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Предположительно датируется 1841 годом. Судя по деталям пейзажа, оно написано на юге (скорее всего — в Геленджике).

«Не плачь, не плачь, мое дитя» (стр. 131).

Печатается по «Отеч. запискам» 1843 г., т. XXVIII, № 6, стр. 193, где появилось впервые.

Автограф не найден.

Датируется предположительно 1841 годом. Судя по ст. 5 («И мало ль в Грузии у нас») написано на Кавказе. Частично совпадает с первым монологом «Демона»: ср. «Не плачь, дитя, не плачь напрасно», «Не оденит тоски твоей».

«Они любили друг друга» (стр. 132).

Печатается по беловому автографу в записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским (л. 15). Там же — два черновых автографа (карандашом и чернилами).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXXI, № 12, стр. 317.

Варианты автографов.

1. Они любили друг друга так нежно
2. а) С такой глубокой и страстной тоскою
б) С тоской глубокой и страстью мятежной
3. а) <Но друг на друга враждебно>
б) Но как враги друг друга боялись
в) » » » боялись встречи

- г) Но как враги опасались встречи
- д) » » » все боялись желанней
- 4. а) И были речи их пусты и хладны
- б) И были пусты и хладны их речи
- 5 — 8. Они расстались и только порою
 Во сне друг друга видали — но скоро
 <Взяла их смерть... и все объяснилось на небе>
 Им смерть настала... они повстречались в небе —
 И что ж? друг друга они не узнали.
- 5. Они расстались в безмолвном страданье
- 6. а) И <только> лишь во сне друг друга видали
- б) И милый образ во сне лишь видали
- 7. а) И смерть <пришла> настала и с нею свиданье
- б) И смерть пришла и за гробом свиданье
- в) Настала смерть им и их ожидало свиданье
- г) Но смерть пришла, им настало свиданье
- 8. а) Но там друг друга они не узнали
- б) И что ж » » » » »

Стихотворение представляет собой перевод и вместе с тем переделку стихотворения Гейне «*Sie liebten sich beide*». Обилие вариантов показывает, что Лермонтов много работал над этой вещью, и особенно над заключительными строками.

Сохранив количество строк оригинала, он увеличил длину каждой, заменив трехударный стих Гейне («*Sie liebten sich beide, doch keiner*») четырехударным (вместо 7—9 слогов немецкого стиха — 14 слогов русского). Сжатый, лишенный эпитетов, почти схематический текст Гейне окрашен у Лермонтова патетикой.

У Гейне нет выражений «так долго и нежно», «с тоской глубокой и страстью безумно-мятежной», «безмолвного и гордого страданья». Вообще, вторые половины Лермонтовских строк не имеют аналогий в оригинале. Что касается конца стихотворения, то он сделан Лермонтовым совершенно самостоятельно. У Гейне стихотворение кончается тем, что влюбленные уже умерли, но вряд ли знают об этом («*Sie waren längst gestorben, Und wussten es selber kaum*»). Лермонтов, усилив эмоциональное напряжение темы, разрешает ее гораздо более трагически. Из вариантов заключительных строк видно, что сначала у него был проект благополучного, умиротворяющего финала — «и все объяснилось на небе»; но вместо него сейчас же явился другой — «друг друга они не узнали».

Приводим подлинник:

Sie liebten sich beide, doch keiner
 Wollt'es dem andern gestehn;
 Sie sahen sich an so feindlich,
 Und wollten vor Liebe vergehn.

Поэту Лермонтову.
дастись съ моя старая
и любимая книга съ твоимъ
автографомъ возвращенна
мнѣ ее самъ, и въ
нѣсколько дней. В. Ф. Одоевскій

1841.
Апрѣль 13го
Спбур.

1920 г. — Буря

Съ книга покойнаго Лермонтова
возвращена мнѣ Екимовъ Екимъ.
Внѣшн. Кошмановъ — 30го Января
1848го года — В. Ф. О.

Sie trennten sich endlich und sah'n sich
Nur noch zuweilen im Traum;
Sie waren längst gestorben,
Und wussten es selber kaum.

L'Attente (стр. 133).

Печатается по автографу в письме от 10 мая 1841 г. (из Ставрополя) к С. Н. Карамзиной (ИРЛИ), впервые напечатанном в «Литературном наследстве», № 19—21, 1935, стр. 514.

В записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским, есть другой автограф (карандашом, л. 10 об.), без заглавия и с вариантом в ст. 5: «bouleau» вместо «saule». По этому автографу было напечатано впервые в «Русской старине» 1887 г., № 5, стр. 405—406 и № 12, стр. 735—736.

Считалось, что стихотворение это обращено к французской поэтессе Оммер де-Гелль (родилась в 1815 г.) — авантюристке, жене французского консула в Одессе, жившей с конца тридцатых годов в России. Об отношении Лермонтова и Оммер де-Гелль существуют статьи П. П. Вяземского («Русский архив» 1887, № 9, стр. 129—142) и П. Мартынова («Исторический вестник» 1893, № 12, стр. 833—856; перепечатано в его книге «Дела и люди века», т. II, 1893, стр. 158—188). В недавнее время вышли «Письма и записки» Оммер де-Гелль (под ред. М. М. Чистяковой, «Academia», 1933 г.). Однако в последнее время весь материал, опубликованный П. П. Вяземским и оставшийся в его архиве, заподозрен как мистификация. Убедительно обосновывал эти подозрения доклад Н. О. Лернера, прочитанный в 1934 г. в ИРЛИ. Статья П. Попова в «Новом мире», 1935, № 3, окончательно доказала, что вся история отношений Лермонтова и Оммер де-Гелль выдумана П. П. Вяземским.

Стихотворение «L'Attente», посланное Лермонтовым С. Н. Карамзиной из Ставрополя 10 мая 1841 г., было написано по дороге на юг и не имеет никакого отношения к Оммер де-Гелль.

П. П. Вяземский в своей статье напечатал другой текст этого стихотворения — как первоначальную его редакцию, озаглавленную «A madame Hommaire de Hell» и помеченную: «Mischor. 28 Octobre 1840». Это тоже мистификация. В октябре 1840 г. Лермонтов участвовал в походе против горцев (см. комментарий к стихотворению «Я к вам пишу») и не мог быть в Крыму.

Перевод:

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в угрюмой долине. Вдали, вижу, белеет призрак,
призрак, который тихо приближается. — Но нет! обманчива надежда! то старая ива колеблет свой сухой и блестящий ствол.

Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь: мне кажется, что я слышу звук легких шагов по дороге. Нет, не то! это лист шумит во мху, поднимаемый ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном... Вдруг я вздрагиваю и просыпаюсь: ее голос шепчет мне на ухо, ее уста целуют мой лоб.

Тамара (стр. 134).

Печатается по беловому автографу в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским, лл. 16—17. Там же — черновой автограф (карандашом), с обратной стороны, л. 6.

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXVII, № 4, стр. 229—230.

Варианты автографов.

- 3. Высокая
- 4. <Стояла>
- 5. В той башне а) высокой
6) зубчатой
в) угрюмой
г) старинной
- 9. На башне в сумраке ночи
- 10. а) Горел
6) Сверкал
- 11. — — путникам
- 12. а) И звал он
6) Манил их
- 13. И слышен был
- 15. — — — а) могучие
6) волшебные
- 21. — брачной
- 25. Встречались
- 30. — — буйных
- 32. Иль праздник
- 34. — — — скалам
- 36. — водарялся
- 38. Кипя и сверкал бежал
- 41. И <с воем> чье-то
- 45. Так нежно казалось
- 46. И сладко так

«Тамара» — типичный образец баллады, завершающий собою кавказские романтические и демонические мотивы Лермонтова. Возникает вопрос, пользовался ли он здесь какой-нибудь местной легендой. Образ исторической царицы Тамары (конец XII века — начало XIII века), которую воспел грузинский поэт Шота Руставели в поэме «Носящий барсову шкуру» (ср. у Полонского, «Тамара и певец ее Шота Руставель» и «Над развалинами в Имеретии»), не имеет ничего общего с Лермонтовской: это вонпельница, красавица в шлеме и кольчуге, побе-

Замок Тамары
С рисунка Г. Гагарина
Гос. Русский музей в Ленинграде

жающая врагов, и «святая», согласно легенде, исцеляющая людей чудесными средствами и исторгающая у диких зверей слезы.

В 1897 г. в газете «Россия и Азия» (пробный номер от 7 октября, стр. 6) появилась статья А. Грена «В горах Душетского уезда (странницы из моих путевых записок)», в которой приводится легенда, рассказанная местным возница-армянином:

«Там, в Дарьяльском ущелье, говорил мой горбатый возница, торчит над Терском старая, престарая башня. Когда еще царил в Грузии великая Тамара, у нее была развратная, беспутная сестра. Много с ней возилась царица, но наконец, боясь срама, заперла ее в Дарьяльскую башню. Кто бы ни проходил по ущелью, все и тут стали зываться негодницей в крепость, а потом ее несчастных убивали, и поныне их души носятся вереницей по ущелью Дарьяла, а когда там воеет ветер в Девдоракском ущелье, — это стонут и плачут о своих грехах замученные б. дн. Кавказа. Я сейчас понял, что тут дело идет о той легенде, которую когда-то слышал Лермонтов и изложил ее стихами. Очевидно, только он ее не понял или передал по-своему».

Вслед за этим в газете «Кавказ» появились две статьи А. Веселовского, специально посвященные вопросу о легендах Лермонтовской баллады: «Царица Тамара в легенде и у Лермонтова» («Кавказ» 1898 г., № 6) и «Легенда о Тамаре» («Кавказ», 1898 г., № 66). Он указывает на две французские книги о Кавказе, в которых приводится легенда о княжне Дарье, совпадающая с Лермонтовской трактовкой: Gamba, «Voyage dans la Russie méridionale» (Paris, II, 1816, стр. 21—22) и Du bois de Montpéroux, «Voyage autour de Caucase» (Paris, IV, 1840, стр. 305). В первой говорится:

«Если верить местному преданию, Дарьяльский замок принадлежал в средние века какой-то княжне Дарье, которая взимала со всех путников огромную мзду, а тех, кто ей нравился, задерживала, чтобы разделить с нею ложе, и приказывала бросать в Терек любовников, которыми она была недовольна».

Во второй тоже упоминается об этой легенде (с ссылкой на Gamba), но с некоторым недоверием, основанным на том, что имя княжны Дарьи не упоминается в грузинских летописях. Веселовский приходит к выводу, что Лермонтов знал легенду о княжне Дарье, но заменил имя Дарья именем Тамара.

Более вероятно, что с именем Тамары (как это обычно в фольклоре) соединялись легенды и предания разного происхождения, так что замена была сделана не Лермонтовым, а самими сказателями и сказителями легенд. Так думает А. С. Хаханов («Очерки по истории грузинской словесности», 1895, вып. I, стр. 61):

«Нет сомнения, что популярной царице приписали на Кавказе много черт, ей несвойственных, и не мало деяний и построений, относящихся к разным эпохам и лицам. Разнохарактерные

наслоения, сочетания противоречивых между собою качеств отразились и на известном стихотворении Лермонтова, который, вероятно, согласно с народным преданием, говорит, что Тамара «прекрасна, как ангел несесный, как демон коварна и зла».

Княжна Дарья, о которой рассказывает Gamba, — лицо мифическое; легенда о ней позднего происхождения и возникла, вероятно, в связи с названием Дарьяльского ущелья (Дарьял—Дарья) и имеющимся там старинным замком. Так как в Грузии постройка всех замков приписывается царице Тамаре, то включение этой легенды в цикл легенд о Тамаре вполне естественно.

Во всяком случае, легенда, сходная с балладой Лермонтова, существовала на Кавказе. Возможно, что Лермонтов, всегда интересовавшийся Кавказом, узнал о ней впервые из тех французских книг, которые указывает Веселовский. Автор первой из них, Gamba, упоминается самим Лермонтовым в «Герое нашего времени» («Бэла»): «переезд через Крестовую Гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства».

Укажем, наконец, что образ демонической царицы, казнящей своих любовников, был подготовлен «Египетскими ночами» Пушкина.

Свиданье (стр. 136).

Печатается по беловому автографу в записной книжке Лермонтова, подаренной ему В. Одоевским, лл. 18—20. Там же — черновой автограф (карандашом), с обратной стороны, л. 8 об.

Впервые — «Отеч. записки», 1844, т. XXXII, № 1, стр. 198—200.

Варианты автографов.

- 3. — — кипучею
- 9. <Уж> И бродят
- 14. — каменной
- 15. — молодой
- 17. — и тихо думаю
- 26. — у купцов
- 28. Над <крышами> кровлями торчат
- 29. а) И вот <толпой> ногой несмелою.
б) Из бань » »
- 33. И
- 37. Но домик твой с площадкою
- 38. <Я вижу> Заметен
- 49. а) Душа в недоумении
б) Кругом »
- 53—56. Чу, вот шаги бывалые,
Вот шорох — это ты...
Нет, то с ветвей завялые
Посыпались листы.

- 54. Горит мое чело
- 58. Далеких гор
- 62. — душа огнем
- 63. Зато
- 81. а) Как грудь моя
- 6) Пусть » »
- 83. <Уж> Вот близко

П. Висковатов в комментарии к этому стихотворению указывает на его близость к записи, сделанной Лермонтовым на Кавказе в 1837 г.: «Я в Тифлисе у Петр. Г. — ученый татар» и т. д. (см. в томе V). Сходство имеется только в частности (Тифлис, грузинские жены, идущие в баню); но связь между биографическими фактами и «Свиданьем» вероятна. Укажем еще на сюжетную близость «Свиданья» к «Тамани». Эта близость интересна, помимо всего прочего, тем, что «Свиданье» — нечто вроде стиховой новеллы. Вместе с тем «Свиданье» — довольно типичный романс (вроде «Черной шали» Пушкина), ставший очень популярным у заключенных. Сочетание новеллы с романсом придает «Свиданию» особое жанровое своеобразие.

Своеобразно и то, что рассказ о событии и самое движение событий здесь как бы совпадают, превращая стихотворение в драматический монолог (см. об этом, а также подробно о ритмических особенностях «Свиданья» в книге Б. Эйхенбаума «М. Ю. Лермонтов», Л. 1924 г, стр. 117—119).

Отзвуки «Свиданья» имеются в стихах Фета, Ап. Григорьева, Полонского («Затворница», «У двери», — см. статью И. Н. Розанова в сборнике «Венок Лермонтову», М., 1914, стр. 256).

«Дубовый листок оторвался» (стр. 139).

Печатается по автографу в записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским, лл. 10 об. — 11 (с лицевой стороны). Там же — черновой автограф (карандашом), лл. 7 об. — 8 (с обратной стороны).

Впервые — «Отеч. записки», 1843, т. XXVIII, № 6, стр. 193.

В автографе есть заглавие, написанное неясно: может быть «Листок».

Варианты автографов.

- 1. а) Листок молодой
- 6) Зеленый листок
- 2. И в даль укатился; холодною
- 10. Прижался — и просит и молит
- 15 — — — как сына меж листьев широких
- 16. Тебе расскажу я, что видел в пустынях далеких
- 19. И слушать я также не стану твои небылицы
- 22. Я солнцева дочь, для того лишь цвету и блистаю
- 24. — — — омывает <послушное> покорное море

Стихотворение принадлежит к типу пейзажных аллегорий, частых у Лермонтова (ср. «Утес», «Шарус», «На севере диком», «Тучи»). Юношеские аллегории обычно прояснены прямым сравнением. Образ оторванного ветром и гонимого бурей листа появляется у Лермонтова уже в 1829 г. и проходит через всю его поэзию как один из лейт-мотивов. Образ этот, вообще очень распространенный в русской поэзии того времени (Жуковский, Козлов, Давыдов и др.), ведет свое происхождение от стихотворения Арно «De ta tige détachée», переведенного Жуковским (1818 г.):

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок».

У Лермонтова листок отвалился тоже от дуба, сохранен даже эпитет «родимый».

«Ихожу один я на дорогу» (стр. 141).

Печатается по автографу в записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским, л. 11 об. — 12.

Впервые — «Отеч. записки» 1843 г., т. XXVII, № 4, стр. 332.

Варианты автографа.

- 11. — прошу
- 13. — — мертвым, страшным
- 14. Беспробудно я б хотел заснуть
- 17. День и ночь чтоб голос мне отрадный
- 18. — — рассказывал и пел
- 19. И чтоб дуб зеленый и прохладный
- 20. Надо мною

И. М. Болдаков («Сочинения М. Ю. Лермонтова», 1891, т. II, стр. 405—406) сопоставил это стихотворение со стихотворением Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» («Buch der Lieder»). Сходство, действительно, есть:

Der Tod, das ist die kühle Nacht,
Das Leben ist der schwüle Tag.
Es dunkelt schon, mich schläfert,
Der Tag hat mich müd' gemacht.

Über mein Bett erhebt sich ein Baum,
Drin singt die junge Nachtigall;
Sie singt von lauter Liebe,
Ich hör'es sogar im Traum.

(«Смерть — это прохладная ночь, жизнь — это знойный день. Уже темнеет, мне дремлет, день утомил меня. Над моим ложем поднимается дерево, на нем поет молодой соловей; он громко поет о любви, я даже во сне слышу эту песню»). Возможно, что это короткое стихотворение побудило Лермонтова создать свою элегию. Как видно по другим стихотворениям 1841 г., его любимым поэтом в это время был Гейне.

Морская царевна (стр. 142).

Печатается по автографу в записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским, лл. 12, 12 об. и 13 (с лицевой стороны). Впервые — «Отч. Записки» 1843 г., т. XXVIII, № 5, стр. 1—2.

Варианты автографа.

- 27. — как змея, весь покрыт чешуей
- 28. Бьет, замирая, песок золотой

Это — последний вариант «русалочьего» сюжета, проходящего через все творчество Лермонтова и очень популярного в русской поэзии 20—30-х годов (ср. «Русалку» 1836 г.).

Пророк (стр. 144).

Печатается по беловому автографу в записной книге, подаренной Лермонтову В. Одоевским, лл. 13 об. — 14. Там же черновой автограф (карандашом), лл. 2 об. — 3 (с обратной стороны).

Впервые — «Отч. записки» 1844 г., т. XXXII, № 1, стр. 197.

Варианты автографов.

- 3. — глазах
- 7. — — близкие
- 13. — всевышнего
- 18. — — потаенно
- 19. То, слышу, детям говорят
- 20. Отцы с улыбкою надменной

Тема поэта-пророка появляется у Лермонтова в стихотворениях 1837 г. В стихотворении «Поэт» Лермонтов восклицает: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?» В стихотворении «Журналист, чин атель и писатель» слова поэта названы «пророческою речью». Эта тема ведет свое начало, конечно, от Пушкинского «Пророка». Лермонтовский «Пророк» представляет собой как бы продолжение Пушкинского стихотворения и, вместе с тем, своеобразную полемику с ним. Начало («С тех пор, как

вечный судия мне дал всеведение пророка») можно понять как сознательный прием сделать стихотворение как бы второй главой Пушкинского. Пушкин описал превращение в пророка и кончил возгласом к нему: «Восстань, пророк, и виждь и вежди» и т. д. Лермонтов как бы рассказывает дальнейшую судьбу пророка: его бегство из городов в пустыню и насмешки людей при встречах с ним. Таким образом стихотворение можно понимать как пессимистическую парافразу на Пушкинскую тему: оно говорит о разрушении высоких надежд на роль поэта, которые высказаны в Пушкинском «Пророке».

DUBIA

В отделе «Dubia» печатаются стихотворения, приписываемые Лермонтову и существующие либо в чужих записях, либо в переводе, а именно: баллада «Югельский барон», серия пятигорских экспромтов, три стихотворения, продиктованные на память Н. Ф. Щербине, и стихотворение «Le blessé», известное только по переводу А. Дюма.

Наиболее достоверное из этих стихотворений, и по принадлежности Лермонтову и по тексту, — «Югельский барон»; все остальные недостоверны по тексту, но они не могут принадлежать никакому другому поэту, как это неоднократно было с другими стихотворениями, которые приписывались Лермонтову (см. в Академическом издании Лермонтова, т. V, стр. 241—242).

В Академическом издании Лермонтова напечатано стихотворение «Когда стою под древним сводом храма» с ссылкой на автограф, факсимиле которого воспроизведено в журнале «Север», 1912, № 1 (т. V, стр. 239, отдел «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в собрание его сочинений»). Это ошибка: рукопись, воспроизведенная в «Севере», не имеет ничего общего с почерком Лермонтова.

Что касается стихотворений, известных лишь в переводе немецкого поэта Ф. Боденштедта,¹ то мы не вводим их в собрание сочинений Лермонтова, потому что они представляют собой вовсе не переводы с каких-нибудь определенных подлинников, а вариации самого Боденштедта на Лермонтовские темы. Это совершенно ясно вытекает из слов Боденштедта, писавшего П. А. Висковатову: «Манускрипт эпиграмм Лермонтова я вам прислать не могу, ибо в той форме, в какой я их написал, на русском языке их вовсе не существовало. История их возникновения следующая: когда я прибыл в Тифлис,² мною уже были переведены и напечатаны «Мцыри» и многие из стихотворений

¹ «Michail Lermontoff's poetischer Nachlass», Berlin, 1832.

² С Лермонтовым Боденштедт познакомился в Москве весной 1841 г., а в Тифлис он поехал в 1843 г.

Лермонтова. Я познакомился с некоторыми близкими к поэту людьми... Интимнее всех с ним был, кажется, Глебов, хранивший несколько писем Лермонтова со многими в них стихотворными набросками, свидетельствовавшими о полном доверии к нему поэта, потому что в них были изречения, которые, сделавшись известными, могли бы иметь серьезные последствия. Глебов из рук их не выдавал, но в интимных кружках секрета из них не делал. Что из стихотворений этих удержалось в памяти моей (копий с них я не снял), то я и передал в моих «Размышлениях» и «Набросках», в весьма смягченной и опозитивированной форме. Пьесы эти передают сокровенные думы поэта, но за форму ответствен только один я...» («Сочинения М. Ю. Лермонтова» под ред. П. А. Висковатова, т. I, М., 1889, стр. 349.)

Югельский барон (стр. 149).

Печатается по книге: «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой», М., 1844, стр. 193—195, где напечатано впервые. Под заглавием пометка В. Н. Анненковой: «Начало Лермонтова» до знака — конец мой».

Эта шуточная баллада адресована Александре Михайловне Верещагиной, двоюродной сестре и близкой приятельнице Лермонтова (см. о ней в «Записках» Е. А. Сушковой). В 1841 г. она вышла замуж за вюртембергского посланника при русском дворе — барона Гюгеля (от его фамилии и образовано название баллады). К этому году относится, очевидно, и баллада.

Варвара Николаевна Анненкова (1795—1866) — поэтесса, сестра Н. Н. Анненкова, командира Измайловского полка, женой которого была В. И. Бухарина (см. в томе I эпиграмму Лермонтова «Бухариной» 1831 г.). С ним Лермонтов виделся в Москве в апреле 1841 г. — перед отъездом на Кавказ (см. в томе V письмо к Е. А. Арсеньевой). По свидетельству Анненковой баллада написана Лермонтовым кончая словами «Не изменит нигде»; далее идут ее стихи:

ей, как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!... снегов в стороне, будет верною мне!
Паж невольно барону внимал
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!

Баллада написана в виде пародии на балладу Жуковского «Смальгольмский барон» («До рассвета поднявшись, коня оседлал»).

В сборнике В. Н. Анненковой есть стихотворения, связанные с гибелью Лермонтова: «К памяти Лермонтова» (стр. 86—87), «К Е. А. Арсеньевой» (стр. 224) и «К М. Ю. Лермонтову» (стр. 225).

[Экспромты 1841 г.]

«Очарователем Кавказский наш Монок» (стр. 151).

Напечатано в книге П. К. Мартыанова — «Дела и люди века», т. II, СПб. 1893, стр. 33, с примечанием: «Сообщено поручиком Куликовским, исправлявшим в 1870 году должность пятигорского воинского начальника». П. К. Мартыанов в 1870 г. был в Пятигорске и собирал от лиц, знавших Лермонтова, сведения и материалы о последних днях его жизни.

Мартыанов, описывая жизнь в Пятигорске того времени, указывает, ссылаясь на Н. П. Раевского («Нива» 1885 г., №№ 7 и 8) и на В. И. Чилева, с которым беседовал лично, и сообщает, что «на одной из пирушек Лермонтов охарактеризовал Пятигорск в следующем экспромте» [следует текст].

«Когда лежковерен и молод я был» (стр. 151).

Напечатано в воспоминаниях Толычевой, «Исторические рассказы, анекдоты и мелочи» («Русский архив», 1877, № 2, стр. 263). Записано со слов В. М. Голицына.

Толыцова пишет: «Когда Лермонтов жил на Кавказе, кружок его приятелей собрался раз на вечер, если не ошибаюсь к князю Валерьяну Михайловичу Голицыну. Но поэт не являя, и его отсутствие начинало беспокоить общество, тем более, что один из гостей слышал, будто Лермонтов попал в неприятную историю. Пока шла речь о том, чтобы навести справки, хозяину дома подали, от имени Михаила Юрьевича, записку следующего содержания» [следует текст].

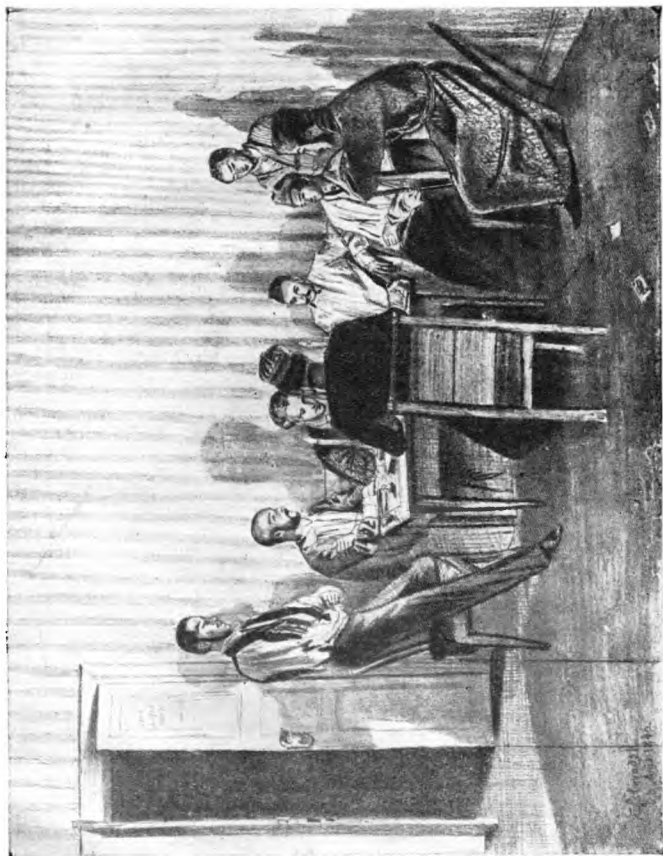
Стихотворение представляет собой пародию на «Черную шаль» Пушкина.

Валерьян Михайлович Голицын (1803—1859) — декабрист, сосланный на Кавказ.

«В игре, как лев, силен» (стр. 151), *«Милый Глебов»* (стр. 152), *«Скинь бешмет свой»* (стр. 152), *«Смело в пире жизни надоб»* (стр. 152).

Эти экспромты напечатаны в книге П. К. Мартыанова — «Дела и люди века», II, СПб. 1893 г., стр. 46—48 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», первоначально появившаяся в «Историческом вестнике» 1892 г., №№ 2—4).

Описывая образ жизни Лермонтова и его знакомых в Пятигорске в 1841 г., Мартыанов рассказывает об увлечении карточной игрой, в которой принимал участие и Лермонтов. Мартыанов приводит большую запись об одном вечере, сделанную В. И. Чилевым, бывшим в начале сороковых годов младшим адъютантом Пятигорского комендантского управления и его доме Лермонтов жил в 1841 г.), и говорит, что «около полуночи банк метал подполковник Лев Сергеевич Пушкин, младший брат поэта А. С. Пушкина, бывший в то время на водах. Проиграв ему несколько

Группа в Кисловодске
С рисунка Г. Ггарина
Гос. Русский музей в Ленинграде

ставок, Лермонтов вышел на балкон, где сидели в то время не игравшие в карты, князь Владимир Сергеевич Голицын, с которым еще поэт не расходился в то время, князь Сергей Васильевич Трубецкой, Сергей Дмитриевич Безобразов, доктор Барклай-де-Толли, Глебов и др., перекинулся с ними несколькими словами, закурил трубку и, подойдя к Столыпину, сказал ему: «достань, пожалуйста, из шкатулки старый бумажник!» Столыпин подал. Лермонтов взял новую колоду карт, стасовал и, выбросив одну, накрыл ее бумажником и с увлечением продекламировал: следует текст]. Все маленькое общество, бывшее в тот вечер у Лермонтова, заинтересовалось ставкой и окружило стол. Возгласы умолкли, все с напряженным вниманием следили и ждали выхода туза. Банкомет медленно и неуверенно метал, Лермонтов курил трубку и пускал большие клубы дыма. Наконец, возглас «бита!» разрешил состязание в пользу Пушкина. Лермонтов махнул рукой и, засмеявшись, сказал: «Ну, так я, значит, в дуэли счастлив!» Несколько мгновений продолжалось молчание, никто не нашелся сказать двух слов по поводу легкомысленной коварности черного туза, только Мартынов, обратившись к Пушкину и ударив его по плечу рукой, воскликнул: «счастливчик!» Между тем Михаил Юрьевич, сняв с карты бумажник, спросил банкмета: «сколько в банке?» и пока тот подсчитывал банк, он стал отпирать бумажник. Это был старый сафьянный коричневого цвета бумажник, с серебряным в полуполтинник замком с нарезным на нем циферблатом до десяти цифр, на одну из которых, по желанию, замок запирался. Повернув раза два-три механизм замка и видя, что он не отпирается, Лермонтов с досадой вырвал клапан, на котором держался запертый в замке стержень, вынул деньги, швырнул бумажник под диван¹ и, поручив Столыпину рассчитывать с банкометом, вышел к гостям, не игравшим в карты, на балкон. Игра еще некоторое время продолжалась, но как-то неохотно и вяло, и скоро прекратилась со всем. Стал переходить стол. Лермонтов, как ни в чем не бывало, был весел, перескакивал от одной группы гостей к другой, шутил, смеялся и острил. Подойдя к Глебову, сидевшему в кабинете в раздумье, он сказал: [следует текст]. А Мартынова, жаловавшегося на жару, подарил таким экспромтом: [следует текст]. Когда же за стол, князь С. В. Трубецкой повел разговор на тему «о пире жизни» и высказал мысль, что пир этот надо уметь продолжить как можно дольше и окончить, когда вино все будет выпито. Лермонтов покрутил ус и ответил на это: [следует текст].»

Глебов, к которому обращен второй из этих экспромтов, — Михаил Павлович Глебов, бывший секундантом Мартынова на его дуэли с Лермонтовым. (См. о нем у М. Н. Лонгинова —

¹ Этот бумажник П. К. Мартынов передал в 1892 г. в Лермонтовский музей. В настоящее время он хранится в Музее ИРЛИ (Ленинград).

«Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках» в «Русской старине», 1873, № 3, стр. 386—387.)

Надя — Надежда Петровна Верзилина (см. ниже).

«Мартыш», к которому обращен третий экспромт, — Николай Соломонович Мартынов (1815—1875), убивший Лермонтова на дуэли. Мартыновы были соседями Е. А. Арсеньевой по имению в Пензенской губ. Лермонтов с юности был знаком с семьей Мартыновых (ср. мадригал к его сестре на маскарадном балу под новый 1832 г.) и в 1837 г. ухаживал за его сестрой, Натальей Соломоновной. Ссора Лермонтова с Мартыновым относится, по рассказам некоторых современников, еще к 1837 г., когда Лермонтов ехал на Кавказ и вез бывшему там Мартынову пакет от его семьи, в котором были деньги и дневник сестры. Заинтересованный содержанием пакета, Лермонтов распечатал его, а по приезде, отдав деньги, сказал, что его обокрали в дороге. Впоследствии Мартынов узнал истину.

В 1841 г. Мартынов вышел в отставку и в конце апреля приехал в Пятигорск «для пользования водами». В начале июня туда же приехал Лермонтов. Мартынов славился франтовством; он ходил всегда в щегольской черкеске, с кинжалом за поясом. Лермонтов дразнил его за это и называл «le sauvage au grand poignard»¹ или «montagnard au grand poignard»² или просто «monsieur le poignard».³ «Мартыш» или «мартышка» — тоже кличка, которую Лермонтов дал ему.

Биографические сведения о Н. С. Мартынове, а также его литературные произведения (стихи и рассказы) напечатаны в книге С. Панчулидзева, «Биографии кавалергардов» (СПб., 1908, стр. 98—103) и в «Материалах для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых» А. Н. Нардова (Тамбов, 1904, стр. 111—187). Кроме того о Мартынове см.: «Русский архив» 1893 г., № 8, стр. 585—613; «Русское обозрение» 1898 г., № 1, стр. 313—326; «Новое время» 1913 г., № 13550 (30 ноября).

«Он прав! Наш друг Мартыш» (стр. 152).

Напечатано в книге П. К. Мартыанова «Дела и люди века», II, СПб, 1893, стр. 67 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

По поводу этого экспромта Мартынов сообщает: «Раз, в казино, по рассказу Куликовского, после игры молодежь ужинала. Разговор коснулся Мартынова. Кто-то из кавказцев в защиту его какой-то неловкости заметил: «ну, что вы хотите, господа, ведь он не Соломон же у нас». Лермонтов не выдержал, встал со стула и сказал внушительно: [следует текст]. Неистовое

¹ Дикарь с большим кинжалом.

² Горец с большим кинжалом.

³ Господин кинжал.

«браво, браво! Михаил Юрьевич!» покрыло эту характеристику отсутствовавшего соперника».

«*Велик князь Ксандр*», (стр. 153) и «*Наш князь Василь*» (стр. 153).

Эти экспромты напечатаны в книге П. К. Мартынова «*Дела и люди века*», II, СПб, 1893, стр. 61 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

Оба экспромта написаны на князя Александра Иларионовича Васильчикова (1818—1881). Окончив в 1839 г. Петербургский университет по юридическому факультету, Васильчиков был командирован на Кавказ. Впоследствии он был земским деятелем и написал несколько работ, из которых особенно известны книги: «О самоуправлении» (1869—1871, 3 тома) и «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881).

Васильчиков был секундантом на дуэли Лермонтова с Мартыновым; он рассказал о ней в статье «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» («Русский архив», 1872. № 1), написанной, главным образом, с целью оправдания Мартынова.

О поводах к экспромтам Лермонтова по адресу А. И. Васильчикова сообщает П. К. Мартынов со слов В. И. Чилиева. Васильчиков, зная силу сарказма Лермонтова, первоначально ухаживал за ним, часто бывал у него и с ним на прогулках и в гостининых общих знакомых, выслушивал, не обижаясь, от него всевозможные шутки, остроты и замечания, отшучиваясь в свою очередь, как господь бог положит на душу. Но с конца июня он вдруг перешел в тот лагерь, где враждебно смотрели на поэта. Внешние отношения оставались, конечно, те же, но близкая товарищеская связь была порвана. «Князь Ксандр» сделался молчалив, угрюмо вежлив и сдержан, частые беседы прекратились, на Верзилинские и другие вечера он стал приходить изредка и не надолго, как будто только для того, чтобы не было повода сказать, что светские отношения нарушены. Лермонтов все это видел и бросал ему в глаза клички: «Дон-Кихот езуитизма», «князь-пустельга», «дипломат не у дел», «мученик фавора» и др. Из стихотворных эпиграмм на него записаны В. И. Чилиевым две: одна, сказанная Лермонтовым на бульваре, как-то вечером, когда луна светила ярко и тень князя Васильчикова в шинели и шляпе, беседовавшего с каким-то питерским стариком, длинной полосой ложилась на песок площадки. Молодежь вышла из «казино» Найдати и столпилась на крылечке. Лермонтов указал рукою на «мученика фавора» и сказал: [следует текст]. Другая написана была мелом на карточном столе, когда «умник» сказал какое-то энергичное слово: [следует текст].

«*Слишком месяц у Мерлини*» (стр. 153).

Напечатано в книге П. К. Мартынова «*Дела и люди века*», II, СПб, 1893, стр. 67—68 (статья «Последние дни жизни

поэта М. Ю. Лермонтова»). Записано В. И. Чилевым со слов М. П. Глебова.

Екатерина Ивановна Мерлини — вдова генерала С. Д. Мерлини, служившего на Кавказе (умер в 1833 г.). Супруги Мерлини фигурируют в плане задуманного Пушкиным в 1831 г. «Романа на Кавказских водах». Комментируя это место плана, Н. В. Измайлов пишет: «Положение четы Мерлини в Горячеводском [Пятигорском] обществе было видно и значительно и таким сохранялось и в 1830—1840-х годах, когда салон Е. И. Мерлини стал одним из центров светской жизни на водах. Имя ее мелькает в воспоминаниях многих лиц, посещавших Кавказские воды; в спутанном круге рассказов, легенд и сплетен, окутывающих последние дни жизни Лермонтова, генеральша Мерлини играет значительную роль — аналогичную, до известной степени, роли графини Нессельроде в последней дуэли Пушкина: говорится о руководимой ею интриге, о кружке «мерлинистов», задавшемся целью погубить Лермонтова, и проч».

Княгиня, о которой говорится в этом экспромте, — Эрстова, поссорившаяся с Мерлини из-за некоего Пьера Волкова.

«Шотландка» (или «Каррас») — немецкая колония в 7 верстах от Пятигорска, по дороге в Железноводск. Здесь был ресторан немки Рошке, в котором часто собиралась пятигорская молодежь. В этом самом ресторане Лермонтов обедал с М. П. Глебовым перед дуэлью, по дороге из Железноводска в Пятигорск.

«Куда, седой прелюбодей» (стр. 154).

Напечатано в «Ниве» 1885 г., № 8, стр. 186 (В. Желиховской со слов Н. П. Раевского).

Экспромт обращен к полковнику Александру Манзею, который был прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску (см. «С.-Петербургские ведомости», 1840, № 42; ср. «Кавказ» 1854 г., № 41).

«За девицей Emilie» (стр. 154).

Печатается по копии П. И. Бартенева в его письме к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г. (ИРЛИ). Напечатано с некоторыми изменениями в книге П. А. Висковатова — «М. Ю. Лермонтов», М., 1891, стр. 397.

В этом экспромте Лермонтов говорит о трех дочерях М. И. Верзилиной, жены кавказского генерала П. С. Верзилина, бывшей до того замужем за полковником А. Клингенбергом. Первая, Эмилия, была дочерью от первого брака, две другие, Надежда и Аграфена, — от второго.

Эмилия Александровна Клингенберг (1815—1891) славилась в Пятигорске своей красотой и именем аристократки «розы Кавказа». Впосле ствии она вышла замуж за А. П. Шан-Гирея, двоюродного брата Лермонтова и близкого его друга. Ей принадлежит несколько статей о Лермонтове («Новое время», 1881, № 1938;

Сестры Верзилины
С рис. Г. Гагарина
Гос. Русский музей в Ленинграде

«Исторический вестник», 1881 г., № 10; «Нива», 1885, № 27; «Русский архив», 1897, № 11; «Русский архив», 1889, №№ 6 и 12; «Новое время», 1889, № 4781; «Русское обозрение», 1890, № 4; «Маяк» 1891, № 36; «Север», 1891, № 12).

Приводя этот экспромт, П. К. Мартыянов пишет: «Лермонтов успевал быть везде и всюду, но вечера предпочтительно проводил у Верзилиных. Дочери Петра Семеновича (падчерица Эмилия, по молве, тоже считалась его дочерью) славилась своей красотой... Аграфена Петровна была уже помолвлена за ногойского пристава Дикова, а Эмилия и Надежда, в особенности первая, считавшаяся «розой Ка каза» и «царицей вод», развлекали и увлекали толпившуюся в их гостиной молодежь... Здесь [в доме Верзилиных] началась драма, и здесь разыгралась она таким печальным эпизодом, как вызов на дуэль». («Дела и люди века», II, СПб, 1893, стр. 63-64).

«Он метил в умники» (стр. 154).

Напечатано в книге П. К. Мартыянова — «Дела и люди века», II, СПб, 1893, стр. 68 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

Приводя эти две строки вслед за предыдущим экспромтом, Мартыянов сообщает (со слов В. И. Чилева): «Особенно смеялась Марья Ивановна Верзилина, когда он [Лермонтов] рассказывал ей о каком то калужском помещике, который привез на воды трех дочерей, с целью выдать их замуж за кавказских офицеров, и, не найдя им женихов, бросил их и уехал домой один. Рассказ этот Михаил Юрьевич закончил так» [следует текст].

«Зачем, о счастии мечтаю» (стр. 154).

Напечатано в книге П. К. Мартыянова — «Дела и люди века», II, СПб, 1893, стр. 69 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

В экспромте говорится об Эмилии Александровне Клингенберг (впоследствии Шан-Гирей — см комментарий к экспромту «За девицей Emilie»). В своих воспоминаниях Э. А. пишет о Лермонтове: «Он не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие me taquiner. Я отделялась как могла, то шуткою, то молчаньем, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец это мне надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое. Повидимому, игра эта его забавляла просто от нечего делать, и он не переставал меня злить». («Русский архив», 1889, № 6.)

«Надежда Петровна, зачем так неровно» (стр. 155).

Текст этого экспромта приводится в воспоминаниях по-разному. Мы печатаем по «Русскому обозрению», № 4, стр. 708, хотя

в этой редакции ст. 3 остается без рифмы. В «Ниве» 1885 г., № 7 (рассказ Н. П. Раевского, записанный В. Желиховской) текст экспромта следующий:

Надежда Петровна
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд
И букли назад?
Платочек небрежно
Под шейкою нежной
Завязан узлом...
Прошел мой Монго потом.

В воспоминаниях К. И. Карпова, записанных С. Филипповым («Русская мысль» 1890 г., № 12), текст первых четырех строк такой же, а затем следует:

На шейке лежит
Платочек неровно,
На поясе нож...

Экспромт обращен к Надежде Петровне Верзилиной — той самой, о которой было упомянуто в экспромте М. П. Глебову («Но на Наде, Христа ради, не женись»). К. И. Карпов рассказывает: «В семействе генеральши Верзилиной, кроме двух уже взрослых дочерей, имелась еще третья, Надя. Это был подросточек, не достигший еще и шестнадцатилетнего возраста... Она очаровывала всю молодежь, но больше всех за нею ухаживал красавец Мартынов, которому и она, повидимому, оказывала особое предпочтение. Конечно, такое внимание не нравилось Лермонтову и он бесил своего товарища всевозможными остротами, всегда стараясь, чтобы их слышали все и преимущественно Надя. Девочка, заинтересованная Мартыновым, сейчас же после этого почувствовала нерасположение к Михаилу Юрьевичу, стала уклоняться от разговоров с ним, избегать его и его любезностей. Последний еще сильнее начал нападать на Мартынова и становился все изобретательнее и злее в своих остротах. Они все больше и больше переходили в простые насмешки. Этот разлад между приятелями не остался незамеченным. Хозяйка дома, Марья Ивановна, точас же приняла некоторые меры: раз как-то на вечере она отозвала Надю в свою спальню и заметила ей, что она неровно себя держит среди молодежи и в особенности с Лермонтовым. Барышня, разумеется, сейчас же расплакалась и даже не хотела более выходить в залу. Марья Ивановна, однако, настояла, чтобы она не капризничала и шла, так как ее внезапное долгое отсутствие покажется всем странным и неприличным. Наскоро умывшись, оправившись и немного успокоившись, Надя решилась выйти. Выходя, она прицепила к своему поясу маленький кинжал-игрушку в мали-

новой оправе с серебром. Глазки ее еще не совсем высохли от слез, а курчавая головка, наскоро причесанная, хранила следы поспешного туалета. Надя вышла решительно, с надувшимися, сердитым лицом. Вместе с кинжалом это выражение могло показаться комически-воинственным и очень, разумеется, шло к хорошенькой девушке. От Лермонтова оно не могло укрыться и он, заметив перемену в ее настроении, тотчас же предложил написать экспромт, такой, как выразился он, который бы приличествовал серьезности расположения Надежды Петровны. Подойдя с нею к ломберному столу, поэт, не задумываясь, начертил мелком на сукне:

Надежда Петровна,
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд
И букли назад?
На шейке лежит
Платочек неровно,
На поясе нож...

Шутка, очевидно, развеселила Надю, и она быстро отпарировала последнюю строчку:

— Зачем на поясе нож? Извольте, сейчас скажу: затем, чтоб заколоть каждого, кому не нравлюсь, и, главное, того демона, который захочет возмутить наш покой!..

Фраза о демоне, конечно, назначалась Лермонтову. Он пришел в положительный восторг и в ту же минуту воскликнул:

— Надежда Петровна, да вы совершеннейшая прелесть! Но что-нибудь из двух: убейте меня, если я кажусь противным, или Мартынова, потому что он мешает мне боготворить вас!

Девушка с хохотом вскочила с своего места и приняла театрально-величавую позу.

— Хорошо, я посмотрю еще!.. Но знайте: тот, который провинится первый, расплатится своею жизнью!..

Раздался всеобщий смех многочисленных гостей. Со всех сторон послышалось: «Браво! браво, Надежда Петровна!» Шум и хохот не позволяли ничего путем расслышать; молодежь окружила Надю, и всем стало необыкновенно весело. Лермонтов тоже встал со стула и, сложив крестообразно руки на груди, произнес шутливо-покорным тоном:

— Предаю дух мой и себя самого вашему милосердию и справедливости... Карайте, карайте меня, если я кажусь виновником вашего беспокойства?»

«Мои, друзья вчерашние, (стр. 155) и «Им жизнь нужна моя» (стр. 155).

Напечатано в книге П. К. Мартынова — «Дела и люди века», П., СПб. 1893, стр. 77 и 87 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

Рассказывая со слов В. И. Чилева о последних днях перед дуэлью, Мартынов описывает разговор пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова с Лермонтовым и А. А. Столыпиным, которые явились к нему, чтобы испросить отсрочку для дальнейшего пребывания на водах. Окончив официальный разговор, Ильяшенков «отошел к окну и, поманив к себе рукой Лермонтова, стал тихо, ласково и добродушно говорить с ним.

— А вы не унимаетесь, все такой же беспардонный, — качал головою старик: — ко всем привязываетесь, надо всеми смеетесь, это нехорошо! Посмотрите, сколько врагов вы себе нажили, а ведь это все друзья ваши были.

Лермонтов встрепенулся. Его тронула простая, душевная речь старика, и он ответил ему экспромтом: [следует текст].

Старик расчувствовался, положил руку на плечо поэта и усталым сказал ему:

— Послушайте, Лермонтов, я вас люблю... знаете ли, я часто думаю, если бы у меня был такой сын, я бы вполне был счастлив!.. Я не нарадовался бы на него!.. Ведь вы — такой умница!.. И что же? только дурачитесь... Бросьте все это... ведь они убьют вас!..

Лермонтов саркастически улыбнулся, отступил шаг назад и, подумав немного, с чувством проговорил: [следует текст].

— Нет, уж лучше уезжайте поскорее! — перебил его комендант, — через три дня я жду рапорта. Прощайте! — И старик откланился.

«Ну, вот теперь у вас» (стр. 155).

Напечатано в книге П. К. Мартынова — «Дела и люди века», П, СИБ, 1893, стр. 84 (статья «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»).

Рассказывая со слов В. И. Чилева о роковом вечере 12 июля 1841 г. у Верзилиных (ссора Лермонтова с Мартыновым), Мартынов пишет, что, при прощании «пожимая руки товарищам, он подарил их экспромтом, едва ли не последним в жизни: [следует текст]. Молодежь молча переглянулась. Никто не понял, о каком Миллере и Эмме говорил им Михаил Юрьевич. И только после дуэли, когда схоронили предательски убитого поэта, кто-то, кажется, Дмитриевский, разгадал смысл сказанных им слов. Под именем *Миллер* были скрыты инициалы поэта: *Ми Лер*, а под именем *Эмма* — инициалы Мартынова *М (ЭМ)* а или же инициалы Эмили и Мартынова: *Эм Ма*».

[Три стихотворения].

«Поберю совести», «Винтовка пулю верную послала», «Приветствую тебя я, злое море» (стр. 156).

Эти три стихотворения напечатаны в книге: «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти

покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина», III, СПб. 1858, стр. 356—358. Стихотворениям предпослана заметка: «*Три стихотворения Лермонтова*. (Доставлено Н. Д. С-ым.) Лермонтов умер в 1841 г., на руках офицера, выслужившегося из солдат. При умершем поэте находилась тетрадь стихотворений, сочиненных Лермонтовым и написанных собственной рукой его; тетрадь эта досталась г. Трофимовичу, служившему офицером на Кавказе; в 1844 г., будучи проездом в Харькове, он продиктовал из нее Н. Ф. Щербине столько стихов, сколько помнил наизусть, так как подлинник оставлен был им в Одессе. Вот эти стихи» [следуют тексты].

Le blessé (стр. 158).

Впервые появилось во французском переводе в книге A. Dumas — «*Impressions de voyage. Le Caucase*», II, стр. 266. Русский текст неизвестен.

В главе XXXIX своей книги о путешествии по Кавказу, предпринятом в 1858 г., Дюма приводит написанную для него Е. П. Ростопчиной записку о Лермонтове. В следующей главе («*Citations*») Дюма печатает несколько стихотворений Лермонтова в своем, очень вольном, переводе: «*Дума*» («*La Pensée*»), «*Спор*» («*La Dispute*»), «*Утес*» («*Le Rocher qui pleure*»), «*Тучи*» («*Les Nuages*»), «*Из Гёте*» («*Gornaia-verchina*»), «*Благодарность*» («*Les Mercis*»). Кроме этих известных стихотворений Дюма приводит стихотворение «*Le Blessé*» («*Раненый*»), сопровождая его следующим комментарием: «*Мы выписали из одного альбома следующее стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова. Возможно, что оно составляло часть той последней посылки, которую потерял курьер*». Следует стихотворение «*Le Blessé*», а за ним — стихотворение «*Моя мольба*» («*La Boutade*») 1830 г., со следующим пояснением: «*В том же альбоме было написано четверостишие, которое мы цитируем по памяти*».

Альбом, о котором говорит Дюма, неизвестен. По поводу стихотворения, сообщенного Дюма, П. А. Висковатов пишет: «*Характер стихотворения, пожалуй, и подходит к поэзии Лермонтова, и мы думаем, не есть ли этот перевод только весьма вольное подражание стихотворению Лермонтова «Завещание»*. (Сочинения М. Ю. Лермонтова, 1889, т. I, стр. 358). Предположение Висковатова неправдоподобно: стихотворение, приведенное у Дюма, не имеет ничего общего с «Завещанием».

Даем перевод французского текста: «*Видите ли вы этого раненого, который в судорогах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь в воспоминания, он знает, что забыт*».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. Ю. Лермонтов. — С портрета маслом К. А. Горбунова 1883 г. <i>ИЛИ</i> *	VI—VII
Н. И. Бухаров. — С рисунка неизвестного художника. <i>ИЛИ</i>	6—7
Рисунок А. Долгорукого к стихотворению Лермонтова «Смотрите, как летит...» с автографом поэта. — <i>ИЛИ</i>	8—9
Рисунок Лермонтова карандашом. — <i>Тетрадь рисунков № 22. ИЛИ</i>	12—13
Автограф стихотворения «Смерть поэта». — <i>Гос. Архив феодально-крепостнической эпохи в Москве</i>	16—17
Автопортрет Лермонтова. — С акварели 1837 г. <i>Гос. Третьяковская галлерей</i>	20—21
Автограф стихотворения «Никто моим словам не внимает...» — <i>Гос. Литературный музей в Москве</i>	26—27
Рисунки Лермонтова на обороте автографа стихотворения «Никто моим словам не внимает...» — <i>Гос. Литературный музей в Москве</i>	—
Автограф стихотворения «Слышу ли голос твой...» — <i>Гос. Исторический музей</i>	30—31
М. Ю. Лермонтов. — С акварели К. А. Горбунова 1839 г. <i>ИЛИ</i>	42—43
А. И. Одоевский на Кавказе. — С рисунка неизвестного художника	54—55
М. Ю. Лермонтов. — С рисунка Д. И. Палена 1840 г. <i>ИЛИ</i>	58—59
Автограф стихотворения «И скушно и грустно...» — <i>Гос. Архив феодально-крепостнической эпохи в Москве</i>	60—61
М. А. Щербатова. — С литографии Шертеля. <i>Гос. Музей изобразительных искусств в Москве</i>	64—65
Автограф стихотворения «Журналист, читатель и писатель». <i>ИЛИ</i>	70—71

* *ИЛИ* — Институт Литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

А. К. Воронцова-Дашкова. — С литографии Вагнера 1843 г. <i>Гос. Музей изобразительных искусств в Москве</i>	86—87
С. Н. Карамзина. — С литографии Вагнера 1846 г. <i>Гос. Музей изобразительных искусств в Москве</i> . . .	116—117
Е. П. Ростопчина, урожд. Сушкова. — С картона П. А. Федотова. <i>Гос. Третьяковская галлерей</i>	118—119
Автограф стихотворения «На севере диком...» с карандашным рисунком Лермонтова. — <i>Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина</i>	120—121
Карандашный автограф стихотворения «Спор». — <i>Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина</i> . . .	124—125
Автограф стихотворения «Они любили друг друга...» — <i>Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина</i> . . .	132—133
Автограф стихотворения «К Н. И. Бухарову». — <i>Гос. Архив феодально-крепостнической эпохи в Москве</i> . .	166—167
Автограф стихотворения «Великий муж, здесь нет награды...» — <i>Гос. Исторический музей</i>	—
К. Браницкий. — С рис. Г. Гагарина. <i>Гос. Русский музей в Ленинграде</i>	196—197
Автограф стихотворения «Памяти А. И. Одоевского». — <i>Гос. Исторический музей</i>	202—203
Автограф стихотворения «На светские цени...» — <i>Гос. Литературный Музей в Москве</i>	210—211
Черновой автограф стихотворения «К портрету». — <i>Гос. Литературный музей в Москве</i>	220—221
Рисунок Лермонтова карандашом. — <i>Тетрадь рисунков № 22. ИЛИ</i>	224—225
«Валерик». — С рисунка Г. Гагарина. <i>Гос. Русский музей в Ленинграде</i>	226—227
Рисунок Лермонтова «Diplomatie civile et militaire». — <i>Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина</i> . . .	232—233
Обложка «Стихотворений» Е. Ростопчиной с надписью Лермонтову. <i>ИЛИ</i>	242—243
Беловой автограф стихотворения «Спор». — <i>Всесоюзная Публичная библиотека им. Ленина</i>	248—249
Первая страница альбома, подаренного В. Ф. Одоевским Лермонтову. — <i>Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина</i>	254—255
Замок Тамары. — С рисунка Г. Гагарина. <i>Гос. Русский музей в Ленинграде</i>	256—257
Группа в Кисловодске. — С рисунка Г. Гагарина. <i>Гос. Русский музей в Ленинграде</i>	264—265
Сестры Верзилины. — С рисунка Г. Гагарина. <i>Гос. Русский музей в Ленинграде</i>	268—269

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1836—1841 Г.Г.

1836

Умирающий гладиатор	1
Русалка	3
Еврейская мелодия (<i>Из Байрона</i>)	5
В альбом (<i>Из Байрона</i>)	6
[К Н. И. Бухарову]	7
[К портрету Н. И. Бухарова]	8
«Великий муж! Здесь нет награды . . .»	9

1837

Бородино	10
[Эпиграмма на Н. Кукольника]	14
Смерть поэта	15
Ветка Палестины	18
«Расписку просишь ты, гусар . . .»	20
Узник	21
Сосед	22
«Когда волнуется желтеющая нива . . .»	24
Молитва	25
«Расстались мы, но твой портрет . . .»	26
«Никто моим словам не внимлет . . .»	27
«Гляжу на будущность с боязнью . . .»	28
«Я не хочу, чтоб свет узнал . . .»	29
«Не смейся над моей пророческой тоскою . . .»	30
«Слышу ли голос твой . . .»	31
«Как небеса твой взор блистает . . .»	32
«Она поет — и звуки тают . . .»	33
[А. П. Петрову]	34
Кинжал	35
«Спеша на север из далека . . .»	36

1838

[К М. И. Цейдлеру]	38
Дума	39
Поэт	41

1839

«Ребенка милого рождение...»	43
Не верь себе	44
Три пальмы (восточное сказание)	46
Молитва	49
Дары Терека	50
Памяти А. И. Одоевского	53
«На буйном пируестве задумчив он сидел...»	56
[Э. К. Мусиной-Пушкиной]	57

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»	58
И скушно и грустно	60
Казачья колыбельная песня	61
[М. А. Щербатовой]	63
«Есть речи — значение...»	65
Соседка	66
Пленный рыцарь	68
Журналист, читатель и писатель	70
[М. П. Соломирской]	76
Воздушный корабль (<i>из Цедлицы</i>)	77
Отчего	80
Благодарность	81
Из Гёте	82
Ребенку	83
А. О. Смирновой	85
К портрету	86
Тучи	87
«Прощай, немытая Россия...»	88
«Я к вам пишу: случайно! право...»	89
Завещание	97

1841

Оправдание	99
Родина	100
[Эпиграмма]	102
Последнее новоселье	103
Любовь мертвеца	106
«Из-под таинственной, холодной полумаски...»	108
[А. Г. Хомутовой]	109
Вид гор из степей Козлова	111
«Это случилось в последние годы...»	113
[В альбом автору «Курдюковой»]	115
[А. А. Углицкой]	116
[В альбом С. Н. Карамзиной]	117
[Графине Ростопчиной]	118
Договор	119

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	120
«На севере диком стоит одиноко...»	121
Утес	122
Спор	123
Сон	127
«Лилейной рукой поправляя...»	128
«На бурке под тенью чинары...»	129
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»	130
«Не плачь, не плачь, мое дитя...»	131
«Они любили друг друга...»	132
L'Attente	133
Тамара	134
Свиданье	136
«Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»	139
«Выхожу один я на дорогу...»	141
Морская царевна	143
Пророк	145

DUBIA

Югельский барон. Баллада	149
[Экспромты 1841 г.]	151
«Очарователен Кавказский наш Монако...»	—
«Когда легковверен и молод я был...»	—
«В игре, как лев, силен...»	—
«Милый Глебов...»	152
«Скинь бешмет свой, друг Мартыш...»	—
«Смело в пире жизни надо...»	—
«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...»	—
«Велик князь Ксандр и тонок...»	153
«Наш князь Василь-...»	—
«Слишком месяц у Мерлины...»	—
«Куда, седой прелюбодей...»	154
«За девицей Emilie...»	—
«Он метил в умники, попался в дураки...»	—
«Зачем, о счастии мечтая...»	—
«Надежда Петровна...»	155
«Мои друзья вчерашние — враги...»	—
«Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут...»	—
«Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...»	—
[Три стихотворения.]	156
I. «Поверю совести присяжного дьяка...»	—
II. «Винтовка пулю верную послала...»	—
III. «Приветствую тебя я, злое море...»	—
Le blessé	158
Варпанты и комментарии	159

*Редактор Я. Е. Эльсберг.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Технический редактор
Н. Н. Филиппов.
Наблюден. на производстве
Г. А. Батков.*

★

*Сдано в набор 16. IX 1935 г.
Подпис. к печ. 20. I 1936 г.
Вышла в свет IV 1936 г.
Тираж 25 300 экз. Уполно-
моч. Главлита № Б-12000.
Инд. А-9. Издат. № 187.
Бумага 82 × 110 см. в 1/32.
Уч.-авт. л. 15,66. Бум. л.
4,5+35 вклеек. Зак. № 104.*

★

*Отпечатано во 2-й типо-
графии «Печатный двор»
треста «Полиграфкнига».
Ленинград. Гатчинская, 26.*

*Цена Р. 7 —
Переплет Р. 2 —*

